Т. Ж. ШОИНБАЕВ

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВХОЖДЕНИЕ КАЗАХСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВ РОССИИ

Т. Ж. ШОИНБАЕВ

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВХОЖДЕНИЕ КАЗАХСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВ РОССИИ

Издание второе,
переработанное и дополненное

АЛМА-АТА «КАЗАХСТАН» 1982

ББК 63.3 (2К)
Ш 78

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1141 -

Шоинбаев Т. Ж.

Ш78 Добровольное вхождение казахских земель в состав России.—Алма-Ата: Қазахстан, 1982.—279 с.

В работе обстоятельно рассматривается история добровольного вхождения Казахстана в состав России, его экономические, социальные, политические, культурные последствия.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам вузов, пропагандистам, а также читателям, интересующимся историей Казахстана.

Рецензент член-корреспондент АН ҚазССР,
доктор философских наук, профессор **Д. Кшибеков**

ББК 63.3(2К)+63.3(2)46

Ш $\frac{10604—055}{401(07)—82}$ 26—81. 0505010000

© Издательство «Қазахстан», 1982

ВВЕДЕНИЕ

В 30-е годы XVIII века произошел перелом в исторической судьбе казахского народа. В этот период было положено начало присоединению казахских земель к России — Младший жуз принял российское подданство. Это событие явилось исторически прогрессивным актом.

Проблема присоединения Казахстана к России, являясь одной из ключевых по своей значимости в истории казахского народа, неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. Этот исторический шаг положил начало общности дальнейших судеб русского и казахского народов.

Однако в этой теме до сих пор имеется еще ряд мало освещенных или не раскрытых на должном уровне вопросов. Недостаточно полно изучены патриархально-феодальные отношения в казахском обществе, социально-экономическое и внешнеполитическое положение края накануне и в период присоединения к России, причины принятия подданства, отношение к подданству народных масс Казахстана и др. При освещении рассматриваемой проблемы надо исходить из такого методологического указания В. И. Ленина: «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в **определенные** исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране.., учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»[1].

Основная задача в изучении истории присоединения Казахстана к России состоит в том, чтобы с позиций марксизма-ленинизма глубже раскрыть значение этого

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 263—264

сложного политико-экономического события в истории казахского народа.

В своей работе автор ставит целью показать те политические и экономические предпосылки, которые обусловили присоединение Қазахстана к России, и те глубокие перемены в хозяйстве, быте и культуре, которые произошли в жизни народа под экономическим и политическим влиянием России, что впоследствии явилось основой слияния классовой борьбы казахских трудящихся против собственных угнетателей с борьбой русского и других народов России против царизма.

Принципиальная оценка добровольного присоединения Қазахстана к России дана в Постановлении ЦК Компартии Қазахстана «О 250-летии добровольного присоединения Қазахстана к России», в котором этот акт определяется как поворотный пункт «в истории казахского народа, в становлении, развитии и утверждении его нерасторжимой дружбы с великим русским народом». Далее говорится, что «с высоты двух с половиной столетий особенно ясным и убедительным становится непреходящее значение присоединения Қазахстана к России для исторических судеб казахского народа, для развития его братской дружбы с русским и другими народами, в полную силу раскрывшееся в советскую эпоху»[2].

Имеющаяся по данной проблеме литература, как дореволюционная, так и советская, обширна. В историографии она освещена в основном правильно. Поэтому мы дадим характеристику только тем работам, которые, с нашей точки зрения, представляют наибольший интерес и содержат ценные данные. Их можно сгруппировать по периодам.

Первый. Литература, написанная до присоединения Қазахстана к России. Это в основном источники XVII — начала XVIII века, очень немногочисленные, разрозненные, в ряде случаев противоречивые.

Второй. Это материалы периода присоединения Қазахстана к России (30-е годы XVIII века — 60-е годы XIX века), когда шло последовательное изучение края с целью закрепления в нем власти царизма и освоения его экономических богатств. Они весьма разнообразны.

Третий. Литература, охватывающая время от прове-

---

[2] «Қазахстанская правда», 1981, 30 октября.

дения административных реформ 50—60-х годов XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции. Это период интенсивной колонизации и начала освоения Казахстана в связи с развитием российского капитализма «вширь». Материалы по данному периоду чрезвычайно обширны, особенно по экономике казахского хозяйства, скотоводству, природным ресурсам и, наконец, по культуре народа. В последние годы этого периода появляется литература, написанная казахами, но в основном она этнографическая.

Последний, четвертый период охватывает советскую литературу.

До присоединения Казахстана к России изучение его сводилось в основном к собиранию отдельными лицами, главным образом военными, путешественниками и послами, разнообразных сведений о крае. Часть этих материалов была опубликована. К ним относятся так называемые «Расспросные речи» — сообщения различных послов казахским ханам. Наибольший для нас интерес представляют «Расспросные речи Скибина и Трошина»[3]. Некоторые сведения содержит и «Чертежная книга всей Сибири» Е. Ульяновича, С. Ремезова (1696 г.). Немало документов, характеризующих казахско-русские отношения в XVI—XVII и XVIII—XIX вв., имеется в сборниках архивных материалов[4]. Среди них примечательны официальные письма русских царей к казахским ханам и ответы ханов, в которых в той или иной степени отразилось состояние казахско-русских отношений того времени.

Для последующего периода большое значение имеют работы П. И. Рычкова[5]. В них описано принятие Младшим жузом российского подданства. Кроме того, его труды содержат богатейший материал по экономике Казахстана, а также сведения о хозяйстве и быте казахов, и особенно торговле с Россией.

Другой вид литературы, относящийся к данному периоду,— это материалы научных экспедиций П. С. Пал-

---

[3] Дополнение к «Актам историческим», т. 10. СПб., 1867, док. № 80.

[4] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Сборник документов и материалов, т. 1. Алма-Ата, 1961; т. 2 (XVIII—XIX вв.). Алма-Ата, 1964.

[5] *Рычков П. И.* История Оренбургская (1730—1750). Ежемесячные сочинения и переводы. СПб., 1759; *его же.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

ласа, И. Фалька, И. Георги[6], задуманных еще Петром I. В составе экспедиции П. С. Палласа был Н. П. Рычков, который оставил подробные записи путешествия[7]. В них много интересных сведений о западной и центральной частях Казахстана, а также фактов о различных сторонах общественных отношений казахов.

Огромный интерес представляют записки А. Тевкелева — русского посла, приводившего к присяге казахов Младшего жуза. В сокращенном виде они публиковались и раньше, но наиболее полно изданы в первом томе «Казахско-русских отношений». Записки Тевкелева — ценнейший первоисточник по истории Казахстана 30-х годов XVIII века. В них имеются данные о кочевом хозяйстве, социальных категориях казахского общества. Показаны также причины и сам ход присоединения Казахстана к России.

Некоторые сведения о южных районах Казахстана содержат записки первых путешественников в Среднюю Азию — официальных послов России в Хиву: Д. Гладышева и Г. Муравина (1740—1741 гг.) и Бланкеннагеля (1793—1794 гг.)[8].

В целом все эти источники позволяют получить представление о политической жизни в степи, об общественном строе казахов, его исторических особенностях и т. д.

В начале XIX века изучение Казахстана становится более обстоятельным. По его территории совершают поездки такие исследователи и ученые, как, например, Ф. Назаров, Н. Муравьев, Г. Спасский[9], вскоре опубликовавшие интересные записки по отдельным вопросам географии, истории и хозяйства коренного населения.

---

[6] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1—3. СПб., 1773—1783; *Фальк И.* Полное собрание ученых-путешественников по России, т. VI. Записки акад. Фалька. СПб., 1894; *Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, т. I—IV. СПб., 1779—1799.

[7] *Рычков Н. П.* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772.

[8] *Гладышев и Муравин Г.* Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. СПб., 1851; Путевые заметки Бланкеннагеля о Хиве в 1793—1794 годах с примечаниями В. В. Григорьева.— «Вестник Русского географического общества», 1858, ч. 22.

[9] *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. СПб., 1821; *Муравьев Н.* Мысли об «Истории государства Российского Н. М. Карамзина».—«Литературное наследство», 1884, т. 59; *Спасский Г.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды.— «Сибирский вестник», 1820, ч. 9—10.

К этому же периоду относится первая обобщающая работа по истории Казахстана, написанная известным исследователем А. Левшиным[10]. Он осветил политические события казахского общества с середины XVI до начала XVIII в.

В первой половине XIX века в некоторых журналах публикуются статьи о Казахстане и казахах, свидетельствующие о развитии хлебопашества в степи. Их авторами были Г. Шахматов и С. Броневский[11], служившие в те годы в Среднем жузе.

Внимание к исследованию Казахстана стало возрастать накануне его окончательного присоединения к России, в тот период, когда перед царским правительством встал вопрос об административном закреплении данной территории, о введении в крае российской системы управления. Изучение проводили в основном офицеры Генерального штаба И. Ф. Бларамберг, В. Герн, Васильев, Л. Мейер, М. Красовский[12]. Эти работы весьма обстоятельны, содержат богатейшие статистические данные по экономике казахского аула, его истории, а также сведения о национальных движениях.

В эти же годы провел большие исследования по истории казахов, киргизов, уйгуров ученый-казах Ч. Ч. Валиханов[13]. Некоторые его работы были опубликованы уже в советское время в избранных произведениях[14] и в полном собрании сочинений, подготовленном Ин-

---

[10] *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, ч. 1—3. СПб., 1832.

[11] *Шахматов Г.* Замечание о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней орды.— «Земледельческий журнал», 1832, № 8; *Броневский С. Б.* О киргиз-кайсаках Средней орды.— «Отечественные записки», 1830, ч. 41, 42, 43.

[12] *Бларамберг И. Ф.* Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Курган.— «Записки императорского Русского географического общества», 1858, кн. IV. СПб.; *Герн В.* и *Васильев.* Оренбургская губерния.— Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XIV, ч. 2. СПб., 1848; *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства.— «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», т. X. СПб., 1865; *Красовский М.* Область сибирских киргизов.— «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», т. XVI, ч. 1—3. СПб., 1868.

[13] Сочинения Чокана Валиханова.— «Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии». т. XXIX. СПб., 1904.

[14] *Валиханов Ч. Ч.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.

ститутом истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук КазССР[15].

Ч. Ч. Валиханов был прекрасным знатоком истории, быта, языка и культуры своего народа. Его свидетельства и оценки по некоторым вопросам казахской истории точны и научно обоснованы.

В 50-х — начале 80-х годов XIX века в печати появляются статьи и записки, посвященные изучению Казахстана накануне реформы. Из них наиболее интересны работы А. К. Гейнса — члена комиссии по разработке проекта Положения 1867—1868 годов, исследовавшего Казахстан во время специальных поездок по его территории[16].

После проведения административной реформы перед царскими властями возросла возможность экономического освоения Казахстана. В 70—80-х годах в периодике публикуются статьи, касающиеся самых разнообразных вопросов жизни и истории казахов. Они написаны со знанием дела, свидетельствуют о большой наблюдательности авторов и умении обобщать материал. Эти статьи представляют большой интерес.

Из работ подобного рода необходимо отметить публикации М. Н. Галкина, А. Ф. Костенко, И. Я. Словцова, М. И. Венюкова, Г. И. Потанина, А. Н. Краснова, М. Терентьева и других[17]. Весьма примечателен четырехтом-

---

[15] *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах, т. 1—5. Алма-Ата, 1961—1972.

[16] *Гейнс А. К.* Киргизские очерки.— «Военный сборник», 1865, № 1, 6—7; Сборник литературных трудов Александра Константиновича Гейнса, т. I—III. СПб., 1897—1898.

[17] *Галкин М. Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1869; *Костенко А. Ф.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870; *его же.* Очерки Семиреченского края (путевые письма).— «Военный сборник», 1872, т. XXXVII, № 11—12; *Словцов И. Я.* Путевые заметки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 году.—«Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО», кн. 3. Омск, 1881; *Краснов А. Н.* Очерк быта семиреченских киргиз.— «Известия РГО», т. 23, вып. 4, 1887; *Венюков М. И.* Заметки о степных походах в Средней Азии.— «Военный сборник», 1860, № 12; *Потанин Г. Н.* Зимняя поездка на озеро Зайсан (зимой 1863—1864 гг.).—«Записки РГО», 1867, т. 1; *его же.* О рукописи капитана Андреева о Средней Киргизской орде, писаной в 1785 г.— «Известия РГО», 1875, т. XI, вып. 2; *Терентьев М.* Статистические очерки Среднеазиатской России.— «Записки РГО по отделу статистики», 1874, т. IV; *его же.* Туркестан и туркестанцы.— «Вестник Европы», 1875, т. 9—10.

ный труд М. Терентьева о Средней Азии[18]. Автор верно отмечал, что присоединение казахских жузов к России способствовало прогрессу, развитию земледелия.

Статьи и отдельные монографии историков, экономистов и ориенталистов 70—90-х годов содержат материал, позволяющий судить о тех изменениях, которые совершались в экономике и политической жизни Казахстана в этот период под влиянием России[19].

Много фактов по этнографии казахов собрал А. Н. Харузин, один из знатоков истории и быта казахов. В своих работах он показал процесс разложения старого патриархально-родового быта под влиянием перехода населения на оседлый и полуоседлый образ жизни[20].

Следует назвать работы, в которых описаны национальные и национально-освободительные движения, происходившие в Казахстане в XIX веке в связи с усилением колониальной политики царизма. Немало статей посвящено восстанию под руководством батыра Есета Котибарова (1855—1858 гг.)[21], волнениям сырдарьинских егиншей (земледельцев) в районе укрепления Казалы под главенством батыра Джанходжи Нурмухамедова (1856—1858 гг.), выступлению рода адай на Мангышлаке, около форта Александровского (1870—1871 гг.)[22], крестьянскому восстанию в Букеевской орде под руководством Исатая Тайманова (1837 г.), а также

---

[18] *Терентьев М.* История завоевания Средней Азии с картами и планами, т. I—IV. СПб., 1906.

[19] *Алекторов А. Е.* Очерк Внутренней киргизской орды.— «Известия Оренбургского отделения РГО», 1893—1894, вып. I—III; *Головачев Д. М.* Заметки о русской колонизации Сибири.— «Землевладение», 1894, т. 1, кн. IV; *Швецов М.* Из поездки в Риддерский край.— «Записки Западно-Сибирского отделения РГО», 1898, кн. 25, Омск.

[20] *Харузин А. Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюрских и монгольских народностей России.— «Этнографическое обозрение», 1896, № 1—3.

[21] *Бий Есет Котибаров.* Возмутитель Киргизской степи.— «Русский хозяйственный листок», 1858, № 31; *Назаров П. Н.* Воспоминание о степном походе в ханства Хиву и Бухару.— «Военный сборник», 1864, № 4; «Колокол», 1858, № 28.

[22] *Аничков И. В.* Киргизский герой батыр Джанхожа Нурмухамедов. Очерки из первых шагов русских на Сырдарье.— «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», 1894, т. 12, вып. 3; *Арасанский Л.* Причина волнений в киргизских степях.— «Деятельность», 1859, № 98; *Зельман Т.* Подавление беспорядков на Мангышлаке в 1870 г.— «Военный сборник», 1873, № 11—12; *Середа Н. А.* Из истории волнений в Оренбургском крае (Материалы для истории последнего киргизского волнения) (1869—1870).— «Русская мысль», 1891, кн. 7, 8, 10.

феодально-монархическим движениям, которые случались в Казахстане после упразднения ханской власти,— например, бунт Кенесары Касимова[23].

Сохранилось немало работ по обычному праву казахов, составленных дореволюционными исследователями. Их статьи не имеют непосредственного отношения к нашей теме, но содержат интересный материал о хозяйстве казахов в XIX веке и знакомят с политической жизнью края. Это работы П. И. Гродекова, А. Добросмыслова, Л. А. Словоохотова и А. И. Макутина[24].

К концу XIX века выдвигается ряд публицистов-казахов, которые пишут по-русски со знанием дела о своем народе. Среди них необходимо отметить О. Сейдалина, Султангазина, Бабаджанова, Тяукина[25] и известного казахского педагога-просветителя И. Алтынсарина[26]. Тогда же стали появляться и первые работы на казахском языке. Особое значение для нас имеют статьи, опубликованные в «Степной газете», затем в газетах, которые стали выходить в Казахстане несколько позднее.

В этих статьях обсуждались насущные проблемы казахского общества, велись дискуссии о перспективах развития хозяйства, о земледелии, изъятии земель у

---

[23] *Савичев Н.* Исатай Тайманов, старшина Внутренней орды.— «Уральские войсковые ведомости», 1877 и 1878, № 43, 45, 47, 49, 51; *Середа Н. А.* Бунт киргизского султана Кенесары Касимова (1838—1847).— «Вестник Европы», 1870—1871, кн. 8—9; *Кенесарин Ахмет.* Султан Кенесары и Садык. Ташкент, 1889.

[24] *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области, т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889; *Добросмыслов А.* Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань, 1904; *Словоохотов Л. А.* Народный суд обычного права киргиз Малой орды. Оренбург, 1905; *Макутин А. И.* Юридический быт киргиз.— «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XXV. Оренбург, 1911.

[25] *Сейдалин О.* О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая.— «Записки Оренбургского отделения РГО», вып. 1, 1870; *Султангазин.* О древнем судопроизводстве киргиз.— «Акмолинские областные ведомости», 1888, № 51; *Бабаджанов Мухамед-Салах.* О каменной бабе, найденной в Киргизской степи.— «Этнографический сборник РГО», 1864, т. 6; *его же.* Из Внутренней киргизской орды.— «Известия РГО», 1865, № 4; Заметка киргиза о киргизах.— «Северная Пчела», 1861, № 4; *Тяукин Мухамед Галий.* Записки о хозяйстве, скотоводстве и других средствах к существованию ордынцев, кочующих в Зауральской степи.— «Экономические записки», 1861, № 41.

[26] *Алтынсарин И.* Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства.— «Записки Оренбургского отделения РГО», 1881, вып. 4.

коренного населения, о положении казахской женщины, обучении, культуре и т. д.

На рубеже XX века в связи с усилением колонизации края и изъятием казахских земель в переселенческий фонд началось активное изучение казахского кочевого хозяйства. Организуется ряд экспедиций, которые занялись исследованием хозяйства многих уездов Казахстана. Одно такое обследование было проведено в конце 80—90-х годов в Степном генерал-губернаторстве под руководством статистика Ф. Щербины, второе—в начале XX века, в Туркестанском генерал-губернаторстве, под началом П. А. Скрыплева и третье — тогда же, в Семиреченской области, под руководством П. П. Румянцева[27]. В материалах этих экспедиций можно найти много ценного для понимания землепользования у казахов в этот период и ранее, а также заметить прогрессивные сдвиги в экономике кочевого хозяйства. Немало самых разнообразных вопросов из жизни казахов конца XIX в. освещено в работах таких исследователей, как А. А. Кауфман, Л. К. Чермак, П. П. Румянцев, П. А. Хворостянский, К. К. Пален, П. Коншин, Ф. К. Зобнин, И. В. Аничков и др.[28]

---

[27] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей под руководством Ф. Щербины, т. 1—12. СПб., 1898—1908; Материалы по киргизскому землепользованию Сырдарьинской области, собранные и разработанные под руководством П. А. Скрыплева в 1906—1912 гг., т. 1—5. Ташкент, 1903—1913; Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования Семиреченской области в 1898—1913 гг., собранные и разработанные экспедицией под руководством П. П. Румянцева, т. I—IV. СПб., 1911—1913; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района, т. I—V. СПб., 1909—1913.

[28] *Кауфман А. А.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края (Отчет по командировке летом 1903 г.). СПб., 1903; *его же* Переселение и колонизация. СПб., 1905; *Чермак Л. К.* Киргизское хозяйство в Степном крае (район железной дороги Петропавловск—Спасский завод в экономическом отношении). СПб., 1912; *Румянцев П. П.* Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910; *Хворостянский П. А.* К киргизско-переселенческому вопросу.— «Оренбургская газета», 1907, № 2834, 2839, 2840; *Пален К. К.* Отчет о ревизии Туркестанского края, производимый по высочайшему повелению сенатором графом Паленом. СПб., 1909—1911; *Коншин П.* Материалы для истории Степного края.— «Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год». Семипалатинск, 1902, кн. IV; *Зобнин Ф. К.* К вопросу о невольницах, рабах и туленгутах в Киргизской степи. Семипалатинск, 1901; *Аничков И. В.* Упадок народного хозяйства в киргизских степях.— «Русская мысль», 1902, кн. 5.

Достойны особого внимания труды А. Добросмыслова, проработавшего несколько лет ветеринарным врачом в Тургайской области. Часть его работ посвящена кочевому скотоводческому хозяйству и торговле. Из публикаций по истории для нас представляет интерес «Тургайская область. Исторический очерк»[29], в котором последовательно излагается история Младшего жуза со времени принятия российского подданства до 70-х годов XIX в. В ней имеется много подробных сведений об исторических событиях, происходивших в описываемый период в Западном Казахстане, даются статистические данные о торговле, позволяющие судить о развитии экономики края и проникновении в него торгового капитала.

О промышленном развитии Казахстана можно получить представление из публикаций инженеров и чиновников горных управлений, в которых содержатся данные о развитии горнодобывающих предприятий и т. д. Это работы Г. В. Колмогорова, Габриеля, В. И. Семевского, Е. Глушкова[30].

При изучении исследований дореволюционных авторов следует помнить, что главное внимание они обращали не на историю народа, а на историю правителей. Казахстан, как и другие национальные окраины Российской империи, рассматривался в качестве колонии, как источник извлечения, сырья, выгодный рынок сбыта и сфера приложения капитала.

Весьма важны для разработки темы работы советского периода. Уже в первые годы Советской власти вопрос о присоединении Казахстана к России и его историческом значении для казахского народа затрагивался рядом авторов и трактовался с ошибочных, а порой с буржуазно-националистических позиций. Принятие Абулхаиром российского подданства они считали предательством интересов казахского народа. Эти авторы, утверждая, что основным занятием казахского народа всегда должно быть кочевое скотоводство, отвергали все новое, прогрессивное, т. е. развитие земледелия,

[29] *Добросмыслов А.* Тургайская область. Исторический очерк. Тверь, 1902.

[30] *Колмогоров Г. В.* О промышленности и торговле в Киргизской степи Сибирского ведомства.—«Вестник Русского географического общества», 1855, кн. 1; *Габриель.* О каменноугольном производстве в киргизских степях Сибирского ведомства.—«Известия РГО», 1873, т. IX, № 4; *Семевский В. И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. 2. СПб., 1898; Глушков Е. Нефть в Уральской области. Омск, 1912.

оседлости, промышленности и т. д. Отрицательно оценивалась ими и деятельность первых казахских ученых и просветителей Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина.

Позднее, в первом издании «Истории Казахской ССР», вышедшем в 1943 г., присоединение Казахстана к России оценивалось как «сговор части казахской знати с царским правительством». Авторы давали отрицательную оценку деятельности Абулхаира, а борьбу султанско-старшинских группировок против подданства выдавали за народные волнения. Критика ошибок первого издания «Истории Казахской ССР» была дана в центральной партийной печати[31]. Вслед за этим, в августе 1945 года было принято специальное постановление ЦК КП(б) Казахстана, в котором говорилось об ошибках первого издания «Истории Казахской ССР», о необходимости их исправления и переиздания книги [32].

В 1948 г. вышла монография Н. Г. Аполловой «Присоединение Казахстана к России в 30—40-х годах XVIII века». В целом книга являлась шагом вперед в исследовании проблемы. Автор приходит к правильному выводу, что присоединение Казахстана к России было прогрессивным явлением. Но этот вывод настолько искусственен, что дал основание одному из специалистов по истории Казахстана В. Ф. Шахматову заявить: «Автор не дал должной политически заостренной оценки излагаемым историческим событиям, политические выводы не связаны органически с анализом фактов. Это превратило важную и нужную работу в путаную и аполитичную хрестоматию фактов и событий половины XVIII столетия»[33].

В своей книге, как отмечает другой исследователь В. Я. Басин[34], Н. Г. Аполлова ошибочно утверждала, что еще в 20—30-х годах XVIII века российское правительство положило начало тому наступлению в глубь казахских степей, которое «выросло в крупную агрессию царизма»[35]. Между тем общеизвестно, что агрессия не

---

[31] *Морозов М.* Об истории Казахской ССР.— «Большевик», 1945, № 6.

[32] См. «Известия КазФАН СССР, серия историческая», 1946, вып. 2.

[33] *Шахматов В. Ф.* Путаная и аполитичная хрестоматия фактов.— «Большевик Казахстана», 1949, № 4, с. 48.

[34] *Басин В. Я.* Русско-казахские отношения в XVI—XVIII веках. Автореферат докторской диссертации. Алма-Ата, 1974, с. 12—13.

[35] *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России в 30—40-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948, с. 245.

может быть прогрессивной. Этими словами Н. Г. Аполлова опровергает свое декларативное утверждение о прогрессивности присоединения Казахстана к России.

Рассматривая обстановку принятия подданства, Н. Г. Аполлова не видит различия между временем подписания юридического акта о подданстве и его осуществлением. Так, она пишет, что в 1731 г. «была приведена в подданство часть Среднего жуза»[36]. В действительности же основные документы о вхождении Среднего жуза в состав России были подписаны в 1740 г., а сам процесс совершался на протяжении всего XVIII в.[37]

Говоря об отдельных ошибках, допущенных Н. Г. Аполловой, следует заметить, что они вызваны, главным образом, недостаточным знанием специфики быта и социального строя дореволюционного Казахстана. Автор не смогла объяснить сущности патриархально-феодальных отношений у казахов, не разобралась в формах эксплуатации в казахской кочевой общине и во взаимоотношениях между классами, дала неверную характеристику власти казахских ханов, не вскрыла истинных причин, побудивших хана Абулхаира принять русское подданство.

В своей новой монографии Н. Г. Аполлова[38] рассматривает изменения, происшедшие в экономике и общественном укладе казахов в указанный период, уже под непосредственным влиянием России. Однако и эта работа не свободна от серьезных недостатков. Порой делаются совершенно необоснованные выводы, которые противоречат данным архивных документов.

Нельзя согласиться с мнением автора, что торговые связи были основной формой влияния экономики России на хозяйственную деятельность казахского аула. Экономическое воздействие России проявлялось не только в развитии товарно-денежных отношений в крае, но и в распространении земледелия среди казахов, в переходе их к оседлости, в занятии землепашеством и сенокошением. Говоря о политических последствиях присоедине-

---

[36] *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России, с. 238.

[37] *Абишев Г., Зуев Ю.* Покровительство или подданство.— «Простор», 1972, № 8, с. 92; *Нурпеисов К., Турта В. В.* Рецензия на кн.: Г. Ф. Дахшлейгер. В. И Ленин и проблемы казахстанской историографии (Алма-Ата, 1975).—«Вестник АН КазССР», 1974, № 8, с. 76—77, и др.

[38] *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX вв. М., 1960.

ния Казахстана к России, Н. Г. Аполлова не увязывает борьбу казахов-кочевников за пастбища по Яику и Иртышу с крестьянской войной под предводительством Е. И. Пугачева. Между тем наибольший отклик эта война нашла в тех казахских районах, где остро стоял вопрос о земле.

Совместная борьба казахов-кочевников и русских крестьян в период крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева — один из ярчайших примеров политического последствия присоединения, свидетельствующего о пробуждении классового самосознания у казахских трудящихся под влиянием борьбы трудового народа России. Все сказанное позволяет заключить, что к работам Н. Г. Аполловой следует подходить критически.

Однако, несмотря на серьезные просчеты в работах Н. Г. Аполловой, следует отметить, что автор впервые в советской историографии ввел в научный оборот весьма важные архивные источники о взаимоотношениях казахских ханств с русским государством, проанализировал взаимоотношения между Казахстаном и Россией после присоединения. Как справедливо указывали Е. Бекмаханов и Г. Семенюк, «большое научно-исследовательское и практическое значение имеют замечания Н. Аполловой о стойловом содержании скота в казахских аулах. Она отмечает, что переход к стойловому содержанию скота, несмотря на старания царизма и заинтересованность в этом некоторых казахских феодалов, был немыслим без создания кормовой базы и коренной перестройки всего скотоводческого хозяйства»[39].

В новом, втором издании «Истории Казахской ССР», вышедшем в 1949 году, присоединение Казахстана к России было оценено как событие, имеющее «большое прогрессивное значение для казахского народа». Однако это не было показано на конкретных фактах.

В 1951 г. с опубликования письма академика М. В. Нечкиной[40] в исторической науке началась дис-

---

[39] См. «Партийная жизнь Казахстана», 1962, № 3, с. 77.

[40] *Нечкина М. В.* К вопросу о формуле «наименьшее зло» (письмо в редакцию).— «Вопросы истории», 1951, № 4; *Тавакалян Н.* По поводу письма М. В. Нечкиной «К вопросу о формуле «наименьшее зло».— Вопросы истории», 1951, № 9; *Мустафаев М. О.* О формуле «наименьшее зло».— «Вопросы истории», 1951, № 9; *Якунин А. Ф.* О применении понятия «наименьшее зло» к оценке присоединения к России нерусских народностей.— «Вопросы истории», 1951, № 11, и др.

куссия по поводу формулы «наименьшее зло». Авторы большинства статей, разделяя мнение М. В. Нечкиной, правильно решили, что формулу «наименьшее зло» нельзя распространять на все случаи вхождения в состав России других народов, так как «наименьшее зло»— это все же зло. Между тем объективную оценку присоединения того или иного народа к России можно дать лишь на основе изучения причин самого процесса и его результатов.

После дискуссии формула «наименьшее зло» в оценке присоединения Казахстана к России больше не применялась. В вышедшем в 1957 г. третьем издании первого тома «Истории Казахской ССР» проблема присоединения была рассмотрена обстоятельно, освещены политические и экономические факторы, побудившие сначала Младший жуз, а затем два других принять российское подданство, которое оценивалось как прогрессивное явление.

Вскоре после выхода «Истории Казахской ССР» была опубликована монография Е. Бекмаханова «Присоединение Казахстана к России»[41]. В ней исследована история экономического и политического развития Казахстана во второй половине XIX века. Однако в работе автор опустил вопрос о принятии казахами Младшего жуза подданства России, отослав читателя к книге Н. Г. Аполловой. Что же касается процесса присоединения Среднего и Старшего жузов к России, то его освещение в книге заняло всего шесть страниц.

В историческом обзоре своей монографии Е. Бекманханов, говоря о движении сырдарьинских казахов в 1856—1857 гг., которое ошибочно датирует 1853—1854 гг., заявляет, что оно носило реакционный характер[42]. Согласиться с подобным мнением нельзя, тем более, что в подтверждение своего мнения автор не приводит ни одного аргумента, ни одного конкретного факта.

В 50-х годах было издано немало работ по самым разнообразным вопросам экономики, социального строя и культуры казахского общества. Вышел ряд исследований по вопросу о характере общественных отношений у казахов-кочевников, в которых по-разному трактовалась их сущность. Из этих книг необходимо отметить

---

[41] *Бекманханов Е.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957.
[42] Там же, стр. 16.

работы В. Ф. Шахматова, С. Зиманова, С. Толыбекова, И. Я. Златкина[43].

Одной из наиболее сложных проблем дореволюционной истории Казахстана была и остается проблема о характере общественных отношений у казахов, о природе казахской кочевой общины. Выяснению ее специфики много лет плодотворной научной деятельности посвятил В. Ф. Шахматов, один из пионеров изучения истории дореволюционного Казахстана. Свои долголетние изыскания он обобщил в монографии «Казахская пастбищно-кочевая община», в которой дал само определение общины у казахов-кочевников и проанализировал ее становление, развитие и разложение[44].

Одним из важных вопросов в истории дореволюционного Казахстана, затронутых в нашей работе, является развитие национально-освободительных движений в крае. Начиная с 20-х годов выходит ряд изданий по этой теме. Первым ее исследователем был оренбургский краевед А. Ф. Рязанов, написавший на основе изучения многих архивных источников несколько работ по истории национально-освободительных движений в Казахстане[45]. Эти работы далеки от марксистского понимания исторического процесса и правильной оценки движений, в них не показаны основные движущие силы восстания, их классовая направленность. Но его работы ценны тем, что содержат большой фактический материал.

После А. Ф. Рязанова некоторые вопросы этой проблемы получили освещение уже с марксистских позиций в трудах М. П. Вяткина, В. Ф. Шахматова[46] и других.

---

[43] *Шахматов В. Ф.* О фактах феодальной эксплуатации в Казахстане в XIX веке.— «Вестник АН КазССР», 1951, № 11; *Зиманов С.* Общественный строй казахов в первой половине XIX века. Алма-Ата, 1958; *Толыбеков С. Е.* Общественно-экономический строй казахов в первой половине XIX века. Алма-Ата, 1959; *его же.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата, 1971; *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964.

[44] *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964; *Семенюк Г. И.* Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1974.

[45] *Рязанов А. Ф.* Пугачевское восстание и хан Малой орды Нуралы.—«Советская Киргизия», 1924, № 8; *его же.* Батыр Датов. Там же, 1924, № 10; *его же.* Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797—1838). Кзыл-Орда, 1926; *его же.* Восстание Исатая Тайманова. Кзыл-Орда, 1927, и др.

[46] *Вяткин М. П.* Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941; *его же.* К вопросу о крестьянских войнах в Казахстане.— «Вопросы

На вопросе о характере национальных движений в Казахстане останавливался и Е. Бекмаханов в своей книге «Казахстан в 20—40-е годы XIX века» (Алма-Ата, 1947). Но при рассмотрении реакционного, феодально-монархического движения султана Кенесары Касымова автор исходил из неверных позиций, вследствие чего им не была показана противоположность классовых интересов ханско-султанской верхушки и трудового народа, на что в свое время указывалось в центральной партийной печати[47]. Однако Е. Бекмаханов в книге «Присоединение Казахстана к России», вышедшей в 1957 г., пересмотрел свою прежнюю оценку движения Кенесары Касымова, признав его феодально-монархическую и антинародную сущность, и дал более четкую характеристику хода и исторического значения вхождения казахских земель в состав России.

В дореволюционной литературе почти не нашли отражения ни в монографиях, ни в статьях революционная борьба и национальное восстание 1916 г. Это вполне естественно, так как буржуазные авторы не касались вопросов классовой борьбы колониальных народов. Изучение революционного движения в Казахстане фактически началось в советское время.

Вопрос о классовой, революционной борьбе стал одним из центральных в советской историографии. Ему было посвящено немало статей, монографий и сборников документов. В этой литературе содержится ценнейший материал о революционных событиях XIX— начала XX в. Среди работ, близких к ним по теме, следует отметить статьи А. В. Пясковского, А. Ф. Якунина[48].

истории», 1945, № 3—4; *его же.* Батыр Срым. Л., 1947; *Шахматов В. Ф.* Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946; *его же.* К вопросу о классовой борьбе в Казахстане в первой половине XIX в.— «Большевик Казахстана», 1951, № 11; *Якунин А. Ф.* Освободительное движение трудящихся казахов в 1836—1838 гг.— «Большевик Казахстана», 1939, № 6; *его же.* К вопросу об оценке характера национальных движений 30—40-х годов XIX в. в Казахстане.— «Вопросы истории», 1951, № 4; *Шоинбаев Т. Ж.* Восстание сырдарьинских казахов под руководством батыра Джанходжи Нурмухамедова (1856—1857 гг.). Алма-Ата, 1949.

[47] См. «Правда», 1950, 26 декабря.

[48] *Пясковский А. В.* Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа — важнейшее прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России.— Материалы объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значе-

О восстании 1916 г. опубликованы документальные сборники в Алма-Ате и в Москве[49], а также монографии, в которых исследуются причины, движущие силы и ход восстания 1916 г. в Узбекистане, Киргизии и Казахстане. Наибольший интерес представляют исследования Х. Турсунова, К. Усенбаева, Б. Сулейменова и В. Я. Басина[50].

Анализу социально-экономических отношений в Казахстане в конце XIX — начале XX века посвящены работы П. Галузо[51]. В них он затрагивает и рассматриваемую нами проблему. В частности, П. Галузо в статьях, помещенных в сборнике «Казахстан в канун Октября», отрицает прогрессивность присоединения Казахстана к России. Он заявляет, что в результате этого акта «производительные силы края разрушались». Более откровенно свою точку зрения по проблеме присоединения Казахстана к России П. И. Галузо излагает в работе «Очерк советской историографии аграрных отношений в Казахстане в период капитализма» (1971). По его мнению, утверждение о прогрессивности присоединения Казахстана к России — «историческая неправда», так как политика России в этом крае была реакционной «по всем линиям»: царизм препятствовал «переходу казахов к более высоким формам культуры сельского хозяйства — оседлому земледелию»[52].

Неправильная, принципиально неверная схематическая точка зрения П. Галузо была подвергнута справедливой критике в книге члена-корреспондента АН КазССР Г. Ф. Дахшлейгера[53]. Автор разоблачает анти-

---

нию присоединения Средней Азии к России. Доклады. Ташкент, 1959; *Якунин А. Ф.* Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX в. Присоединение Средней Азии к России. М., 1952.

[49] Восстание 1916 года в Казахстане. Сборник документов. Алма-Ата, 1947; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960.

[50] *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962; *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967; *Сулейменов Б.* и *Басин В. Я.* Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977.

[51] *Галузо П.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965; Казахстан в канун Октября. Алма-Ата, 1968, с. 146.

[52] *Галузо П. Г.* Очерк советской историографии аграрных отношений в Казахстане в период капитализма (На правах рукописи). Алма-Ата, 1971, с. 4, 7, 9, 10, 55, 56, 57, 96.

[53] *Дахшлейгер Г. Ф.* В. И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. Алма-Ата, 1973.

научную концепцию П. Г. Галузо о присоединении Казахстана к России.

Изучению роли и значения Казахстана в системе внешней политики России на Востоке в XVI—XVIII веках посвящена книга В. Я. Басина «Россия и казахские ханства в XVI—XVIII веках»[54], в которой на широком историческом материале автор научно объективно трактует проблему присоединения, показывая ее прогрессивность.

Большой вклад в разработку вопросов взаимоотношений народов Средней Азии и Киргизии с Россией внесли Б. Джамгерчинов, К. Усенбаев, А. Хасанов, Н. Халфин, В. Плоских и др.[55]

Одной из важных тем, относимых к проблеме присоединения, является вопрос о внешнеэкономических связях Казахстана, который был предметом исследования в уже упомянутой книге Н. Г. Аполловой, частично в монографии М. К. Рожковой[56]. В работах В. Ф. Шахматова были освещены некоторые аспекты торговых связей Казахстана, в частности Внутренней (Букеевской) орды в первой половине XIX века. Однако автор, уделяя большое внимание состоянию торговли в Казахстане, вместе с тем мало пишет о торговой политике русского правительства и торговых связях самого Казахстана[57].

Общий обзор внешнеторговых связей казахов в XVIII веке дан в статье С. К. Ибрагимова[58]. В ней имеются сведения о торговле Казахстана с Россией,

[54] *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1971.

[55] *Джамгерчинов Б.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963; *Усенбаев К.* Присоединение южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960; *Хасанов А.* Экономические и политические связи Киргизии с Россией. Фрунзе, 1960; *его же.* Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70 гг. XIX в. Фрунзе, 1961; *его же.* Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977; *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России. М., 1965; *Плоских В. М.* Первые киргизские посольские связи. Фрунзе, 1970.

[56] *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII— начале XIX в. М., 1960; *Рожкова М. К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.—Л., 1949.

[57] *Шахматов В. Ф.* Букеевская орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1947; *его же.* О развитии торговли и обмена в Казахстане в первой половине XIX в.—«Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права», 1956, вып. 3.

[58] *Ибрагимов С. К.* Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII веке.— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», 1958, т. XIX.

Средней Азией и Западным Китаем, но слабо освещены политические аспекты торговли. О роли городов Прииртышья в развитии русско-казахских торговых связей говорится в статье Ж. Касымбаева[59].

Несмотря на значительную литературу о торговых связях Казахстана, все же она не дает цельного представления о состоянии и развитии торговых связей Казахстна с момента присоединения его к России и до конца XIX века.

В 1973 г. вышла книга автора этих строк[60], посвященная добровольному вхождению Казахстана в состав России и его прогрессивным последствиям, которая получила положительную оценку в печати[61].

Наша проблема косвенно затронута и в работах, посвященных развитию образования в Казахстане в дореволюционный период, а также казахским просветителям Чокану Валиханову, Ибраю Алтынсарину и Абаю Кунанбаеву. Среди них следует назвать статьи и монографии А. С. Сытдыкова, К. Бержанова, М. С. Сильченко, Х. Айдаровой, Т. Тажибаева, К. Кереевой-Канафиевой, К. Бейсембиева[62]. Из этих работ нами использованы ценные сведения.

---

[59] *Касымбаев Ж.* Развитие прииртышских крепостей как торговых центров в XVIII в.— «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1974, № 6.

[60] *Шоинбаев Т. Ж.* Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973.

[61] См.: *Кшибеков Д., Бакшилов С.* Исследование важной темы.— «Партийная жизнь Казахстана», 1974, № 3; *Даулбаев Н. Д.* Истоки великого единства.—«Казахстанская правда», 1974, 5 марта; *Щербаков А.* Труд интернационального звучания.— «Учитель Казахстана», 1974, 16 мая; *Айсатов Х. А.* Шоинбаев Т. Ж. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России.—«Реферативный журнал. Общественные науки в СССР. История». Серия 5. III, 1975, № 1.

[62] *Сытдыков А. С.* Педагогические идеи и просветительная деятельность И. Алтынсарина. Алма-Ата, 1949; *Бержанов К.* Русско-казахское содружество в развитии просвещения. Алма-Ата, 1965; *Сильченко М.* Творческая биография Абая. Алма-Ата, 1957; *Айдарова Х. Г.* Чокан Валиханов. Алма-Ата, 1948; *Тажибаев Т. Т.* Абай Кунанбаев о воспитании молодежи. Алма-Ата, 1954; *его же.* Развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX в., ч. I. Алма-Ата, 1958; *его же.* Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алма-Ата, 1962; *его же.* Педагогическая мысль в Казахстане во второй половине XIX века. Алма-Ата, 1965; *Кереева-Канафиева К.* Дореволюционная русская печать о Казахстане. Алма-Ата, 1963; *Бейсембиев К.* Мировоззрение Абая Кунанбаева. Алма-Ата, 1956; *его же.* Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века. Алма-Ата, 1961; *его же.* Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1976.

Значительным подспорьем в оценке прогрессивного значения присоединения Казахстана к России явились историко-партийные труды: «Очерки истории Коммунистической партии Казахстана» (Алма-Ата, 1963), «Под знаменем ленинских идей» (Алма-Ата, 1973) и работы таких авторов, как С. Б. Бейсембаев, П. М. Пахмурный, К. Бейсембиев[63].

Методологической основой работы являются труды классиков марксизма-ленинизма, прежде всего их основные принципы диалектического и исторического материализма, метод конкретно-исторического подхода к явлениям общественной жизни, а также материалы партийных съездов, конференций, Пленумов ЦК КПСС, съездов Компартии Казахстана, выступления руководителей партии и правительства.

Важное значение в постановке и разработке конкретных проблем истории нашей республики, в частности исторического значения присоединения Казахстана к России, имеют труды члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана тов. Д. А. Кунаева[64]. «Союз с Россией,— подчеркивает тов. Д. А. Кунаев,— был единственно правильным — он не только ограждал степи от кровавых набегов завоевателей, но и имел важнейшие социальные последствия. Добровольное вхождение Казахстана в состав Российского государства способствовало пробуждению производительных сил, процессу разложения докапиталистических отношений, появлению пролетариата, создавало самые благоприятные условия для развития экономических и культурных связей со всеми народностями нашей страны. Отныне исторические судьбы казахского народа навсег-

---

[63] *Бейсембаев С. Б.* Ленин и Казахстан. Алма-Ата, 1969; *Пахмурный П. М.* Казахстан в годы первой русской революции. Алма-Ата, 1976; *Пахмурный П. М., Григорьев В. К.* Октябрь в Казахстане. Алма-Ата, 1979; *Бейсембиев К.* Победа марксистско-ленинской идеологии в Казахстане. Алма-Ата, 1970; *его же.* Развитие общественно-политической и философской мысли в Казахстане. Алма-Ата, 1980.

[64] *Кунаев Д. А.* Избранные речи и статьи. М., 1978; *его же.* Светлой дорогой Ленина. Доклад на торжественном заседании, посвященном 60-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана, 29 августа 1980 года. Алма-Ата, 1980; *его же.* Советский Казахстан. Алма-Ата, 1980; *его же.* В благотворной атмосфере ленинской дружбы народов.—«Коммунист», 1980, № 12; *его же.* Отчетный доклад Центрального Комитета Компартии Казахстана XV съезду Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1981; *его же.* Речь на XXVI съезде КПСС.— «Правда», 1981, 25 февраля.

да сливались с судьбами русского и других народов многонациональной России»[65].

Большим вкладом в создание источниковедческой базы по проблеме казахско-русских отношений явилось издание архивных материалов, собранных автором и коллективом сотрудников Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР и Центрального государственного архива КазССР[66]. В двухтомнике опубликовано 619 документов, выявленных в архивах Москвы (ЦГАДА, АВПР, ЦГВИА СССР), Ленинграда (ЦГИА СССР), Омска (ГАОмО), Казани (Архив Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова (Ленина) и ЦГА Татарской АССР), Алма-Аты (ЦГА КазССР) и др. Эти документы позволяют получить представление об исторических предпосылках, о ходе присоединения к России Младшего, Среднего и Старшего жузов, социально-экономических отношениях в крае, общественно-политическом строе казахских ханств, их международном положении. Особо важны документы об участии казахов в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева, в национально-освободительных движениях под руководством Срыма Датова, Исатая Тайманова, Есета Котибарова, Джанходжи Нурмухамедова и др.

Документы, касающиеся средневекового Казахстана, в основном сосредоточены в Архиве Внешней политики России МИД СССР в фонде «Сношение России с киргиз-кайсаками». Они и явились главной источниковедческой базой монографии. Из документов Архива внешней политики России МИД СССР, не вошедших в двухтомник, изучены Киргиз-кайсацкие (ф. 122), Ногайские (ф. 127), Каракалпакские (ф. 117), Джунгарские (ф. 113) дела; а в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) просмотрены Секретная экспедиция первого департамента (ф. 259), Калмыцкие дела (ф. 119) и др.

Важный материал собран в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (ЦГВИА) в следующих фондах: Военно-ученый архив (ф. ВУА), Военные действия в Средней Азии (ф. 483), Сибирский комитет (ф. I—II), Канцелярия Военного министерства,

---

[65] *Кунаев Д. А.* В благотворной атмосфере ленинской дружбы народов.—«Коммунист», 1980, № 12, с. 9—10.

[66] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках, т. 1. Алма-Ата, 1961; Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, т. 2. Алма-Ата, 1964.

Штаб Западно-Сибирского военного округа, Азиатский департамент Генерального штаба (ф. 38). В фонде Центрального государственного исторического архива Ленинграда (ЦГИА СССР) выявлены дела Архива правительствующего сената (ф. 1329) и др. Кроме того, просмотрены материалы Центрального государственного архива Казахской ССР (ЦГА КазССР): Оренбургской пограничной комиссии (ф. 4), Пограничного управления сибирскими киргизами (ф. 81, 374), начальника Алатавского округа и киргизов Большой орды (ф. 3), Переселенческого управления (ф. 19, 29, 33, 184, 317), Учреждения горнозаводской промышленности (ф. 9/24, 79, 209) и др.

Ценные материалы обнаружены в Государственном архиве Омской области (ГАОмО): Военно-походной канцелярии (ф. 1), Сибирского генерал-губернатора (ф. 2), Главного управления Западной Сибири (ф. 3) и др.

Интересные сведения почерпнуты из материалов Государственного архива Оренбургской области: Канцелярии оренбургского генерал-губернатора (ф. 6), Оренбургской ученой архивной комиссии (ф. 96), а также из фондов Центрального государственного архива Узбекской ССР (ф. История завоевания Туркестанского края).

Помимо названных архивов были просмотрены фонды Архива Академии наук СССР, Ученого архива Географического общества СССР, Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (материалы по истории присоединения Казахстана к России, купца Белова о хозяйстве и торговле сырдарьинских казахов), Архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (рукописи по истории Казахстана, собранные А. Ф. Рязановым и Стеблин-Каменской).

Все эти фонды дали богатый материал по истории присоединения Казахстана к России. Среди них особенно следует выделить указы и распоряжения сената и коллегий, отчеты местных властей перед коллегиями и сенатом, переписку сената и коллегий с генерал-губернаторами, военными губернаторами, ханами, султанами и другими казахскими владетелями, их отчеты в адрес правительственных учреждений.

Важное значение для исследования проблемы имеет переписка сената с первыми начальниками Оренбургской экспедиции И. К. Кирилловым, В. А. Урусовым,

В. Н. Татищевым и И. И. Неплюевым, с казахскими ханами Абулхаиром, Нурали, Семеке, Абулмамбетом, Аблаем, а также с сибирским и уфимским генерал-губернаторами.

При написании работы был учтен и фольклорный материал, в котором нашли свое отражение исторические события, пережитые казахским народом.

Автор считает своим долгом выразить признательность академикам АН СССР М. В. Нечкиной, М. П. Киму, академику АН Киргизской ССР Б. Д. Джамгерчинову, члену-корреспонденту АН Узбекской ССР Р. Х. Аминовой за их ценные советы.

Автор весьма благодарен за полезные советы и рекомендации научным сотрудникам Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР, Института истории АН Киргизской ССР и Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина и исторического факультета Казахского педагогического института им. Абая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРЕДПОСЫЛКИ ВХОЖДЕНИЯ КАЗАХСТАНА В РОССИЮ

1. Социально-экономические отношения в Казахстане накануне присоединения

В начале XVIII в. в казахском обществе господствовали патриархально-феодальные отношения, существенно отличавшиеся от отношений развитого, классического феодализма. Это были отношения, которые можно охарактеризовать как раннефеодальные, присущие на определенном этапе развития всем странам, миновавшим рабовладельческий строй. Такие переходные общественные отношения в земледельческих странах существовали относительно недолго, в кочевых же обществах они сохранялись многие столетия.

Казахское общество XVIII в. нельзя рассматривать как родовое, первобытнообщинное, бесклассовое или как общество с зачатками феодального уклада. Его нельзя определять и как типично феодальное, но с пережитками патриархально-родовых отношений. Это было классово-антагонистическое общество, органически переплетавшееся с родо-племенной структурой, с родовыми «интересами». Такие общественные отношения X съезд РКП(б) охарактеризовал как патриархально-феодальные[1], т. е. как полуфеодальные.

[1] См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2. Изд. 8. М., с. 253.

Своеобразие исторического процесса на территории Казахстана заключалось в том, что здесь феодальные отношения складывались на основе первобытнообщинного, а не рабовладельческого строя, на базе кочевого скотоводства, а не земледелия, на основе частной собственности на скот, а не на землю. Маркс в письме к Энгельсу от 2 июня 1853 года отмечает, что в основе всех явлений на Востоке «лежит *отсутствие частной собственности на землю*»[2]. 6 июня 1853 года Энгельс, отвечая Марксу, пишет: «Отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока»[3]. Восточные народы, считает Энгельс, не пришли к частной собственности на землю, даже к феодальной собственности[4]. Такое историческое явление он объясняет своеобразием условий, главным образом климатом и характером почвы. Именно эти факторы сдерживали развитие производительных сил на территории Казахстана.

Закоснелость всех форм общественных отношений в казахском обществе объясняется двумя причинами: внутренней — застойностью производительных сил и внешней — разрушением сложившихся здесь очагов земледельческой культуры и городов, истреблением значительной части населения, а также участием в завоевательных походах монголов. Все это и обусловило крайне медленный рост производительных сил у казахов-кочевников со времени падения Золотой орды. Кочевое общество казахов накануне присоединения к России не имело внутри себя реальных возможностей для более или менее быстрого преобразования своей материально-технической базы производства.

Основные элементы производительных сил кочевников — средства труда в виде стад и табунов (они же и предмет труда), примитивных орудий труда и пастухи со скотоводческими навыками — развивались очень медленно вследствие своей специфики — круглогодичного кочевания. Такой способ хозяйствования не вел к быстрому совершенствованию средств труда и появлению новых, более производительных орудий труда, к улучшению технологии производства, к эволюции самого производителя в процессе производства, к развитию

---

[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 215.
[3] Там же, с. 221.
[4] Там же.

общественного разделения труда, появлению городов, к выделению ремесла в самостоятельную область труда. Так как при кочевом способе хозяйствования основное средство производства — скот почти не усовершенствовался, а человек в землю труда не вкладывал, то, естественно, коренных изменений в характере и орудиях труда, в самих производителях не могло произойти.

Хозяйство кочевника целиком зависело от стихийных сил природы и биологических факторов размножения животных.

На протяжении многих веков казахи занимались в основном кочевым скотоводством, базой которого были обширные степи с обильным травостоем, расположенные в основном на севере, северо-востоке и востоке Казахстана. Недаром известный исследователь XIX в. А. Левшин писал: «...самые степи их (казахов.— *Т. Ш.*) как будто нарочно созданы для кочевой жизни»[5]. Хозяйство кочевников-казахов было натуральным.

В свое время В. И. Ленин отмечал: «...патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом...»[6].

Постоянное кочевание делало невозможным формирование устойчивых ремесленно-торговых центров, развитие промышленности задерживало неразвитость товарно-денежных отношений. Стихийные наезды кочевников в города соседних земледельческих районов сводились, как правило, к простейшей форме товарного обмена.

У кочевников-скотоводов большая часть продуктов и изделий, получаемых в домашнем хозяйстве, шла на удовлетворение потребностей своей семьи. Однако на основании этого нельзя говорить, что в казахском хозяйстве XVI—XVIII вв. полностью отсутствовало товарное производство. «Товарное производство и товарное обращение,— указывал К. Маркс, — могут иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем объеме подчинен господству меновой стоимости»[7].

---

[5] См. *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, ч. I. СПб., 1832, с. 15.

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 158.

[7] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 180.

Сказанное К. Марксом в полной мере может быть отнесено и к Казахстану того времени.

Основными контрагентами в меновой торговле выступали представители имущей верхушки. Их хозяйства по сравнению с хозяйством рядовых кочевников имели гораздо бóльшие возможности для товарообмена, который, однако, не развился до уровня товарно-денежного обращения. При торговых сделках роль всеобщего эквивалента выполняло не золото и серебро, а скот, в частности овцы.

Кочевое скотоводство не могло существовать без регулярных сезонных перекочевок. Каждый казахский род, в свою очередь делившийся на подроды и отделения, состоявший из аулов, имел свой определенный маршрут перекочевок. В Младшем и Среднем жузах, например, их протяженность достигала 800—1000 километров. Экстенсивное животноводство не мыслилось без огромных земельных площадей, и чем большим количеством скота владел данный аул, тем больше ему требовалось пастбищных угодий с водопоями. Поэтому между родами шла постоянная борьба за лучшие пастбища и водопои, нередко перераставшая в вооруженные конфликты.

С животноводством тесно связаны и основные ремесла казахов, носившие характер домашнего производства, — кожевенно-обувное и валяльное, примитивное ткачество, плетение волосяных изделий (арканов и веревок), обработка дерева (изготовление кереге — решеток для юрт, седел, сундуков и т. п.), резьба по дереву и кости, производство растительных и минеральных красок, пороха, примитивная плавка свинца для пуль. Обработка металла, в частности кузнечный промысел, была развита очень слабо. Почти все казахские ремесленные изделия отличались низким техническим уровнем. Производство их имело сезонный характер, и участвовали в нем все трудоспособные члены семьи.

Говоря о кочевом скотоводстве как основе хозяйственной деятельности казахов, следует сказать, что и земледелие им было не чуждо, хотя пока трудно установить, когда оно зародилось. Как писал К. Маркс, «у всех восточных племен можно проследить с самого начала истории *общее* соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»[8]. Известные сейчас материалы по археоло-

[8] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 214.

гии[9] и письменные источники свидетельствуют о развитии земледелия в Казахстане с древнейших времен. О занятии земледелием в районах Сырдарьи еще в конце XVII века упоминал русский посол Василий Кобеков, ездивший к Тауке-хану. «А хлеб-де у Тевки-хана,— писал он, — родится многое число, пшеницы и ячмень и просо, а хлебы сеют озимые и яровые»[10].

Экономические отношения в основе своей были частнособственнические. Но частная собственность существовала не на землю, а на скот. На ранней ступени развития кочевого скотоводства при наличии огромных пастбищных пространств не было даже родовой собственности на землю. У кочевых пастушеских племен, отмечает Маркс, *«присваивается* и *воспроизводится* здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют *сообща»*[11].

Первоначально у кочевников пастбищные угодья не имели границ. Обособление и закрепление пастбищ происходит тогда, когда увеличиваются население и стада, в результате суживается и ограничивается площадь кочевания. Кочевание становится замкнутой системой, в связи с этим появляется необходимость в обособлении пастбищ с целью закрепления их за определенным родом. Складывается общинная собственность на землю (пастбища), регулируемая обычным правом. В кочевом обществе частная собственность на землю не сложилась потому, что невозможно было регулировать частное землепользование на различных сезонных пастбищах (весенних, летних, осенних, зимних), находящихся на большом расстоянии друг от друга. Кроме того, даже при самом хорошем травостое любое пастбище может прокормить лишь определенное количество скота. Расширенное воспроизводство скота (главным образом в хозяйствах крупных скотовладельцев) нуждалось и в увеличении площади пастбищ. К тому же, нередки были случаи, когда на огромных пространствах выгорала трава, возникали эпизотии, случались джуты, и кочевники вынуждены были искать новые пастбища.

---

[9] *Агеева Е. И.* и *Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана.— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. V. Алма-Ата, 1958, с. 8.

[10] Дополнения к «Актам историческим», т. 10. СПб., 1867, док. 80, с. XIV.

[11] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 480.

Таким образом, общинное владение землей у казахских кочевников не могло вести к возникновению права частной собственности на землю. Поэтому земля не отдавалась в надел, не продавалась, к ней не прикреплялся и пастух — основной производитель материальных благ в кочевом хозяйстве. Богатство хозяйства определялось не владением огромных пастбищ, а наличием в частной собственности поголовья стад и табунов.

Казахский род в XVIII в. — это не род первобытно-общинного строя, основанный на кровном родстве, а классовый род, в котором господствовали крупные скотовладельцы — баи, бии, батыры, муллы. Аулы были классово дифференцированы на байские и бедняцкие.

Казахская семья была тоже классовой, главой в ней был мужчина, как собственник скота, а потому и собственник жены. Среди эксплуататорских классов бытовало многоженство. За женщину платили калым. В семье сохранялись и пережитки экзогамии (девушка не могла уйти из того рода, который ее засватал, вступление в брак разрешалось не ближе седьмого колена родства). Таким образом, и семья по своему характеру у казахов была патриархально-феодальной.

Казахское общество к началу XVIII века делилось на два основных класса: феодалов и подвластных им — караши, или шаруа. К зависимым слоям казахского общества относились также тюленгуты и рабы (кулы).

К феодалам принадлежали представители так называемой «белой кости» (ак суек) — ханы и султаны, считавшие себя чингизидами (потомками Чингисхана), и представители «черной кости» (кара суек) — родовые старейшины (аксакалы), бии (судьи), представлявшие зародыш государственного аппарата, батыры (военачальники), мурзы и тарханы.

Бии являлись опорой ханов и султанов. Если в период родового строя они выполняли функции хранителей традиций и обычаев рода, судили по обычаю, то в классовом обществе они стали выразителями интересов феодала, хотя по-прежнему судили по обычному праву.

Особое положение среди патриархально-феодальной знати занимали военачальники — батыры. Батырство являлось постоянным спутником казахского кочевого общества. Зачастую батыр выполнял функции и хана, и бия. Хан всегда был верховным военачальником, чья власть над родом особенно возрастала во время войн. Существование самого кочевого хана как главного ба-

тыра было невозможно без батырства. Влиятельный батыр на деле распоряжался всем имуществом «своего» родового отделения, выступая в роли его защитника и предводителя.

Аксакалы, или родовые старейшины, как и бии, в патриархально-феодальном обществе защищали интересы эксплуататорской верхушки. Они использовали обычаи и традиции для достижения своих узкоклассовых целей: обогащения за счет ограбления сородичей. Аксакал как представитель феодально-родовой знати и собственник большого стада имел фактическое право владеть большой частью пастбищных угодий и водопоев, которые формально считались коллективной собственностью аульной общины.

Основной экономической силой в казахском обществе был бай. Но и байские хозяйства были неоднородны. Наибольшим влиянием пользовались крупнобайские хозяйства, имевшие по несколько тысяч овец, большие табуны лошадей и верблюдов, и среднебайские, имевшие до двух тысяч овец и до 200 лошадей и верблюдов. Именно в таких хозяйствах и осуществлялось расширенное воспроизводство стада. Мелкобайские хозяйства (до тысячи овец и более сотни лошадей и верблюдов), семьи которых выполняли значительную часть хозяйственных работ, а остальную — зависимые бедные сородичи, располагали меньшими возможностями для расширенного воспроизводства стад и табунов.

Основную массу кочевого аула составляли середняцкие хозяйства, осуществлявшие с большим трудом простое воспроизводство стада, и бедняцкие хозяйства. Если среднее хозяйство еще как-то могло содержать себя самостоятельно, то бедняцкое полностью зависело от баев и других эксплуататоров.

В условиях кочевого скотоводческого хозяйства феодальная эксплуатация имела специфические формы. Одна из наиболее распространенных — предоставление баями во временное пользование скота обнищавшим сородичам. Так, корова или кобылица давалась для пользования молоком (саун), овцы — для пользования шерстью (жун беру), лошади и верблюды — для перекочевки или для разъездов. За такую «родовую помощь» кочевник был обязан безвозмездно работать в хозяйстве феодала. За каждого ягненка, взятого весной, осенью следовало отдать взрослого барана. За овцу,

взятую осенью, весной надо было вернуть овцу с ягненком.

Каждое байское хозяйство эксплуатировало бесскотных бедняков саунщиков, так называемых консы. Такой консы не мог самостоятельно вести хозяйство, он был фактически прикреплен к баю через скот, полученный в саун. В условиях частной собственности на скот уже не род помогает обедневшему сородичу, а бай, узурпировавший функцию «родовой помощи» и превративший ее в средство эксплуатации.

Кочевое общество казахов, консервировавшее патриархально-родовые отношения, задерживало развитие и упрочение государственности, сложение единого централизованного государства. Патриархально-феодальному экономическому базису соответствовала и патриархально-феодальная надстройка, а следовательно, и государственность. В Казахстане существовали три независимые жуза, во главе которых стояли ханы. Регулярные перекочевки на громадных пространствах препятствовали установлению тесных и постоянных связей между родами. Кочевой образ жизни способствовал действию центробежных сил: казахское общество распадалось на отдельные самодовлеющие роды, владетели которых не желали признавать над собой верховенства других родоначальников. В случае давления более сильного слабый род почти всегда мог откочевать, тогда как земледельческая община была лишена такой возможности.

Попытка ханов Хакназара и Тевеккеля в XVI веке создать казахское ханство, объединив все казахские племена, оказалась неудачной в силу объективных причин, обусловленных самой природой кочевого общества.

Три относительно самостоятельных объединения на территории Казахстана — Младший, Средний и Старший жузы* состояли из отдельных султанских и байских владений, между которыми постоянно происходили кровавые междоусобицы, пагубно отражавшиеся на всех сторонах общественной жизни.

Каждый жуз имел отдельный район кочевок. Младший занимал территорию на западе Казахстана. Его летние кочевья располагались по притокам рек Илека и Урала, а зимовья — в районе реки Иргиза, ее прито-

---

* В дореволюционной русской литературе их называли Малая, Средняя и Большая орда.

ков и южнее до низовий Сырдарьи. Средний жуз находился в Центральном Казахстане, а его летние кочевья — по реке Сарысу, верховьям Ишима, притокам Тобола, реке Большой Тургай и озерам в верховьях Тургая. Старший жуз занимал юго-восток Казахстана.

Одной из форм политической связи между жузами были объединенные собрания, которые созывались для обсуждения вопросов, требовавших общих решений. Как указывали бии Султан и Халбия, рассматривались вопросы: «Где зимовать, где летовать, как достигнуть спокойствия и как воевать?»[12]. Иными словами — все крупнейшие экономические и политические вопросы, включая распределение кочевий, порядок перекочевок, разбор межродовых конфликтов, вопросы войны и мира. Эти совещания (маслихат) проходили на холме Мартубе, в горах близ Сайрама.

Таким образом, в Казахстане до присоединения к России существовали лишь зачаточные формы государственности. Для возникновения развитого, централизованного государства еще не было объективных экономических и социальных предпосылок.

Государственность в Казахстане как надстроечное образование пришла на смену родо-племенной организации. К моменту присоединения к России ее следует охарактеризовать как неразвитую, переходную форму государственности. Здесь не было всех необходимых признаков государства. Например, общих государственных границ. Население делилось по родам, по родам осуществлялось и управление. Власть хана распространялась не на определенную территорию, а на совокупность родов. С перемещением подвластных хану родов по территории соответственно перемещалась и его власть. Каждый род жил самостоятельной жизнью, относительно независимой от ханской ставки. Фактически реальной власти ханы не имели. П. И. Рычков писал, что казахи «ханов своих слушают только тогда, когда хотят или когда видят в этом соответственную пользу»[13].

Ханская власть не была наследственной. Хан избирался родовой знатью — султанами, старейшинами*,

---

[12] *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889, с. 25.

[13] *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, с. 25—26.

* Глава рода.

батырами, баями. Султаны-правители получали от хана во владение не земельные уделы, а те или иные роды. Кроме того, многие роды управлялись батырами или баями и не подчинялись султану или хану.

Не было в казахском обществе сложившихся органов публичной власти со всеми ее материальными атрибутами — армией, полицией, тюрьмой, не было государственного суда, действовавшего на основе юридического права, споры разбирали на основе обычного права, не было постоянных налогов. Дань (ясак) время от времени собирал хан, за разбор спорных дел и примирение родов он получал хандык (уплата в форме штрафа с виновного), а также подарки.

Таким образом, казахская государственность в XV—XVII вв. была патриархально-феодальной, аморфной, весьма неразвитой.

Застойному состоянию экономических и политических отношений была свойственна и закоснелость всей духовной жизни кочевого общества казахов. Господствующая идеология в основе своей была консервативной. Феодальная знать с презрением относилась к трудовому народу. Не было развитого общенародного сознания, оно было замкнуто в рамках родо-племенной структуры. Военно-кочевая жизнь вырабатывала психологию грабителя и насильника. Прогрессивное и ценное в духовной жизни казахов нашло свое выражение главным образом в устном поэтическом творчестве, отражавшем трудовую жизнь кочевника. Культ скота в народной жизни был отражением реальных экономических отношений в кочевом обществе. И это вполне понятно. Из определенных форм материального производства вытекают все другие формы общественной жизни людей, «этим же определяется и характер их духовного производства»[14].

Итак, развитие феодальных отношений в Казахстане происходило в условиях кочевого скотоводства при слабом развитии земледелия, ремесленного производства и товарно-денежных отношений. Эти обстоятельства обусловили, во-первых, медленное и длительное развитие феодализма и, во-вторых, определили специфику социального строя казахов — длительное господство патриархально-феодальных отношений.

Следует особо подчеркнуть, что к моменту присое-

[14] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. I, с. 279.

динения Казахстана к России кочевое общество казахов переживало глубочайший кризис, выход из которого мог быть найден лишь на основе изменения экономических и политических условий жизни народа. Упадок экономики как следствие отсталости и малопродуктивности кочевого хозяйства, нищета народных масс, межродовая вражда, взаимные грабежи, истребление людей, а также скота во время междоусобиц — характерные черты жизни казахов того периода. Кризис усугублялся внешними грабительскими набегами и повторявшимися джутами, что вызывало голод и вымирание людей, особенно в годы «великого бедствия» (1723—1727 гг.).

Экстенсивное пастбищно-кочевое скотоводство, отсталая система общественных отношений, родо-племенной быт, консервативная идеология — все это не могло быть существенно изменено собственными внутренними силами.

Единственная возможность выхода из кризиса в сложившихся трагических условиях была в присоединении к России. На этот путь и стал казахский народ.

2. Предпосылки присоединения Казахстана к России

Присоединению Казахстана к России предшествовали длительные экономические и политические связи между ними. Казахские ханства впервые упоминаются в русских источниках XVI века[15]. Это дает основание полагать, что уже в тот период в Москве знали о существовании ханства Касыма.

По мере расширения восточных границ России сведения о казахах все чаще стали встречаться в русских дипломатических документах и других письменных источниках. Так, в 1534 г. русский посол к ногайцам Данила Губин в своем донесении писал: «А казаки, государь, добре сильны»[16]. Другой посол Семен Мальцев, побывавший у ногайцев в 1569 г, сообщал о войнах казахов с ногайцами и Бухарой.

С присоединением к России Казанского (1552 г.) и Сибирского (1582 г.) ханств рубежи Российского государства приблизились к казахским степям. Непосред-

[15] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1961, с. 3—5.

[16] *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II. СПб., 1832, с. 47

ственное соседство так или иначе делало неизбежными сношения русских с казахами, в частности торговые.

С целью налаживания торгового обмена со Средней Азией и Казахстаном русское правительство поощряло наезды торговых людей из Средней Азии и казахских степей в русские города. Царской грамотой от 1574 г. предприимчивым купцам Строгановым было дано право беспошлинно торговать с казахами.

Развитие взаимной торговли заставило русское правительство задуматься об укреплении политических связей с казахскими ханствами. В 1573 г. Иван Грозный направил к казахскому хану Хакназару первую дипломатическую миссию, возглавляемую послом Третьяком Чебуковым. Целью ее было упрочение и расширение торговых связей и заключение военного союза против сибирского хана Кучума. Посольство не увенчалось успехом: Чебуков был взят в плен и убит родственником сибирского хана Кучума Маметкулом[17].

Интерес Московского государства к Казахстану особенно возрастает с конца XVI века, когда в связи с установлением торговых и дипломатических отношений России с Хивой и Бухарой через казахские степи шла транзитная торговля русских с городскими ремесленными центрами среднеазиатских владений.

О дружественных отношениях России с казахскими владетелями говорится в наказе царя Федора Ивановича послу Новосильцеву, направленному в 1585 г. к германскому императору Рудольфу. Перечисляя государей, с которыми Москва «живет в миру», он должен был упомянуть и казахского царя[18].

В 90-х годах XVI века впервые был поднят вопрос о принятии казахов в русское подданство. Инициатива принадлежала казахскому хану Тевеккелю, который боролся на севере с сибирским ханом Кучумом, а на юге с бухарским ханом Абдаллахом. Россия также вела войну с Кучумом, и нападение Тевеккеля на Бухару было ей выгодно, поскольку это мешало бухарцам оказывать помощь своему союзнику Кучуму. Поэтому прибывший в 1594 г. в Москву посол Тевеккеля Кулмухаммед был встречен радушно. Формальным поводом для посольства послужила просьба Тевеккеля разрешить

---

[17] Сибирские летописи (Строгановская летопись). СПб., 1907, с. 6, 53.

[18] История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957, с. 224.

родственнику султану Ураз-Мухаммеду, освобожденному в 1588 г. сибирским воеводой из татарского плена, вернуться на родину[19]. Находясь в Москве, Кулмухаммед ходатайствовал о выделении казахам огнестрельного оружия и заверял, что оно будет использовано против общего врага.

Тогда же казахский посол обратился с просьбой о принятии Россией в подданство ханства Тевеккеля: «...великому государю, царю и великому князю Федору Ивановичу, всея Руси самодержцу, тебя пожаловати приняти под свою царскую руку»[20]. В марте 1595 г. царь Федор Иванович даровал грамоту о принятии Тевеккеля в подданство и обещал оказать ему военную помощь.

В том же году из Москвы к Тевеккелю отбыл русский посол Вельямин Степанов. Ему предписывалось: «Говорить Тевкелю-царю, чтоб Тевкель-царь и братья его царевичи все были под царскою рукой... и стояли бы они на бухарского и на Кучума царя»[21]. В своих донесениях Степанов сообщал о приветливом приеме его и успешном ходе переговоров: «...Тевкель-царь... добре обрадовался... и меня, холопа твоего, чтил»[22].

Таким образом, еще в конце XVI века по инициативе казахов поднимался вопрос о добровольном вхождении их в Россию, в которой они видели мощного союзника в борьбе со своими внешними врагами.

Однако посольство Степанова не закрепило российского подданства казахов. Русское правительство принимало в подданство на следующих условиях: во-первых, Тевеккель обязывался привести в покорность бухарского владетеля и сибирского хана Кучума; во-вторых, взамен Ураз-Мухаммеда казахский хан должен был дать в аманаты кого-либо из своих сыновей[23]. Взять на себя подобные обязательства Тевеккелю было не под силу. И все же это посольство сыграло значительную роль в развитии русско-казахских отношений, в налаживании непосредственных политических контактов между русским правительством и казахскими владете-

---

[19] Ураз-Мухаммед был взят в плен сибирским ханом Сендяком. В дальнейшем Ураз-Мухаммед получил поместье и сделался касимовским царевичем (см.: *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследования о касимовских царях и царевичах, ч. II. СПб., 1864).

[20] ЦГАДА, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1595—1599, д. б/н, л. 1.

[21] Там же, л. 33.

[22] Там же, оп. 1, д. 2, л. 81—82.

[23] *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II, с. 51.

лями. Более того, благожелательное отношение русского двора к ходатайству Тевеккеля о помощи и принятии в подданство создало прецедент для его преемников, наглядно показав казахам, что изо всех соседей только Россия способна оказать им поддержку в минуту опасности. Борьба против общего врага — хана Кучума и бухарского правителя — обусловила политические предпосылки к сближению Казахстана и России в XVI веке.

Последующий ход событий способствовал еще большему упрочению их связей. Рубежам России и казахским владениям в то время угрожал общий враг — джунгарский племенной союз. Внешняя захватническая политика Джунгарской державы объясняется в основном экономикой кочевого хозяйства. Экстенсивное кочевое скотоводство, составлявшее основу хозяйственной деятельности джунгар, по мере увеличения населения и роста поголовья скота стало ощущать нехватку земли. В погоне за пастбищами в 1630 г. одно из джунгарских племен — торгоуты — дошло до Волги и осело в его низовьях, другое — хошоуты — в 1634 г. напало на Тюменский и Тарский уезды в Западной Сибири. В 1640 г. вновь был совершен поход в районы Уфы и низовья Урала. Богатые пастбища влекли джунгар и в Семиречье, куда они вторглись в 1643 г. и дошли до Чу. В результате этих завоеваний в середине XVII века джунгарское феодальное государство занимало обширнейшую территорию между Алтаем, Тянь-Шанем и пустыней Гоби.

В 1678 г. оно временно покорило Восточный Туркестан и западную часть Южной Монголии, а в 1680—1685 гг. обрушилось на Киргизию и Ферганскую долину, принеся туда смерть и опустошение. В 1684 г. после трехлетней борьбы джунгары овладели городом Сайрамом и разрушили его.

Агрессивные происки джунгарских правителей вынуждают как казахских владетелей, так и русское правительство объединить свои усилия против «ойратской угрозы»*. Еще в 1616 г. тобольскому воеводе Куракину было поручено совместно с казахским ханом Аблаем принять меры к охране границ и предотвращению продвижения джунгар вверх по Иртышу и к сибирским го-

* Джунгаро-западная ветвь монголов назывались ойратами, или калмыками.

родам[24]. В 1630 г. при принятии подданства калмыцких тайшей, он поставил условие, что они не будут расширять своих кочевий в сторону башкирских вотчин и казахского ханства. Такая мера была продиктована желанием привлечь казахов на сторону России и опереться на них в случае столкновения с джунгарами.

Испытывая постоянное давление со стороны соседей, Тауке, один из дальновидных казахских ханов, стремится упрочить связи с Россией, но встречает сопротивление знати. Так, вследствие противодействия группы влиятельных казахских феодалов в 1694 г. не увенчалось успехом посольство Федора Скибина и Матвея Трошина, целью которого было требование о возврате русских пленных, захваченных в отдельных стычках с казахскими феодалами, и прекращении пограничных конфликтов.

Однако эти осложнения не могли задержать общую тенденцию сближения Казахстана и России. «Ойратская угроза» не была устранена и, как показал опыт, именно Россия, будучи не заинтересованной в усилении Джунгарского ханства, могла помочь казахам в борьбе против него. Наиболее дальновидные казахские владетели видели в России защитницу от внешней опасности, в свою очередь русское правительство устраивало соседство дружественного Казахского ханства, которое прикрывало на юго-востоке рубежи империи.

Разорительные набеги джунгар, усилившиеся в начале XVIII века, побуждают казахских правителей вновь искать поддержки у России. В 1716 г. хан Каип изъявил желание быть «в вечном миру» с Россией и совместными силами бороться с джунгарами. Послы хана Каипа заявляли: «И впредь, будь великий государь укажет ходить на него, контайшу, войною, он де Хаип-хан всегда будет готов ходить на него войною с одними своими людьми вместе»[25].

В 1716 г. просьбу о принятии казахов в российское подданство возобновил хан Тауке. С такой же просьбой в 1718 г. обращался и хан Абулхаир. В своем письме Петру I Абулхаир писал: «Доношу Вам и желаю, что служить, а кто будут наши служить на конях, а я не токмо на конях, и пеший служить рад белому царю»[26].

---

[24] ЦГАДА, ф. Калмыцкие дела, 1616, д. б/н, л. 9—16. Грамота Михаила Федоровича И. Куракину. 25 июня 1616 г.

[25] Памятники Сибирской истории XVIII века, т. II. СПб., 1885, с. 152—153.

[26] ЦГАДА, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1718, оп. 2, д. 2, л. 9—10.

По ряду причин ни с одним из ханов переговоры не были доведены до конца, но сам факт их свидетельствовал об актуальности данного вопроса.

Наряду с политическими факторами, побуждавшими казахов к сближению с Россией, были и экономические.

Разгром Сибирского ханства Кучума, закрепление за Россией Западной Сибири, основание в конце XVI века городов Тюмени, Тобольска, Вехотуры, Тары, а в начале XVII века Томска и установление прямого пути к ним через казахские степи способствовали развитию внешнеторговых связей России с казахскими ханствами. Большую роль в развитии торгового обмена казахов с Россией сыграл Тобольск, куда приезжали торговцы из Туркестана, побывавшие в казахских владениях.

Торговые связи казахов с русскими поддерживались и на юго-восточных окраинах России. С основанием в 1620 г. Яицкого городка (ныне Уральск), а в 1654 г. Гурьева, сюда стали наезжать торговцы из ближайших кочевий. Строительство новых городов на границе с казахской степью обусловливало развитие взаимного обмена, в частности сбыта продуктов казахского скотоводческого хозяйства и приобретение казахами хлеба и ремесленных изделий.

Стремясь ко взаимной торговле с русскими, хан Тауке через посольство, отправленное в 1687 г., сообщал: «Подданным людям надобно покой, и послы и торговые люди меж нами ездили, добрая слава меж нами хорошая будет»[27]. В 1694 г. Тауке вновь писал, но уже Петру I о желании упрочить торговлю с Россией. Три года спустя с этой целью он отправил в Тобольск батыра Тамиша, чтобы пригласить в свои владения русских купцов.

Тяготение казахов к русским рынкам усиливается в начале XVIII века, что объясняется рядом причин. Во-первых, растущие потребности казахов в хлебе, металлических изделиях, тканях и т.п. уже не мог удовлетворить среднеазиатский рынок. Тем более, что постоянные смуты и междоусобицы, происходившие в тех местах, препятствовали ведению торговли. Во-вторых, торговля в русских городах для приезжающих извне купцов зачастую велась беспошлинно. Так, сибирский губернатор М. Гагарин в ответ на просьбу хана Каипа установить регулярную торговлю в ноябре 1717 г. писал: «... и которые ваши люди и бухарцы с вашими людьми

[27] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках, с. 14.

к нам с торгами будут, то торг велю дать повальной и безобидной, и пошлины с ваших людей с Казачьей Орды и с бухарцев брать не велю»[28].

Экономический подъем России обусловил рост ее торговых связей с другими государствами, включая и страны Востока. Петр I стремился наладить торговые и иные связи не только со среднеазиатскими ханствами, но и с Персией, Китаем, Индией. В своей восточной политике он придавал Казахстану первостепенное значение, так как экономическое и политическое освоение казахских степей открывало перед русским торговым капиталом рынки Востока. «Всем азиатским странам и землям,— говорил Петр I в 1722 г.,— оная орда ключ и врата; и той ради причины оная орда потребна под Российской протекцией быть, чтобы только через их во всех азиатских странах коммуникацию иметь и к российской стороне полезные способные меры взять»[29].

Трагические для судеб казахского народа события, разыгравшиеся в 20-х годах XVIII века, дали толчок к сближению с Россией, приблизив момент вступления казахов в российское подданство.

Еще весной 1718 г. тридцатитысячное казахское войско во главе с батыром Среднего жуза из рода керей Шакантаем и рода кара-керей Кабанбай-батыром встретилось с джунгарами на реке Аягуз. Сражение продолжалось трое суток. Однако вследствие несогласованности в военных действиях казахи после удара джунгар с тыла вынуждены были отступить. 1723—1727 годы для Казахстана — годы великого бедствия. В этот период произошло опустошительное нашествие джунгарских полчищ. Жестокому разорению подверглись все три жуза. Вторжение джунгар было столь стремительным, что значительная часть казахов Младшего жуза, не имея возможности дать отпор захватчикам, вынуждена была бежать, теряя скот и имущество. Аулы, не успевшие вовремя откочевать, беспощадно истреблялись. В некоторых местах джунгары вырезали все население, а тех, кто уцелел, обращали в рабство. Часто откочевки с родных мест происходили в период джута, и тогда начинался голод.

---

[28] Памятники Сибирской истории XVIII века, с. 157.

[29] Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об Оренбургском крае, и о киргиз-кайсацких ордах. 1762 г.—«Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 13, отд. III, 1852, с. 15.

О бедствии беглецов А. И. Левшин писал: «Переходы сии влекли за собой неминуемое разорение и гибель. Стада и табуны ежедневно уменьшались; меновая торговля прекратилась; нищенство и страдания сделались всеобщими, иные умирали с голода, другие бросали жен и детей своих. Наконец бегущие остановились: но где же? — в местах бесплодных и не представляющих никаких удобств для кочевого народа»[30].

Толпы голодных, рваных больных беженцев наводнили Самарканд, Бухару, Хиву. Младший жуз откочевал в сторону Хивы, а затем в Каракалпакию, часть Старшего жуза — к Бухаре, а Средний жуз вынужден был признать свою зависимость от Джунгарии.

Однако народ был преисполнен желания бороться с завоевателями и отстоять свою землю. «Отчаяние,— указывает А. И. Левшин,— убеждало их в необходимости возвратить себе прежние жилища, а бедствия внушали средство к достижению сей цели»[31]. Борьбу за независимость возглавили представители знати «черной кости» — старшины и батыры: в Младшем жузе — это старшина Тайлак, в Среднем — старшина Букенбай, в Старшем — старшина Саурык.

Общими усилиями было организовано народное ополчение, которое в 1728 г. одержало первую крупную победу над джунгарами. Битва происходила в районе озера Чубар-Тенгиз, на берегу р. Буланты, в юго-восточной части Иргизского района. Эта победа воодушевила казахов. Вскоре неподалеку от Чимкента, у подножия горы Орда-Басы съехались представители трех жузов и приняли решение усилить борьбу против джунгар. Главой ополчения выбрали хана Младшего жуза Абулхаира, известного своей отвагой, проявленной в многочисленных сражениях с джунгарами[31].

Вторую крупную победу над джунгарами казахи одержали в 1729 г. в сражении, происшедшем к югу от озера Балхаш, в местности, названной Анракай, что означает «Место стона и рыданий врага». Джунгары поспешно отошли на восток по реке Или, удержав за собой владения Старшего жуза. Значительную часть

---

[30] *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II. с. 70.

[31] Там же.

[32] *Кастанье А.* Древности киргизской степи и Оренбургского края.— «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. 23, 1911, с. 188.

территории Младшего и Среднего жуза они были вынуждены оставить[33].

Несмотря на одержанные победы, положение казахов оставалось тяжелым. Угроза нового нападения была не исключена. Под джунгарским гнетом находились многие казахские владения.

Покинув свои прежние кочевья, казахи Младшего жуза перешли на правый берег Эмбы, чем стеснили кочевавших здесь волжских калмыков, и приблизились к землям Уральского казачьего войска. Продвинувшись до рек Орь и Уй, Средний жуз занял кочевья башкир. Вскоре между вновь пришедшими родами и ранее кочевавшими здесь племенами разгорелась борьба. Одно за другим чередуются нападения калмыков и башкир на казахов и ответные налеты. Продвижение части казахов Старшего жуза в пределы Средней Азии привело к обострению отношений с Бухарой, каракалпаками и туркменами. Между тем одним казахам противостоять собственными силами своим враждебным соседям, окружившим их почти со всех сторон, было не под силу.

Вследствие джунгарского нашествия серьезно осложнилась политическая и хозяйственная жизнь казахов: была дезорганизована экономика, резко сократилось поголовье скота, утрачены лучшие пастбища, нарушены веками установившиеся маршруты кочевания. В запустенье пришли очаги земледельческой культуры в районах Сырдарьи и Семиречья. С потерей городов и среднеазиатских владений (Сайрама, Туркестана и т. п.) казахские жузы оказались оторванными от ремесленных центров и среднеазиатских рынков.

Разруха, вызванная опустошением страны, повлекла за собой увеличение количества неимущих кочевников, потерявших возможность самостоятельно вести хозяйство. Многие бежали на запад, к русским границам, в поисках прибежища у прилинейных казаков и богатых русских поселенцев, к которым они шли в работники.

В результате вынужденного перемещения казахских кочевий хозяйственно-политические связи Младшего и Среднего жузов ослабли, а взаимоотношения со Старшим жузом, попавшим под власть джунгарского хунтайджи, прекратились, что вконец подорвало слабую казахскую государственность. В этих условиях престиж представителей «белой кости» — султанов, оказавшихся

[33] ЦГВИА СССР, ф. 20, оп. 1, д. 30, л. 47—49.

не в состоянии организовать сопротивление натиску джунгар, пошатнулся, и на первый план выдвинулись батыры — предводители народных дружин, завоевавшие популярность во время войны с джунгарами. Однако оттесненные правители не сдали своих позиций, борьба за господство в жузах, за власть над родами обострилась. В свою очередь сокращение площади кочевий обусловило возникновение междоусобий: чаще, чем прежде, стали происходить насильственные переделы земель.

Таким образом, к началу первой трети XVIII века Казахстан переживал глубочайший политический и экономический кризис. Страну раздирали внутренние распри, кочевое скотоводство, составлявшее основу хозяйства казахов, переживало упадок, будучи замкнутым в сфере кочевок и лишенным давних связей с земледельческими районами и ремесленными центрами Средней Азии.

Постоянная угроза извне, в первую очередь со стороны Джунгарского ханства, ставила под вопрос само существование казахского народа. Поскольку в исторически сложившейся обстановке в казахском обществе не было силы, которая могла бы спасти страну от гибели, оставалось одно — искать опору за ее пределами. И казахский народ обращает свои взоры к могучему соседу — России.

Этот выбор был подготовлен всем ходом исторических событий, давними политическими и экономическими связями, существовавшими между Казахстаном и Россией. Только Россия была в состоянии оказать ему реальную «помощь и покровительство»[34]. Только такой шаг казахского народа мог спасти его настоящее и обеспечить ему будущее.

[34] *Валиханов Ч.* Сочинения.—«Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XXIX, 1904, с. 3.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ МЛАДШЕГО ЖУЗА К РОССИИ

Инициатором принятия казахами российского подданства выступил хан Младшего жуза Абулхаир, что было не случайным. С приходом в 1727 г. к власти в Джунгарии Галдан-Церена Младший жуз ожидала трагическая участь Среднего и Старшего жузов. Однако географически и исторически Младший жуз был ближе к России, чем остальные два. Его связывали с ней давние торговые и хозяйственные отношения. Все эти обстоятельства и другие, о чем речь ниже, побудили хана Младшего жуза Абулхаира в начале 1726 г. отправить своего посла Койбагара Кобекова в Петербург для переговоров с царским правительством[1].

Приезд казахского посла не был неожиданностью для русских властей. За полгода до этого, в июле 1725 г., астраханский губернатор А. П. Волынский уведомлял Коллегию иностранных дел о такой возможности и сообщал, что если казахи обратятся к нему с просьбой о принятии их в российское подданство, то он их обнадежит[2].

[1] ЦГАДА, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1727, д. б/н, л. 39; «Красный архив», 1936, т. 5 (78), с. 188.

[2] История Казахской ССР, т. 1. Алма-Ата, 1957, с. 236.

В письме, переданном Кобековым в Коллегию иностранных дел от имени казахских старшин Младшего жуза, выражалось желание, подобно волжским калмыкам, «быть под протекцией» России. Они просили также разрешить размен пленных в Уфе, оградить казахов от нападений башкир и яицких казаков и санкционировать свободу кочевания в районе Яика.

Однако, опасаясь возможных осложнений с Джунгарией и не видя непосредственных выгод от принятия в подданство казахов, в то время оттесненных к границам среднеазиатских ханств, царское правительство оставило ходатайство Абулхаира без ответа. В решении Коллегии иностранных дел записано: «Пользы, чтобы под протекцию е.и.в. быть, не находится»[3].

На этом переговоры были прерваны и возобновились лишь в 1730 г., когда на собрании старшин Младшего жуза было решено заключить с Россией военный союз против Джунгарии. Тогда же Абулхаиру было поручено начать соответствующие переговоры. Но он вместо предложения о заключении союза возбудил ходатайство о подданстве.

В письме канцлеру Головкину хан Абулхаир подчеркивал: «Ныне желаю быть со всем моим владением Вашего императорского величества в подданстве... Я, Абулхаир-хан, с подданными своими старой и малой статьи, с... казахами желаю под протекцию Вашего императорского величества»[4].

8 сентября 1730 г. Абулхаир отправил письмо императрице Анне Ивановне. Приводим его текст.

«Послание в Петербург ее величеству*.

Величайшей, благородной, богатой и умной обладательнице многих земель, ее величеству государыне императрице ежедневно, ежемесячно и ежегодно желаем божьей милостью благополучного государствования. Наше заявление к Вашему величеству состоит в том, что с подданным Вам башкирским народом, который находится за Уралом, у нас близких отношений не было. Желая быть совершенно подвластным Вашему величеству, я посылаю своего посланника вместе с Вашим подданным Алдарбаевым. Этот Алдарбай требовал посланника от нас

[3] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1726, Картон 1, л. 38.

[4] Там же, 1730, д. б/н, л. 68—69.

* *Примечание.* Письмо послано императрице Абулхаиром 30 апреля 1730 г. через посланцев, отправленных с башкирским старшиной Алдаром к уфимскому воеводе бригадиру Бутурлину, который затем направил его в Петербург.

к Вашему величеству, и поэтому мы, Абулхаир-хан с подвластным мне многочисленным казахским народом Среднего и Младшего жузов, все преклоняемся перед Вами, являемся Вашими слугами и все вместе с простым народом желаем Вашего покровительства и ожидаем Вашей помощи, чтобы с подданным Вам башкирским народом, находящимся за Уралом, жить в согласии.

Желаем Вам всякого благополучия и будем Вашими подданными. (Передали): Главный посланник Сейткул, Кутлумбет с товарищами»[5].

Эта просьба соответствовала интересам казахского народа, желавшего с россиянами «всегда быть в миру»[6], нуждавшегося в пастбищах и водных источниках для скота, заинтересованного в торговле с Россией и готового выступить против джунгарских завоевателей[7].

Абулхаир и его послы подчеркивали, что принять российское подданство желает весь казахский народ. Об этом Кутлумбет-бай и Сейткул-батыр писали и в своей «сказке» от 21 октября 1730 г. Они отмечали, что в Петербург отправлены с согласия всех казахских ханов и старшин. Это подтвердили и прибывшие вместе с послами башкиры.

Учтя неудачу посольства Кобекова, на этот раз Абулхаир брал на себя перед русским правительством определенные обязательства. В частности, он обещал не требовать средств для своего содержания из русской казны, склонить к подданству России аральцев и хивинцев, помочь в усмирении противников русского правительства[8]. Принятие казахов в подданство давало России столь значительные выгоды, что опасения обострить отношения с Джунгарией отошли на задний план. Теперь против нее можно было использовать и перешедших в российское подданство казахов.

19 февраля 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала жалованную грамоту хану Абулхаиру о принятии в российское подданство Младшего жуза.

Из текста грамоты видно, что Абулхаир хотел вступить в подданство на условиях вассалитета. В грамоте говорится: «...посланцы твои, Абулхаир-хан, словно здесь

[5] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1730—1731, оп. 122/1, д. б/н, л. 45 об.

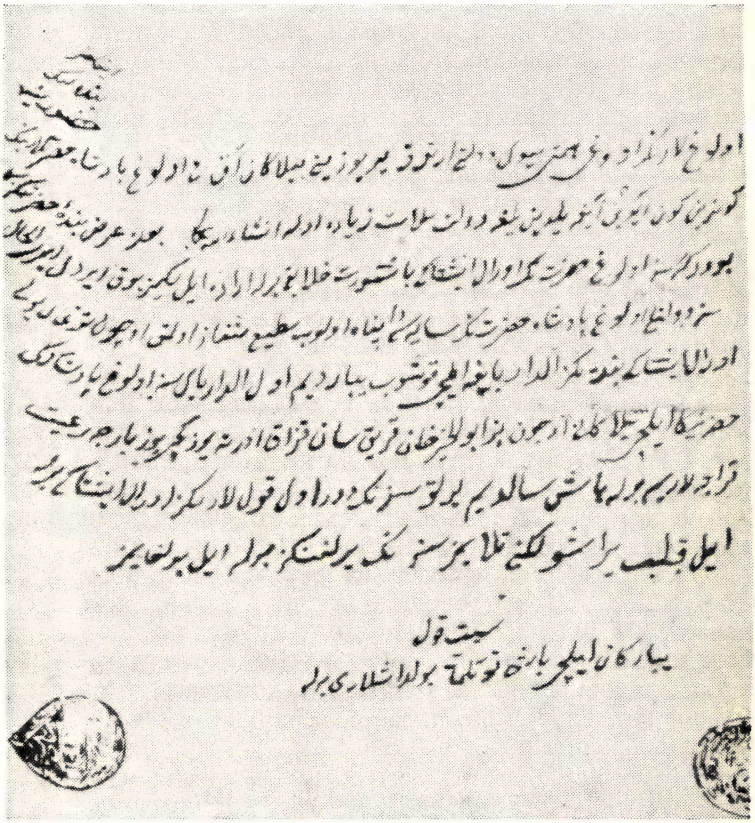
[6] Памятники Сибирской истории XVIII в., т. II. СПб., 1885, док. № 41, с. 159.

[7] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1733, д. 1, л. 177.

[8] *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II. СПб., 1832, с. 95—97.

доносили, что желаешь ты, хан, с войсками кайсацкими быть в подданстве у нас на следующих пунктах:

1. Обещаетесь нашему императорскому величеству служить верно и платить ясак так, как служат башкирцы; 2. Чтоб от подданных российских обид и разорения вам никакого не было; 3. Ежели на вас, кайсаков, будут нападать какие неприятели, чтобы вы могли от того нашим и. в. защищением охранены быть и счислять бы вас с подданными российскими; 4. Чтобы ясырей, взятых от вас башкирцами и протчими российскими подданными, вам возвратить, а вы обещаете взятых россиян отдать и с башкирцами и с калмыками быть в миру, и мы, великая государыня, наше и.в., тебя, киргиз-кайсацкого Абулхаи-



Письмо Абулхаира императрице Анне Ивановне с просьбой о принятии казахов в российское подданство

ра-хана, старшину и все киргиз-кайсацкое войско пожаловали. повелели по прошению вашему принять вас в подданство на выше изображенных требуемых нами пунктах»[9]. Эти условия были приняты русским правительством, и в свою очередь оно поставило перед Абулхаир-ханом следующие требования:

«... надлежит вам, хану и всему войску кайсацкому, содержать себя всегда в постоянной верности к нашему и. в. и к нашим наследникам. И когда по указу нашего и.в. будет вам наряд, куда на службу нашу з другими подданными российскими, з башкирами и з калмыками, тогда вам с ними вместе во определенные места ходить со всякою охотою; на башкирцев и на яицких казаков, и на калмык, и на других русских подданных никаких нападений, набегов и обид весьма не чинить и жить с ними мирно и безсорно, також-де купцам, российским подданным, ездячим из Астрахани и из других мест с караваном, и особ к вам и через ваши жилища и кочевья в другие места, никакова препятствия и обид не делать, но наипаче оных от всяких опасных в пути случаев охранять и в поездках их подробное вспоможение чинить»[10].

В Петербурге было решено послать в Младший жуз русское посольство для вручения Абулхаиру царской грамоты и приведения к присяге султанов и старшин. Его возглавил переводчик восточных языков Коллегии иностранных дел, татарин по происхождению, А. И. Тевкелев, показавший себя умелым дипломатом.

Миссия выехала из Петербурга 30 апреля 1731 г.[11] Тевкелева сопровождали два геодезиста — А. Писарев и М. Зиновьев, которым поручалось дать описание местности и составить карты. В Уфе им был придан с целью охраны посольства и обоза с ценными подарками для ханов, султанов и старшин воинский конвой — отряд башкир во главе с семью старшинами.

Основываясь на заверениях Абулхаира, в Петербурге были убеждены, что желание вступить в подданство разделяют все султаны и старшины Младшего жуза. Однако, когда Тевкелев прибыл 5 октября 1731 г. в ставку Абулхаира, находившуюся на Иргизе, выяснилось, что по этому вопросу внутри феодальной верхушки имеются существенные разногласия[12].

---

[9] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1762—1775, д. 2, л. 2.
[10] Там же.
[11] Там же, 1731, д. б/н, л. 116.
[12] Там же, 1733, д. 1, л. 8.

Донесения Тевкелева и подробный дневник, так называемый «Журнал о комиссии 1731—32 гг.», который он вел, передают острую борьбу феодальных группировок и те трудности, какие пришлось преодолеть миссии.

В рассматриваемый период в Младшем жузе кроме Абулхаира на правах ханов были султаны Батыр и Нуралы, к тому же было сильным и влияние многочисленных старшин, управлявших отдельными родами. Стремление Абулхаира к единовластию наталкивалось на решительное сопротивление части феодалов, желавших вести самостоятельную политику. По существу, борьба вокруг вопроса о русском подданстве была борьбой сторонников и противников установления единой власти хана Абулхаира. Не случайно, группировка, связанная с Хивой и Джунгарией, которую Тевкелев называет «противной партией», выступала против инициативы Абулхаира, обвинив его в том, что он без предварительной консультации с ними и без их ведома обратился с ходатайством к России о принятии подданства. В этом они усматривали не только нарушение вековых обычаев и традиций, но, самое главное, низведение на нет их власти и авторитета. Приверженцы «противной партии» опасались того, что Абулхаир благодаря покровительству русского правительства настолько укрепит свои позиции, что их участию в управлении делами жуза придет конец.

Эти сомнения не были лишены оснований, что видно из донесения Тевкелева от 5 января 1732 г.: «... ныне на него, Абулхаир-хана, все злобятся за то, что он просил быть в подданстве всероссийском один, и подлинное намерение Абулхаир-хана через многие разговоры узнали, и он мне объявил чего ради он один без согласия других просил быть в подданстве российском. 1. Ханы у них не самовластные; 2. не наследные, а он Абулхаир-хан, желает, чтобы протекцию ея имп. величества быть ему самовластным и дети б его по нем были наследники»[13].

Против планов Абулхаира особенно рьяно выступал султан Батыр, вожак «противной партии», сам намеривавшийся стать ханом. Доводы Абулхаира в пользу принятия подданства соответствовали сокровенным чаяниям казахского народа, подвергавшегося постоянным нападениям соседей и страдавшего от разорения. С принятием российского подданства казахи надеялись, что они по примеру волжских калмыков и башкир теперь «от не-

[13] «Красный архив». М., 1936, № 5, с. 201.

приятелей своих в безопасности будут»[14]. Возражения «противной партии» в основном сводились к тому, что это богопротивное дело, когда мусульмане идут под начало христианских правителей. Играя на настроениях темной, забитой массы соплеменников, слепо державшихся своих верований и обычаев, вожаки «противной партии» создали весьма сильную оппозицию Абулхаиру.

В этих условиях тактика Тевкелева сводилась к тому, чтобы путем посул и щедрых обещаний постепенно привлечь на свою сторону вожаков «противной партии». Трудность заключалась в том, что группа Батыра пользовалась активной поддержкой кочевавших между Волгой и Уралом калмыцких князей, действовавших в интересах джунгарских феодалов и усматривавших в принятии казахами российского подданства удар по своим интересам — препятствие к своему господству над Казахстаном. Правителей Хивы также не устраивала перспектива видеть казахов под протекцией России, поскольку уменьшались возможности для их вмешательства в дела Младшего жуза. Специально прибывшие в кочевье Батыра хивинские агенты подстрекали массы к выступлению против принятия подданства. Во время переговоров дело не раз доходило до столкновений, едва не стоивших Тевкелеву жизни. Враждебно настроенные старшины хотели его убить, не раз на обозы посольства совершались нападения, а сопровождавшие его люди захватывались в плен.

Внешне борьба двух группировок казахских феодалов шла вокруг вопроса о подданстве, а фактически о власти. Не случайно султан Батыр поднял против Абулхаира несколько тысяч воинов, желая с ним расправиться.

Однако все попытки сорвать переговоры и помешать присоединению Младшего жуза к России потерпели неудачу.

10 октября 1731 г. подавляющее большинство собрания старшин высказалось за принятие подданства. Громадную роль в положительном решении этого вопроса сыграл влиятельный батыр Букенбай, известный в народе своими подвигами во время войны с джунгарами. Вместе с другими батырами: Есетом, Мурзой-Худай-Назаром он решительно поддерживал Абулхаира и выступил в защиту Тевкелева[15].

---

[14] *Рычков П. И.* История Оренбургская. Ежемесячные сочинения и переводы. СПб., 1759, с. 6.

[15] Казахско-русские отношение в XVI—XVIII веках, с. 54.

Будучи умным и дальновидным человеком, Букенбай понимал, что для самосохранения казахскому народу нужно надежное покровительство. Действительно, «когда зюнгорские калмыки нападут [казахи] побегут в [одну] сторону, а башкиры нападут, то уходили в другую сторону, а волжские калмыки и яицкие казаки и сибирское войско нападут, тогда они уже бегать и места себе не находили...»[16]. В таких условиях только Россия могла обеспечить безопасность казахам: во-первых, потому что они наравне с волжскими калмыками, башкирами и яицкими казаками становились российскими подданными, и правительство должно было предпринимать меры к пресечению столкновений между ними, во-вторых, приняв российское подданство, казахи могли рассчитывать на пресечение джунгарской агрессии, так как Россия сама была заинтересована в предотвращении продвижения джунгар к своим границам. Заботясь о благе соплеменников, Букенбай стоял за российское подданство и по личным мотивам. Будучи крупным скотовладельцем, он вел значительную торговлю с Россией, в частности имел своего торгового представителя в Уфе. И естественно, что с принятием подданства, Букенбай рассчитывал расширить масштабы своей торговли.

Понадобилось, однако, немало времени, чтобы привести к присяге других казахских феодалов. В конечном счете «противная партия» распалась, ее главари, один за другим, приняли подданство, хотя их всячески удерживали от этого акта агенты калмыцкого тайши и джунгарского хунтайджи, приехавшие в Младший жуз.

Калмыцкий тайши Доржи пытался удерживать и Абулхаира от перехода на сторону России, предлагая ему напасть на русских. Однако эти происки встретили решительный отпор со стороны Абулхаира. Он информировал о предложении Доржи императрицу Анну Ивановну и запрашивал ее: «И ежели продерзкости калмыцкого владельца Доржу указом Вашего и. в. повелено будет нам на него итти, то по получении от Вашего и. в. указу сего очень того часу со всем войском моим пойдем»[17]. Таким образом, Абулхаир в доказательство своей искренней заинтересованности в российском подданстве изъявлял готовность как вассал русской императрицы выступить против противников России.

---

[16] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1748, д. 3, л. 132—139 об.
[17] Там же, 1734, д. 1, л. 144а—164.

24 ноября 1732 г. Тевкелев, закончив свою миссию, выехал в обратный путь из урочища Найзакескен и 2 января 1733 г. прибыл в Уфу вместе с посольством Абулхаира, направленным в Петербург. В его составе были сын Абулхаира султан Ералы, двоюродный брат Абулхаира султан Нияз, старшины Чадынбай, Мурза-Худай-Назар, племянник Букенбая батыр Мурзагельды, Мурза Тугелбай, Кипчак-Курды и Байгунчек с сопровождавшими их лицами[18].

В результате переговоров в Петербурге, куда посольство прибыло в январе 1734 г., вступление Младшего жуза в русское подданство было окончательно оформлено.

В своей речи на приеме во дворце султан Ералы просил оказывать казахам военную помощь в случае нападения извне[19]. В ответ вице-канцлер Остерман дал понять, что просьба будет удовлетворена[20].

Вступая в российское подданство, Абулхаир обязывался охранять восточные границы Российской империи, защищать торговые караваны, следующие через казахскую степь в среднеазиатские ханства и обратно, оказывать в случае необходимости военную помощь царским войскам и регулярно вносить ясак мехами и кожами.

В свою очередь Абулхаир просил, чтобы царское правительство закрепило за ним и за его потомками ханское звание и чтобы в устье реки Орь была сооружена русская крепость, которая могла бы служить для него защитой.

Обе просьбы Абулхаира были охотно удовлетворены, так как царское правительство получало возможность не только укрепить свои позиции в казахской степи, но и упрочить торговлю со среднеазиатскими ханствами. Так, о значении строительства крепости на Ори сенатор И. К. Кириллов писал императрице Анне: «О котором городе сами Абулхаир-хан и башкирцы просят, чтобы построить у устья Орь-реки, тот весьма нужен, не только для одного содержания киргизцов, но и для отворения свободного с товарами пути в Бухары, в Бодокшан и в Индию, чем император Петр Великий весьма домогался и не жалел ни казны, ни людей...»[21].

Но, как впоследствии указывал Тевкелев, крепость на р. Орь строилась прежде всего для того, «чтобы поло-

[18] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках, с. 85.
[19] *Рычков П. И.* История Оренбургская, с. 7.
[20] Там же, с. 8.
[21] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1734, д. 4, л. 5.

жить на них (казахов. — *Т. Ш.*) узду, чтобы они впредь всегда непоколебимо в верности и послужении были»[22].

Для закрепления позиций во вновь присоединенных казахских землях, которые царизм считал ключом к Средней Азии, в мае 1734 г. была организована Оренбургская экспедиция, которую возглавил инициатор ее создания обер-секретарь Сената И. К. Кириллов — один из соратников Петра Первого. Помощником его был назначен А. И. Тевкелев.

Перед Оренбургской экспедицией был поставлен ряд задач государственной важности. Они подробно изложены в докладных записках Кириллова[23], на основании которых затем были изданы царские указы. Сооружение крепости на Ори, как указывал Кириллов, преследовало не только военно-политические, но и торгово-экономические цели. Поэтому городу были предоставлены привилегии для поощрения и развития торговли.

В задачу экспедиции входило также всестороннее изучение присоединенных земель, включая разведку ценных ископаемых. Граница между Россией и казахскими владениями устанавливалась по реке Уралу (Яику).

Наконец, Кириллову, поручили приведение к присяге Среднего и Старшего жузов и постройку крепости с пристанью на Сырдарье. Ряд причин и, прежде всего, крупное восстание в Башкирии в 1734—1738 гг., подавлению которого Кириллов уделял много внимания, помешали реализовать обширный план Оренбургской экспедиции[24].

Дело ограничилось лишь постройкой в августе 1735 г. на месте нынешнего города Орска крепости, названной Оренбургом. Вскоре это название было присвоено городу, сооружаемому в устье реки Сакмары, при ее впадении в Урал.

Одновременно с Оренбургом, скоро ставшим местным крупным военным, административным и торговым центром, были заложены и небольшие крепости — Переволоцкая, Новосергеевка, Чернореченская, Ельшанская, Каролайская, Иргульская, Бердская и Буберлинская, образовавшие вдоль границы укрепленную линию.

Теперь осветим более подробно причины, побудившие Абулхаира вести переговоры с правительством Рос-

---

[22] См.: «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 13, отд. III, 1852, с. 17.

[23] Материалы по истории России, т. I. Оренбург, 1900, с. 41.

[24] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1734, д. 2, л. 8—29.

сии о подданстве, не спрашивая на это согласия других казахских владений.

Объясняя послу императрицы Анны Ивановны А. Тевкелеву, почему он без согласия большинства феодалов добивался получения Младшим жузом русского подданства, Абулхаир сказал следующее: «1-е, из древних лет предки его и он, Абулхаир-хан, владели городами Ташкентом, Туркестаном и Сайрамом с принадлежащими к ним городками и деревнями и продолжалась у него, Абулхаир-хана, война с хонтайшею многие годы, и не мог он, Абулхаир-хан с ним, хонтайше, противитца, в которое время жена и мачеха его, Абулхаир-хана, взяты в полон, и принужден был он, Абулхаир-хан, вышепоказанные города оставя, выехать к кочевым народам киргис-кайсакам. 2-е. Еще, не довольствуясь тем, стал воеватца с волжскими калмыками и с башкирцами, и с бухарами, и со всех сторон окружен стал быть он, Абулхаир-хан, неприятелем. И от того времени и доныне городов своих, мачеху и жену свою от него, хонтайши, выручить не может. Однако ныне с Бухариею и Хивою помирились, такмо остались неприятели его волжские калмыки и уралские башкиры. А с калмыками как скоро миритца, так скора и война живет. Мир их бывает несостоятелен. А башкирцы — да без указу ея императорского величества с ним, Абулхаир-ханом, миритца не хотят, того ради он, Абулхаир-хан, к ея императорскому величеству послал своих посланцев просить протекцию российскую, чтоб ему, Абулхаир-хану, с волжскими калмыками и с уралскими башкирцами быть в миру, а от хонтайши отискивать свою реванж было ему свободно. 3-е. Можно видеть как Аюка-хан калмыцкий, так и башкирцы ежели не могут управитца с неприятелями сами, то охранены бывают протекциею ея имп. вел., також-де и он, Абулхаир-хан, желает быть охранен ея имп. вел. протекциею»[25].

Абулхаир прекрасно понимал, что единственным выходом из создавшегося положения является принятие русского подданства, ибо оно обеспечивало безопасность со стороны башкир и калмыков, создавало условия для борьбы с джунгарскими войсками и давало возможность возвратить родных, а также потерянные пастбища.

По этим причинам в подданстве России был заинтересован весь казахский народ.

[25] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1733, оп. 122/1, д. 2, л. 13 и об.

Однако феодальная верхушка, используя объективно возникшую тягу казахского народа к России, преследовала свои классовые эгоистические интересы. Это подтверждается, в частности, объяснениями, которые хан Абулхаир вынужден был давать народному собранию в связи с тем, что он превысил свои полномочия, ведя переговоры с Россией.

Выражая свое недовольство тем, что старшины напомнили ему древний обычай, который велит ханам не предпринимать никаких действий без совета со старшинами, хан Абулхаир заявил, что «он, хан, только имя носит ханское, а воли над подданными никакой не имеет и живет как между скотом; понеже кто и лошадь имеет в руках, тот об ней помышляет, бережет, во всем охраняет, кормит, когда замаратца — моет, а лошадей же диких в степях, не имеющих оберегателя, люди ж бьют и звери ловят. И ныне оборонителя и избрал яко лутчее есть иметь подданство великого монарха»[26].

В связи с ростом феодальной борьбы и обострением классовых противоречий в казахском обществе ханская власть в жузе теряла влияние. Именно поэтому хан Абулхаир стремится к закреплению своего положения и созданию наследственной власти. Он этим и руководствовался, принимая подданство России. Абулхаир рассчитывал, что русское правительство сделает его ханом всего Казахстана. В этом был для него смысл принятия подданства, на которое он смотрел как на средство отстранения, ослабления, а в отдельных случаях и истребления противников.

Это прекрасно понимал и переводчик Коллегии иностранных дел А. Тевкелев. Он дал такую характеристику хану Абулхаиру: «А он, Абулхаир-хан, человек весьма достаточного ума и не без лукавства. Хотя (т.е. желая,— *Т. Ш.*) оную орду в наибольшую власть свою взять, не так как предки его оною владели, причитая их непослушание себе во озлобление, просил протекции ея имп. велич., через которую намерен был в той киргискайсацкой орде себя одного ханом учинить и по себе наследников роду своего на оном ханстве утвердить...»[27].

С помощью царизма, например, Абулхаир стремился ослабить влияние султана Средней орды Абулмамбета.

После смерти Абулхаира его сын хан Нуралы ставил

[26] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1733, оп. 122/I, д. 2, л. 23—24.

[27] Там же, д. 1, л. 153 об.

перед императрицей вопрос об утверждении его ханом всех трех жузов[28].

О подобном мечтали и другие представители феодальной верхушки казахского общества.

В дальнейшем казахские феодалы во главе с ханами и султанами домогались от царского правительства предоставления им войска и разрешения строить крепости для укрытия хана и его семьи в случае нападения внешних врагов и «противных ему киргиз-кайсаков».

В 1742 г., например, хан Абулхаир просил у оренбургского губернатора «для обуздания б народа ему три тысячи человек войска дать, через то лехкомысленный их народ в подобающем страхе и послушании останется и по всем ея императорского величества указом исполнять возможно будет»[29].

Таким образом, постройку крепостей казахские ханы откровенно объясняли необходимостью усиления казахских ханов в «их киргиз-кайсацких народах», для «обуздания всего народа», чтобы «своевольных людей в страх и послушание приводить»[30].

Подобные действия казахских ханов и феодальной верхушки вызывали возмущение и даже отпор народных масс, в связи с чем ханы неоднократно обращались к царской администрации с просьбой о присылке войск для усмирения непокорных аулов.

Итак, основным скрытым мотивом подданства было стремление феодалов укрепить свою власть, преодолеть сопротивление народных масс и усилить их закабаление.

Массы кочевников, которые изнывали от бесконечных войн, разорений, межродовых раздоров и барымты, были заинтересованы в дружбе, союзе и мире с Россией, чтобы «избавиться от страшных притеснений ханов и их чиновников и воспользоваться тем спокойствием, как пользуются подвластные России кочевые народы»[31]. Трудящимся казахам был нужен мир, чтобы жить и вести хозяйство. Русское подданство избавляло их от внешних грабительских набегов и чрезмерного усиления власти господствующих классов.

Борьба народных масс против попыток ханов и феодальной верхушки использовать русское подданство для усиления их закабаления не была борьбой против рус-

---

[28] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1749, д. 4, л. 261.
[29] Там же, 1733, оп. 122/1, д. 2, л. 34 и об.
[30] Там же, 1759, д. 10, л. 17 и об.; д. 4, л. 407 и об.
[31] «Военный сборник», 1760, № 11, с. 176.

ского подданства, как считал Тевкелев и ряд других дореволюционных исследователей. Наоборот, народные массы видели в подданстве России перспективу мирной жизни.

Об этом свидетельствуют и более ранние документы с просьбами о русском подданстве, в которых указывается, что «казачьего народа все люди говорят, что-де с людьми российского народа быть в миру всегда они желают». Рядовые казахи готовы были добиваться дружбы с Россией, не взирая на противодействие отдельных представителей знати: «...буде Хаип-хан хочет ссоритца никогда не будет и Хаип-хана в том не слушаем»[32].

Таким образом, большинство казахского народа положительно отнеслось к принятию русского подданства. Больше того, когда в 1747 г. ханы, султаны и другие представители феодальной верхушки пытались организовать набеги на русские селения, простые казахи и многие старшины были «ханскими поступками недовольны и весьма на них досадуют...»[33].

Положительные последствия присоединения к России по прошествии некоторого времени не замедлили сказаться на обстановке в Младшем жузе. Прежде всего, благодаря вмешательству русских властей, нормализовались взаимоотношения казахов с соседями, в частности с калмыками. Так, императрица Елизавета грамотой на имя хана Абулхаира (18 января 1742 г.) специально предписывала: «... дабы подданные наши киргис-кайсацкой и калмыцкой народы жили между себя бессорно и взаимно один другому народу никакого нападения не причиняли, ибо из того сим обоим народам, кроме разорения, никакой пользы быть не может»[34].

Русское подданство надежно прикрывало казахов от поползновений извне. Весьма характерно, что хан Абулхаир, предлагая иранскому шаху Надиру мир, аппелировал к своему российскому подданству: «... ибо ежели вы имеете постоянный и неразрывный мир [с Россией], то и с нами учинить Вам потребно...»[35].

Чтобы пресечь происки джунгарских феодалов в Казахстане, русские власти принимают меры для обеспе-

---

[32] Памятники сибирской истории XVIII века, т. II. СПб., 1885, док. № 41, с. 159.

[33] *Витевский В. П.* Неплюев и Оренбургский край, тт. I—II. Казань, 1897, с. 709.

[34] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 1, л. 1—4.

[35] Там же, д. 4, л. 30—32.

чения безопасности казахов. Джунгарский хан Галдан-Церен был извещен русским правительством, что казахи являются российскими подданными и оно будет защищать их силой оружия. Более того, начальник оренбургской комиссии Неплюев потребовал от Галдан-Церена не предпринимать карательных экспедиций против казахов даже в том случае, если они первыми нападут на ойратские кочевья: «... ежели б подданные киргиз-кайсаки, паче чаяния, пограничным Вашим улусам учинили какое беспокойство, войск Ваших на них посылать более уже не прикажете, но по доброму соседству будете о том прежде ко двору е.и.в. доносить или ко мне...»[36].

Относительно мирные условия жизни, которые казахи обрели после принятия Младшим жузом российского подданства, создали предпосылки для восстановления их скотоводческого хозяйства. Этому же способствовала развивающаяся торговля в русских городах. Потребности в скоте и лошадях побуждают русскую администрацию всемерно поощрять торговлю казахов, в связи с чем они были освобождены от уплаты пошлин.

Сами казахи были заинтересованы в развитии торговли. Многие кочевники, «будучи к прибыткам весьма охотны в торг так уж влюбились, что часто случается, что в один день человек от семисот до восьмисот, а иногда и до тысячи на здешний меновой двор (т. е. в Оренбург.— *Т. Ш.*) приезжает и редко находится из них такой, кто чем-нибудь не торговал... а некоторые из них, подобно настоящим купцам, переторговывать стали, другие же, провожая купеческие караваны сюда и отсюда тем интересуются и промышляют»[37].

Развитие торговли улучшало материальное положение казахов-кочевников, способствовало развитию кочевого скотоводства. «Наперед сего,— говорится в одном документе,— киргиз-кайсацкий народ был самой бедной, напротив того ныне и последний из них что-нибудь имеет, а сие происходит от учрежденных при здешних границах торговле и от безопасного их оных обращения, к которым в прежния времена и приближаться не смели»[38].

Пример казахов Младшего жуза, первыми принявших российское подданство, явился показательным и для остальных.

---

[36] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 4, л. 225—227.
[37] Там же.
[38] Там же, 1759, д. 10, л. 8 и об.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВХОЖДЕНИЕ СРЕДНЕГО ЖУЗА В РОССИЮ

Присоединение Младшего жуза создало предпосылки для такого же шага и Среднего жуза, тем более часть его родов находилась под властью Абулхаира. Те же политические и экономические причины, побудившие Младший жуз принять российское подданство, были характерны и для Среднего жуза, гораздо сильнее пострадавшего от джунгарского нашествия.

Проводником прорусской ориентации здесь выступал уже упоминавшийся батыр Букенбай. В своих устремлениях он был не одинок. Его поддерживали представители влиятельных старшинских группировок, рассчитывавших при содействии русской администрации расширить свои пастбищные угодья у российских окраин.

В середине 1731 г. состоялась беседа уфимского воеводы с послами Абулхаира и хана Среднего жуза Семеке, которые направили их «в Россию с общего согласия»[1]. От имени ханов послы говорили о большой заинтересованности казахских владетелей в русском подданстве: оно могло спасти казахов «от нападения... других народов»[2]. Об этом же говорил в Уфе и казах Среднего жуза

[1] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1730—1731, д. б/н, л. 50.
[2] Там же, л. 31 и об.

Баячи Тюлеев. В Уфимском воеводском управлении он заявил, что ханы Абулхаир и Семеке, поддержанные казахами, «ныне желают быть в услужении, в вечном подданстве под протекциею ея императорского величества»[3].

Послы Абулхаира и Букенбая — Мурза-Худай-Назар и Таймас, направленные в конце 1731 г. в Средний жуз, обещали хану Семеке в случае присоединения к России обеспечить безопасность его территории с помощью русских войск[4]. В противном случае Абулхаир угрожал, что запросит военные силы у русского правительства и захватит в плен Семеке и его приближенных. Это еще раз свидетельствует о намерении Абулхаира использовать принятие русского подданства для своего возвышения над другими казахскими владетелями.

Семеке согласился с предложением послов Абулхаира и Букенбая. В 1732 г. в состав России формально вошла центральная часть Среднего жуза, остальная приняла русское подданство несколько позднее.

Но Семеке оказался весьма непоследовательным в своем решении. На то были причины. Во-первых, он сам, а также многие старшины Среднего жуза опасались, что с принятием подданства России несоизмеримо возрастет влияние Абулхаира на ход дел в ханстве, поскольку тот говорил от имени казахов Младшего и Среднего жузов. Во-вторых, влияние оказывала и антирусская пропаганда, которую вели в Среднем жузе лазутчики калмыцкого тайши Доржи Назарова и его сына Лобжи.

Непоследовательность хана Семеке проявилась в том, что уже после принятия присяги на подданство русскому царю он совершал набеги на башкир — российских подданных. Эти действия дали основание начальнику Оренбургской экспедиции И. Кириллову 1 мая 1734 г. докладывать: «...Средняя орда, в которой Шемяки-хан, в ней тысяч двадцать, оные еще в противности стоят и подданства не приняли»[5]. Фактически хан своими действиями отрекался от ранее данной присяги.

Однако стремление к мирной жизни брало верх и у казахов Среднего жуза, тем более, что налеты на башкир не принесли ничего, кроме жертв и ущерба. И притом не отпала еще угроза вторжения со стороны джунгар. В таких условиях повторное принятие российского под-

[3] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1730—1731, д. б/н, л. 11.
[4] Там же, 1731—1733, д. 54; *Рычков П.* Топография Оренбургская, ч. 1. СПб., 1887, с. 146, 147, 148.
[5] Там же, 1734, д. 4, л. 5—14.

данства обеспечивало посредничество России в примирении с соседями и помощь в случае нашествия джунгар. К тому же подданство открывало широкие возможности для торговли с русскими.

В конечном счете хан Семеке вновь ходатайствует о вступлении в подданство России. Грамотой императрицы Анны Ивановны от 10 июня 1734 г. просьба его была удовлетворена[6].

По примеру Семеке и другие владетели Среднего жуза предприняли шаги к сближению с Россией. В декабре 1735 г. хан Кучук, султан Барак и несколько батыров обратились с просьбой прислать в Средний жуз русское посольство. Судя по содержанию письма, в котором говорилось, «каким образом Абулхаир-хан склонился, так же и мы склонились», они намеревались принять российское подданство, а посольство должно было его оформить. Цель, которую преследовали указанные владельцы, заключалась в следующем: «...башкирцы будут бояться генерала да мурзы (т. е. Тевкелева.— *Т. Ш.*), а наши казахи будут бояться от ханов своих...»[7]. Иными словами, путем принятия подданства верхушка Среднего жуза рассчитывала разрешить конфликты с соседями и обуздать своих подвластных.

Кроме роста политических связей усиливается и тенденция к экономическому сближению с Россией. Так, сын Абулхаира султан Ералы (правитель рода керей, входившего в состав Среднего жуза) вместе со старшинами дали согласие начальнику Оренбургской экспедиции И. Кириллову содействовать развитию русской торговли в казахской степи и обязались сами участвовать в ней[8].

После смерти И. К. Кириллова в апреле 1737 г. начальником Оренбургского края (1737—1739) стал известный русский историк В. Н. Татищев. Он начал свою деятельность с созыва съезда представителей султанской и старшинской группы Младшего и Среднего жузов с целью закрепления их подданства.

В 1738 г. на съезд в Оренбург прибыли Абулхаир с сыном Нуралы, а также старшины и батыры, главным образом Младшего и Среднего жузов. Среди них были батыры Букенбай, Джаныбек и другие. Присягнув в начале августа 1738 г., старшины Среднего жуза по сущест-

---

[6] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1734, д. 4, л. 39—40.

[7] Там же, 1735, д. 2, л. 5—6.

[8] ЦГАДА, ф. 248. Дела Сената по кабинету, 1736—1737, д. 67/164, л. 20.

ву подтвердили клятву Семеке о российском подданстве, данную им в 1731 г.[9] Однако это не означало, что оно распространялось на весь жуз, поскольку на съезде отсутствовали влиятельные султаны Абулмамбет и Аблай, игравшие после смерти Семеке решающую роль в делах жуза.

Весьма показательно, что батыр Джаныбек с принятием российского подданства поспешил добиться разрешения вести торговлю в Яицком городке, чтобы «покупать бы там русские товары, и на пропитание свое — хлеба и харчь»[10]. Этот факт свидетельствует о важности для казахов торговли на русских рынках.

Новый начальник Оренбургской комиссии* В. А. Урусов, сменивший Татищева в 1739 г., стремился обеспечить безопасное прохождение русских торговых караванов через казахские степи, завершить переход Среднего жуза в подданство России и привести в подданство Старший жуз.

Состоявшийся по инициативе В. Урусова в Оренбурге в 1740 г. второй съезд представителей старшин и султанов Младшего и Среднего жузов также ставил перед собой целью закрепить русское влияние в казахской степи. Прибывшие на съезд султаны Абулмамбет и Аблай высказались за русское подданство. Аблай, например, недвусмысленно заявил о своем желании вместе со всем казахским населением Среднего жуза принять русское подданство, или, говоря словами Аблая, войти «... в непобедимое засчищение высочайшей е. и. в. милости в числе совершенных и истинных е. и. в. подданных, за которую высочайшую милость долженствую не токмо я один, но и со всеми моими, верным и истинным ее и. в. рабом вечно пребывать»[11].

Заручиться поддержкой на случай нападения извне было одной из основных причин, побудивших Аблая и Абулмамбета просить о принятии подданства. Казахи Среднего жуза, воспользовавшись войной Галдан-Церена с цинским Китаем, неоднократно совершали набеги на ойратские улусы, в связи с чем ожидали ответных мер джунгарского хунтайджи.

В этом же 1740 г. подданство было закреплено прися-

---

[9] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 4, л. 4.

[10] Там же, 1739, д. 2, л. 7—11.

* К этому времени Оренбургская экспедиция стала называться Оренбургской комиссией.

[11] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1740, д. 3, л. 23 об.

гой 308 старшин и султанов Среднего и Младшего жузов[12]. Таким образом, юридически был завершен акт присоединения к России значительной части Среднего жуза.

Последующие события дали казахам Среднего жуза убедительное доказательство того, насколько своевременным и важным было принятие русского подданства. Казахские кочевья вновь подверглись опустошительному набегу войск Галдан-Церена. Наиболее сильно пострадали аулы подвластных Аблаю и Абулмамбету родов. И только вмешательство Оренбургского коменданта заставило джунгарского военачальника отступить.

С принятием российского подданства благодаря усилиям русской администрации несколько сгладились длительные трения, существовавшие между казахами Среднего жуза и волжскими калмыками. Так, поручик князь Кураков доносил: «Киргиз-кайсаки-де с калмыками мир учинили в такой силе, что им даже до того времени, как родившейся в том году (1741. — *Т. Ш.*) младенец возрастет и на конь сядет, ссор не иметь»[13].

Одновременно налаживается и торговля казахов Среднего жуза с Оренбургом: зимой 1740 г. они «для покупки потребного им и ради продажи битых или диких свиней прихаживали пешком в самый Оренбург...»[14].

Присяга в 1740 г. хана Абулмамбета, султана Аблая и старшин по существу положила лишь начало процессу присоединения Среднего жуза к России, действительное же и окончательное завершение его потребовало времени. Российское подданство не распространялось на все роды Среднего жуза, в частности на владения влиятельного в этом жузе султана Барака.

Окончательному присоединению Среднего жуза к России в значительной степени препятствовали отдаленность его кочевий, слабые экономические связи с русской территорией прежде и неустойчивость позиций отдельных владетелей, которая с особой силой проявилась во время нового нажима на Казахстан со стороны Джунгарского ханства.

Словесный демарш, сделанный русскими властями против вторжения войск Галдан-Церена, о чем уже говорилось, не предотвратил повторного нашествия джун-

---

[12] Подсчет произведен нами по данным работы: *Рычкова П.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, с. 435—439.

[13] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1741, д. 4, л. 3—4 об.

[14] Там же, л. 1—25 об.

гар. В 1741 г. они вновь вторглись в пределы Младшего и Среднего жузов.

В результате столкновений между джунгарскими войсками и казахскими отрядами во главе с Аблаем последние были разбиты, а Аблай попал в плен. Казахи, спасая свою жизнь, как свидетельствуют источники, бежали, бросив все свое «состояние»[15].

Наступление джунгарских войск побудило русские власти принять решительные меры. Приведя в боевую готовность войска Оренбургской линии, русское командование потребовало от джунгарского военачальника увода своих отрядов. Ультиматум возымел действие, но положение оставалось неустойчивым.

Джунгарский хунтайджи Галдан-Церен все же не оставил намерения подчинить себе Средний и Младший жузы, но не силой оружия, а иными средствами. Он потребовал от владетелей Среднего жуза в заложники близких, чтобы затем заставить казахских правителей выполнить такие условия: платить дань, кочевать в указанных им местах. Фактически это означало подчинение Среднего жуза власти джунгарского хунтайджи. Свои требования он подкрепил угрозой послать в случае неповиновения войско.

Желание Галдан-Церена получить заложников поразному было воспринято владетелями Среднего жуза. Батыр Джаныбек решительно отказался давать аманатов, ссылаясь на то, что он российский подданный и «без указу е. и. в. тех аманатов дать им (джунгарам. — *Т. Ш.*) не смеют...»[16]. Одновременно Джаныбек ради безопасности решил перекочевать к Оренбургу под охрану русских войск.

Иную позицию занял хан Абулмамбет. Он дал согласие прислать аманатов. К этому его побудил ряд причин. Немаловажным было то обстоятельство, что кочевья подвластных ему родов находились намного ближе к джунгарским улусам, нежели к Оренбургу, и хан опасался, что русские власти не смогут оказать ему своевременной поддержки в случае нападения джунгар. Но решающую роль, видимо, сыграло обещание Галдан-Церена отдать Абулмамбету в управление Туркестан. Об этом он сам сообщил русским представителям Уразину и Лихачеву, «что Галдан-де Чирин отдает им в преж-

[15] АВПР, ф. Джунгарские дела, 1741, д. 1, л. 39; 1745, д. I, л. 51; ф. 122, 1742, д. 4, л. 71—74.

[16] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 4, л. 50—54 об.

нее владение город Туркестан с тридцатью двумя городами и ежель ему сына своего не послать, то оной зюнгорец будет их губить, а Россия-де в то число им не пособит»[17]. Поводом для заявлений Абулмамбета послужил и тот факт, что его просьба к русской администрации о постройке для него крепости, как было обещано Абулхаиру, осталась без последствий.

Однако попытки джунгарского хунтайджи оторвать Средний жуз от России, чему в немалой степени способствовал своими действиями Абулмамбет, не увенчались успехом: широкие казахские массы нуждались в российском подданстве. Об их настроении в определенной мере можно судить из замечания батыра Джаныбека: «...все қайсаки, как бы кто глуп ни был, пользы своей, получаемой от подданства е. и. в., не чувствовать не может, понеже-де у кого кафтана не было, у того стали два, а у кого один был — у того ныне и более. Так же-де и всякую свою потребу з довольством получают, чего им нигде сыскать невозможно»[18].

Сама действительность опровергла домыслы хана Абулмамбета о бесполезности российского подданства. Именно русские власти в лице оренбургского начальника Неплюева отвергли домогательства джунгарских послов о присылке аманатов казахскими владетелями, поскольку они являлись подданными России. Тот же Неплюев потребовал прекратить нападения джунгар на казахские кочевья. Для окончательного пресечения каких-либо поползновений джунгарского хунтайджи в отношении Қазахстана согласно решению правительства России в 1742 г. в Джунгарию был специально направлен майор Миллер. Ему предписывалось предупредить Галдан-Церена о том, что казахи — российские подданные и чтобы никто «более никаких разорений им не причинял и войск своих на них не посылал, также и вышеозначенных запросов более к ним не производил, представляя, яко все то с великою Российскою империею доброму соседству противно есть»[19]. В противном случае Россия оставляла за собой свободу действий вплоть до применения военной силы с целью обеспечения безопасности казахов как своих подданных. Заявление Миллера произвело впечатление. Его содействие в освобождении из

[17] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 4, л. 203—208 об.
[18] Там же, д. 2, л. 23—69.
[19] Там же, д. 4, л. 230—237.

джунгарского плена султана Аблая способствовало росту престижа России в глазах казахов и увеличению значимости российского подданства.

Позиция правительства России во время джунгарского нашествия 1741 г. и в последующем наглядно убеждала казахов Среднего жуза в том, что политика примирения с джунгарами, которую пытались проводить некоторые казахские владетели, не могла обеспечить безопасного существования жуза. Она вела к полному подчинению казахов военно-феодальной власти джунгаров. Показательно в этом отношении обращение старшины Нияза, находившегося в Джунгарии в аманатах: «...чтобы они, кайсаки... больше б держались и благополучия сыскивали от российской стороны, понеже-де от зюнгорцев к ним, кайсакам, не только никакой чести не стало, но и утеснение усматривается...»[20].

Это понял и влиятельный султан Среднего жуза Барак. В ноябре 1742 г. он обратился с письмом к императрице Елизавете о принятии его в подданство и взял на себя обязательства: «...всякое повеление при случающих временах без всякого умедления исполнить; которыя Вашему и. в. неприятели, те и нам неприятели, а которые Вашему и. в. приятели, те и нам приятели вовеки наши, и с такими неприятелями будем поступать, не счадя своего живота...»[21]. Вступление Барака в подданство с подвластными ему казахами рода найман было оформлено в ноябре 1742 г. во время пребывания в Петербурге посла султана Санымбета.

Подчинение Джунгарии означало для казахов утрату не только политической самостоятельности, но и экономических выгод, поскольку общность хозяйственного уклада казахов и ойратов не открывала перспектив в развитии обмена между ними. В то же время для нормальной деятельности казахскому кочевому хозяйству были нужны экономические связи с земледельческими районами и ремесленными центрами. Между тем такие связи Среднего жуза с государствами Средней Азии были сведены на нет: Ойратское ханство само было заинтересовано в экономическом освоении этих районов. Для хозяйства кочевников Среднего жуза оставалось одно — смыкаться посредством регулярного обмена с

[20] Материалы по истории Казахской ССР. Сборник документов. Алма-Ата, 1951, с. 92.

[21] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1742, д. 4, л. 222; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Алма-Ата, 1961, с. 268.

земледельческими окраинами и городами России. С целью обеспечения устойчивости этой торговли казахским владетелям было необходимо упрочить политические связи с русскими властями, практическими делами закрепить российское подданство.

В силу таких обстоятельств сближение с Джунгарией, на которое пошел было Абулмамбет, в немалой степени руководствуясь своекорыстными целями, не было принято большинством населения Среднего жуза. Не без оснований начальник Оренбургской комиссии И. Неплюев, осведомленный о положении дел у казахов, докладывал: «Вся Средняя орда вслед его (Абулмамбета.—*Т. Ш.*) подвигнулась... ибо и за таким ево отдаленным кочеванием помянутой Средней орды немалое число поблизости здешних мест кочуют и для торгу сюда немалое людство приезжает»[22].

Такая обстановка вновь побуждает Абулмамбета искать покровительства у правительства России. В сентябре 1743 г. он известил оренбургское начальство, что остается верен принятой присяге. Более того, он через султана Барака призывал казахов Среднего жуза держаться ближе к русской территории, чтобы быть в безопасности от возможного нападения джунгарских войск.

Принятие подданства имело для казахов Среднего жуза положительные последствия. Защита от нападений джунгар, некоторое расширение площади кочевий у границ России, установление торговли способствовали налаживанию отношений между русскими властями и кочевым населением, росту авторитета России. Это нашло свое отражение, в частности, в том, что те казахские роды, которые не находились в подданстве России, изъявляли желание принять его. Так, например, в 1745 г. старшина уйсунского рода обратился к султану Аблаю с просьбой, чтобы тот ходатайствовал о принятии его сородичей в российское подданство[23].

Закреплению российского подданства Среднего жуза содействует торговля казахов в русских крепостях, которая особенно оживляется в 40-годах XVIII века. Большой интерес к ней проявляет, в частности султан Аблай, который просит, чтобы ему «позволено было в Оренбурге торговать, проезжая из своей орды особливым своим трактом». Русская администрация с понима-

[22] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв., с. 284.
[23] Там же, с. 328.

нием относилась к желанию казахов развивать обмен, Так, в ответ на просьбу Аблая оренбургский губернатор Неплюев писал: «...что касается до происхождения торгов, то ныне тем более способности, что здесь в Оренбурге российских купцов и товаров пред протчими годами может быть умножительнее, и с которых некоторые надеюсь и в Орскую крепость для того не поедут, о чем можете вашим киргиз-кайсакам...объявить»[24].

Происки Джунгарского ханства явились серьезным испытанием для Среднего жуза в вопросе принятия российского подданства и одновременно создавали необходимость объединения усилий казахов и России для отражения джунгарской агрессии.

Летом 1744 г. джунгарский хунтайджи начал готовиться к нападению на русскую территорию в верховьях Иртыша и, следовательно, на кочевья Среднего жуза. Он сосредоточил 30-тысячное войско под командованием Сары Манжи на р. Усьяр, притоке Иртыша. Учитывая создавшуюся обстановку, правительство России предписало Неплюеву ни при каких обстоятельствах не допускать разорения казахских аулов[25]. Одновременно русское командование переместило к границе значительные воинские силы. Это в определенной мере охладило воинственный пыл джунгар.

Происки джунгарского хунтайджи встретили решительное противодействие среди многих старшин Среднего жуза. Батыр Джаныбек, например, намеревался с согласия правительства России выступить в поход против Джунгарии. В свою очередь влиятельный султан Среднего жуза Барак отклонил предложение джунгарского правителя совершить совместное нападение на сибирскую линию[26]. Таким образом, попытки Галдан-Церена оторвать Средний жуз от России потерпели неудачу.

---

[24] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1745, д. 3, л. 52—55.
[25] ЦГИА СССР, ф. 1341, 1740, д. 118, л. 122.
[26] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1744, д. 3, л. 124.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ КАЗАХСТАНА В XVIII-XIX ВЕКАХ

С присоединением Казахстана к России между ними начинают расширяться экономические связи, и прежде всего торговля, которая становится более интенсивной. В ее усилении были заинтересованы обе стороны. Для казахов этот интерес объяснялся тем, что среднеазиатский рынок по своим потенциальным возможностям не мог удовлетворять ни их спроса, ни предложения. Для России, в которой уже сложился всероссийский рынок, Казахстан был нужен как поставщик сырья и потребитель готовых изделий. Вместе с тем развитие и упрочение экономических связей способствовало развитию и упрочению политических отношений.

В свою очередь этому содействовало строительство крепостей и городов. Некоторые из них становились центрами оживленной торговли с Казахстаном и Средней Азией. В 60-х годах XVIII века Оренбург, Троицк и другие крепости были уже крупными торговыми центрами, через которые шла торговля с казахской степью.

Петропавловская крепость, основанная в 1752 г., с 60-х годов растет и развивается преимущественно как торговый пункт. Сюда наряду с тобольскими, тюменскими, тарскими и казанскими купцами по торговым де-

лам стали приезжать купцы из Курска, Воронежа и даже Архангельска. В 1784 г. по решению коммерц-коллегии Петропавловск был открыт для заграничной торговли.

Русская администрация всемерно поощряла торговлю казахов. Согласно указу Коллегии иностранных дел (сентябрь 1747 г.) казахам разрешалось вести на русской территории беспошлинную торговлю скотом и продуктами скотоводческого хозяйства. Для желающих торговать около Оренбурга был специально устроен меновой двор.

Россия была заинтересована в поступлении дешевого скота в Оренбург. Чтобы расширить его обмен на хлеб, предполагалось снизить цены и отменить на 10 лет пошлину на хлеб, взимаемую с русских купцов.

О тех мотивах, которыми руководствовались власти, стремясь сделать Оренбург центром торговли с казахами, можно судить по донесению генерал-лейтенанта Соймонова в Коллегию иностранных дел: «Когда киргис-кайсаки более к хлебу привыкнут, то без сомнения чаять можно, что они впредь время от времени около Оренбурга и других новостроенных крепостей кочевать привыкнут и тем их в верноподданническом послушании удобнее содержать будет. Сверх того, от них на мену на хлеб всегда по довольному числу лошадей, годных для драгун, без великого казенного ущерба, также и баранов достать можно»[1].

Как свидетельствуют данные ведомостей, количество вымененного скота на торге в Оренбурге из года в год росло. Так, если в 1746 г. казахи продали 731 лошадь, 4300 баранов, 4 быка и 272 козы, то в 1760 г. — соответственно 3757, 9530, 54 и 1589[2], а к концу XVIII века уже ежегодно они поставляли в Оренбург до 200 тыс. баранов, т. е. столько, сколько в Бухару, Хиву и Ташкент, вместе взятые[3]. Лошадей на торги пригоняли в основном скотоводы Среднего жуза, а баранов — Младшего жуза.

Казахи меняли скот (овец и лошадей), продукты скотоводства (верблюжью и овечью шерсть, мерлушку, овчину), изделия из скотоводческого сырья (кошмы, ков-

---

[1] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1760, д. 6, л. 18.

[2] *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, ч. III. СПб., 1832, с. 217—218.

[3] *Ибрагимов С. К.* Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII веке.— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XIX. М., 1958, с. 47.

ры, тулупы) и меха (лисиц, корсаков, волков) на товары русских и азиатских купцов: холст, сукно, бархат, хлопчатобумажные ткани, кожаные изделия, котлы, таганы и другие предметы из металла, краски, иглы, гребни, зеркала и различные мелочные товары. Ассортимент товаров оренбургского торга год от года становился разнообразнее, рынок быстро приспосабливался к потребностям казахов.

Генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничества О. А. Игельстром в связи с этим предлагал учредить в Оренбурге две коммерческие конторы, которые могли бы специально заняться вопросами торговли со Средней Азией и Индией[4].

Однако сосредоточение торговли только в Оренбурге сдерживало ее развитие. Проезд туда был затруднителен для казахов Среднего жуза из-за дальности его нахождения, о чем в 1740 г. говорил султан Аблай во время переговоров о принятии подданства России и просил разрешения вести торговлю в сибирских городах.

Пожелания казахских владетелей соответствовали интересам царского правительства — упрочить свое политическое и экономическое влияние в Среднем жузе. Поэтому в 1743 г. казахам было разрешено вести меновую торговлю на Уйсуой, а в дальнейшем — на Новой Сибирской линии.

Но не все представители администрации Оренбургского края придерживались такого мнения, в частности губернатор Неплюев полагал, что следует сохранить заинтересованность в оренбургском торге казахов как Младшего, так и Среднего жузов. Однако его точку зрения разделяли далеко не все. Многие считали более удобным для торговли со Средним жузом Орск. Так, Тевкелев утверждал, что торг в Орске может привлечь не только русских купцов, но и казахов, если устроить в нем меновой двор.

С разрешением в 1745 г. торговли в Орске сюда стали приезжать казахи Среднего жуза. По неполным данным таможенных ведомостей, в 1744 г. здесь было выменено 2436 лошадей, а в 1745 г. — 5618. Однако уже в 1746 г. торговля в Орске была закрыта. Царское правительство все же намеревалось сделать Оренбург центром торговли со Средней Азией. Среднему жузу в связи с этим было разрешено вести торговлю в Троицке, где особенно оживленно шел торг в 1746—1759 гг. По

[4] ЦГИА СССР, ф. 4, 1787, д. 628, л. 3—4 об.

данным таможенных ведомостей, в эти годы у казахов было выменено скота на 4 млн. руб[5].

Чтобы заинтересовать казахов в обмене скота на хлеб, царская администрация использовала всевозможные средства. Так, посланный в улусы султана Барака переводчик Уразлин должен был убедить султанов и старшин в выгодности обмена скота на хлеб. Тевкелев советовал разрешить беспошлинную продажу хлеба и в Троицке, чтобы стимулировать вымен его на скот[6].

Меновая торговля хлебом была разрешена и по всей Уйской линии, где были благоприятные условия для земледелия, которым занимались крестьяне пограничных селений. В покупке хлеба на Уйской линии на первых порах были заинтересованы представители феодальной верхушки казахов. Аблай, узнав о разрешении беспошлинной торговли хлебом, обещал посылать своих людей в Троицк. В дальнейшем вымен хлеба на Уйской линии усилился. По сведениям Н. Рычкова, в селения Уйской линии «казахи приходили толпами, приводя с собой табуны овец, коров и лошадей»[7].

Меновая торговля хлебом велась и в Омской крепости. Осенью 1745 г. султан Аблай предупреждал полковника Я. Павлуцкого о приезде своих людей в Омск для вымена хлеба[8].

В декабре 1747 г. было разрешено вести меновую торговлю в Ямышевской крепости, после чего отпала необходимость казахам Среднего жуза ездить торговать в Орск. Аблай также выразил желание посылать своих людей в Ямышевскую крепость и просил полковника Я. Павлуцкого обеспечить вымен хлеба[9]. Старшины и батыры из владений Аблая снарядили своих людей сюда торговать лошадьми, пушниной и изделиями скотоводческого хозяйства. Так, батыр Ергали отправил на Ямышевский торг 40 казахов, которые должны были продать 72 лошади, 240 корсаков, 81 лисицу, 50 волков, 30 овчин и пр. Осенью 1752 года батыр Бустан направил в эту крепость 20 человек из Аргынской волости[10].

---

[5] *Витевский В.* И. И. Неплюев и Оренбургский край, т. 3. Казань, 1897, с. 4.

[6] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1759—1762, д. 6, л. 11.

[7] *Рычков Н.* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772, с. 98—100.

[8] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1745, д. 7, л. 17 об.

[9] ГАОмО, ф. 1, 1745, д. 4, л. 67—68.

[10] Там же, 1747, д. 12, л. 94.

Меновая торговля начала развиваться и в Семипалатинской крепости, заинтересованность в которой проявил султан Абулфеиз (султан Среднего жуза, сын хана Абулмамбета). Генерал-майор фон Фрауендорф (и. о. сибирского губернатора) запрашивал Абулфеиза, в каких русских товарах он нуждается и будут ли казахи из его аулов приезжать в Семипалатинск каждый год? Решено было устроить меновой двор за Иртышом, где можно было держать лошадей и верблюдов, прибывших с товарами. Царские власти стремились использовать родственные связи Абулфеиза с туркестанским ханом Абулмамбетом, чтобы привлечь к семипалатинскому торгу бухарских купцов.

Ассортимент товаров ямышевского и семипалатинского торгов был разнообразен. Сибирские купцы, приезжавшие сюда с Ирбитской и Нижегородской ярмарок рассчитывали на широкого потребителя. К меновому торгу в Ямышеве съезжались казахи, сибирские татары и бухарцы. Здесь русские купцы сбывали посуду, таганы, части конского убора, керамику, ткани и пр. Казахи выменивали эти товары на скот, меха и продукты скотоводческого хозяйства. Позднее на ямышевском торге появились бухарские и яркендские товары, а затем китайские: бязь, даба, китайка разных сортов, выбойка, шелка, халаты, чай и пр.[11]

Развитие торговли в Верхнеиртышских крепостях сдерживало неустойчивое положение на джунгарской границе, поэтому следовало принять меры предосторожности против возможных нападений. Указом Коллегии иностранных дел от 5 июня 1752 года Неплюеву предписывалось сообщить, можно ли обеспечить безопасность торга в Ямышевской крепости или лучше его запретить? В ответ на этот вопрос Неплюев предложил устроить укрепленный меновой двор за Иртышом и придать ему караул.

Развитию торговли в Ямышевской и Семипалатинской крепостях мешали и другие обстоятельства, в частности их удаленность от центральных районов России, а также злоупотребления таможенных служителей при взыскании пограничных пошлин. Последнее заставляло купцов пускать в оборот лишь третью часть товаров или

[11] *Красовский М.* Область сибирских киргизов. Материалы по географии и статистики России, ч. II. СПб., 1868, с. 215.

сбывать их по высокой цене[12]. Тормозили рост торговли и частые грабежи караванов.

Царские власти старались использовать в качестве помощников тех султанов и старшин, которые были заинтересованы в приходе караванов в Семипалатинск. Так, командир сибирских войск генерал-поручик И. Шпрингер рассчитывал на содействие султана Абулфеиза, который выражал желание пропускать караваны через свои кочевья и гарантировал их безопасность в пути.

В 60-х годах XVIII века главным рынком Иртышской линии становится Семипалатинск. Изданный в 1753 г. царский указ о ликвидации внутренних таможен в России благоприятно отразился и на торговле Сибирской линии: мену с казахами стали производить и русские крестьяне прииртышских селений. После этого значительно усилилась эффективность менового торга в Верхнеиртышских крепостях и выросли их доходы.

Оценивая экономические последствия подданства Младшего и Среднего жузов, президент Мануфактур-коллегии Волков в своем докладе на общем собрании Опекунства Коллегии иностранных дел в 1764 г. отметил, что ежегодно в Оренбурге и Троицке взимается пошлин на 100 тысяч рублей. И это, по мнению Волкова, далеко не предел. Он был уверен, что хлеб в ближайшее время должен найти широкого потребителя в лице казахов.

В 1776 г. через Оренбургскую и Троицкую пограничные таможни было продано товаров на 192 990 руб. 87½ коп. В 1779 г. через эти же таможни прошло 18 920 баранов, ягнят и козлов, 4638 лошадей и жеребят, 748 быков, коров и телят, 6 ишаков[13]. В 1785 г. оренбургский генерал-губернатор барон О. А. Игельстром сообщал Екатерине II, что открытая в Оренбурге ярмарка, на которой «мена началась позднее» и, несмотря на запрет хана Нурали, «не производить оную», и на разглашение султаном Айчуваком, что «якобы мены совсем не будет», все же «последствие превзошло ожидание», казахи «приезжали великим числом и случалось, что в день одних баранов 14 000 выменивали»[14].

Как видно из ведомости о торговле скотом, с 22 июля по 19 октября 1785 г. на оренбургской ярмарке было вы-

[12] ГАОмО, ф. 1, 1761, д. 93, л. 497 об.

[13] Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, т. 2, с. 84, 101.

[14] Там же, с. 108—109.

менено у казахов 1821 лошадь, 186 жеребят, 352 быка, 189 585 баранов, 11 244 ягненка, 309 больших козлов, 3952 средних и 3666 малых[15].

Что давала меновая торговля в русских городах трудящимся казахам?

С развитием торговли на Уйской и Иртышской линиях для широких масс казахов открылась возможность сбыта продуктов скотоводческого хозяйства, охотопромысла (лиса, корсак, волк) в обмен на хлеб, ремесленные изделия и предметы домашнего обихода. Мясо-молочные продукты по-прежнему занимали главное место в пищевом рационе казахов. Но с развитием торговых связей росли и потребности в хлебе.

Определенный интерес представляет ведомость о состоянии меновой торговли в Ямышевской крепости с 20 августа по 3 сентября 1765 г. Эта ведомость характеризует состав участников торга и ассортимент выменива-емых товаров. В ямышевском торге осенью 1765 г. участвовали: 188 казахов, посланных со скотом и изделиями скотоводческого хозяйства старшиной Серкебаевым Увак-Кирейской волости, и русские купцы: тарские, тобольские, томские, а также бухарцы. По данным ведомости, купцы сбывали, главным образом, предметы домашнего обихода: железные котлы, чугуны, деревянные и чугунные чаши, ножи и проч., а также части конского убора (удила) и реже меха, кожи, нитки и др.

Используя большой спрос, который предъявляли казахи на металлоизделия, посуду и ткани, русские и среднеазиатские купцы весьма прибыльно сбывали свои товары на ямышевском торге: тарский купец М. Черкашин выменял котел на двух баранов; тобольский купец Я. Лисавин получил за холщевую палатку и две чугунные чаши три лошади; сотник И. Загвоздин променял два железных котла и чугунный котел на лошадь и барана, он же приобрел четырех баранов за железный котел, топор и 10 деревянных чашек. Бухарец Т. Тюкмаметов получил лошадь за две красные кожи и нож, а бухарец Аныков —9 лошадей за 9 аршин цветного сукна.

Казахстан интересовал русские правительственные сферы и деловые круги не только экономически, как рынок сбыта и источник сырья, но и географически: через его территорию проходили пути в Среднюю Азию, Восточный Туркестан и сопредельные государства. С при-

[15] Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, т. 2, с. 109.

соединением Среднего жуза к России возросло транзитное значение старых караванных путей, которые шли через казахские степи и связывали территорию России со среднеазиатскими владениями.

Царское правительство предписывало начальникам Оренбургского края особенно зорко следить за состоянием караванной торговли и обеспечивать ее безопасность. Председатель Оренбургской комиссии Урусов предпринял ряд мер к тому, чтобы заботу о безопасности караванных путей, проходивших через казахские степи, взяла на себя казахская верхушка.

Преемник Урусова Неплюев считал возможным пользоваться для налаживания караванной торговли услугами батыра Джаныбека, имевшего авторитет в Среднем жузе. Неплюев писал Джаныбеку 20 мая 1747 г. «Безопасное препровождение едущих... сюда [в Оренбург] азиатских купцов, яко то хивинцов, бухарцов, кашгарцов и прочих, на вас полагаю, ибо купечество есть довольство и польза общенародная. Следственно оное наше старание... вменяется вам в службу»[16].

Джаныбек активно участвовал в караванной торговле с Ташкентом, направляя караваны в Оренбург в сопровождении людей из своих аулов. В начале августа 1748 г. он послал караван, с которым прибыло в Оренбург 100 ташкентцев и 40 казахов. В других случаях он снаряжал своих людей встречать кашгарские караваны, чтобы обеспечить их благополучный приезд в Оренбург. Весной 1747 г. сопровождал кашгарский караван сын Джаныбека Джулбарис. За охрану каравана с товарами на 40 верблюдах Джаныбек в подарок от кашгарцев получил 20 концов хамов*.

Позднее оренбургский губернатор Д. Волков принял и другие меры по обеспечению безопасности караванной торговли: он обязал казахских ханов присылать своих людей для сопровождения бухарских и хивинских караванов до русских границ и обратно.

Практиковались также подарки и награды султанам и старшинам за благополучное отправление караванов. Но некоторые представители царской администрации считали это недостаточным. Оренбургский губернатор Путягин предлагал азиатским купцам брать в провожатые своих караванов проводников из казахов.

---

[16] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1747, д. 3, л. 251 и об.
* Материала.

В свою очередь и среднеазиатские купцы, заинтересованные в беспрепятственном следовании караванов в Россию для сбыта своих изделий и закупки русских товаров, нередко выбирали вожаками караванов казахов Среднего жуза.

В казахские степи приходили торговые караваны из Бухары, Хивы, Ташкента и Коканда. В свою очередь казахи отправляли ответные караваны. Однако по своим масштабам торговля казахов со Средней Азией была намного меньше, чем с Россией. Например, если в конце XVIII века торговые связи со среднеазиатскими владениями имели 152 отделения 26 родов казахов общей численностью до 127 тыс. семей, то с Россией —220 отделений 40 родов общей численностью до 300 тыс. семей[17]. Главной причиной этого была узость среднеазиатского рынка по сравнению с русским и меньший спрос на продукты казахского хозяйства. Из Средней Азии казахи получали хлопчатобумажные и шелковые ткани, одежду, нитки, оружие, в основном луки.

Ассортимент товаров, поставляемых среднеазиатскими купцами в казахские степи, был гораздо меньше, чем у русских торговцев. Россия была единственным поставщиком в казахскую степь металлов и металлоизделий. Все это вместе взятое и обусловливало тяготение казахов к русским рынкам.

Еще более углубились торгово-экономические отношения между Россией и Казахстаном в XIX веке в связи с завершением присоединения, а также в связи с вводом в действие Сибирской и Закаспийской железных дорог.

Теперь весь Казахстан втягивается в торговые связи с русским рынком, благодаря самой разносторонней форме торговли — развозной. Наряду с этим развивается ярмарочная торговля (Таинчикульская, Петровская, Константиновская, Каркаралинская, Чарская, Аулие-Атинская, Темирская ярмарки и др.), а также стационарная (магазины, лавки) во всех городах Казахстана и во многих селах. Торговлю вели русские, татарские и среднеазиатские купцы, а также казахские алыпсатары (перекупщики) и саудегеры (лица, занимавшиеся развозной торговлей). Кроме профессиональных казахских торговцев, торговые операции активно вели крупные баи.

[17] *Ибрагимов С. К.* Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII в., с. 47.

В замкнутое натуральное хозяйство все больше вторгаются товарно-денежные отношения, расширяется производство скота для продажи, натуральный обмен вытесняется денежной торговлей, особенно в связи с введением в 1837 г. покибиточной подати. Развитие товарного обращения вызвало рост ростовщичества, которое ставило малоимущих казахов в тяжелую кабальную зависимость от баев. В сфере торгово-экономических отношений в конце XIX в. стали принимать активное участие и банки (городские общественные, акционерные, коммерческие и государственные).

Развитию торговли со степью способствовало строительство предприятий в городах Казахстана по переработке скота и скотоводческого сырья, по изготовлению обуви, шуб, шапок, производству мыла и другой продукции.

В связи с развитием хлебопашества, особенно в северных, восточных и северо-западных районах Казахстана, возрастает производство товарного зерна. Здесь его перерабатывали на муку и крупу для продажи. Это способствовало значительному увеличению потребления хлеба казахами-кочевниками, которые обменивали скот на муку и крупу.

Торговая политика русского правительства в XIX в. ознаменовалась рядом важных мероприятий. По утвержденному в 1871 г. азиатскому тарифу на вывозимые из России товары устанавливалась весьма льготная пошлина — 1 процент от стоимости товара. В 1852 г., чтобы расширить сбыт русского хлеба в пунктах Сибирской и Оренбургской таможенных линий, на него была отменена пошлина. Оренбургский и самарский генерал-губернаторы квалифицировали эту меру как «совершенно справедливую и весьма полезную»[18].

Сфера действия русского торгового капитала все более расширяется, она захватывает районы, лежащие за пределами Оренбургской и Сибирской линий, в том числе и Внутреннюю орду, которая с первых же лет своего существования была включена в орбиту русской колониальной торговли как крупнейший рынок сырья. Мотивы, которые обусловили интерес Азиатского департамента к торговле с казахами Внутренней орды были изложены в начале 1828 г. в записке на имя министра фи-

[18] АВПР, ф. Главный архив Азиатского департамента, 1852, д. 2, лл. 3288—3289.

нансов. В ней указывалось на «значительность» сбываемых казахами «произведений степного их хозяйства» и «возможность споспешествовать отечественной нашей промышленности, соделывая постепенно кочевые племена потребителями простых ее изделий...»[19].

Торговля велась не только между Россией и Внутренней ордой, но и внутри орды. Здесь, кроме русских, торговали местные купцы и некоторые баи. Часть местных торговцев вела дело самостоятельно, а часть через посредство русских купцов. Торговые дела с русским купечеством имел даже хан Джангир. В частности, он торговал с известным в то время астраханским купцом Измаиловым. Характерно, что когда в 1822 г. Измаилов разорился и над ним нависла угроза конфискации имущества, Джангир просил за него перед начальством и дал поручительство.

Широко распространенная торговля низкосортными товарами в кредит под будущий приплод скота обеспечивала русским и казахским купцам высокие прибыли.

В первые десятилетия после образования Внутренней орды торговля здесь имела развозной характер. Купцы из Астрахани, Саратова, Самары, прибыв в орду с товарами, разъезжали по урочищам, где кочевали казахи, производили с ними обмен и уезжали обратно. О масштабах этой торговли можно судить по тому, что в 20-х годах XIX в. казахи Внутренней орды продавали гуртовщикам, приезжавшим из-за Волги и Урала, от 100 до 150 тыс. баранов в год[20].

Наряду с разъездной торговлей существовала и торговля в определенных пунктах. По данным 1825 г., она производилась по Узенской линии в Глиняном форпосте, на так называемом Калмыковском базаре возле Астрахани, у озера Эльтон, в селе Чертанле, где в октябре бывала ярмарка и где казахи покупали хлеб; в Чижинском и Деркульском кордонах; в урочищах Уялы и Чапчачи.

Казахстан являлся важным рынком сбыта товаров и источником сырья для российской промышленности и занимал в среднеазиатской торговле первое место как по ввозу российских товаров, так и по вывозу сырья. Так, в 1851—1853 гг. вывоз сырья из Казахстана был на

[19] ЦГИА СССР, ф. Департамента мануфактур, I отд., д. 511, л. 20.

[20] *Шахматов В. Ф.* Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946, с. 74.

35% больше, чем из Хивы, Бухары, Ташкента и Коканда, вместе взятых. То же самое можно сказать и о ввозе товаров в Среднюю Азию: в Казахстан поступало на 126% (в денежном отношении) товаров больше, чем на рынки всех среднеазиатских государств. Это положение может быть проиллюстрировано в таблице 1.

Таблица 1

Оборот торговли России с Казахстаном и Средней Азией в отдельные периоды[21]

Государства	1826—1833 годы		1851—1853 годы	
	Вывоз	Ввоз	Вывоз	Ввоз
	сумма, в рублях серебром		сумма, в рублях серебром	
Казахстан	1 092 493	1 221 468	1 753 573	2 030 621
Хива	80 911	99 984	64 887	248 949
Бухара	389 232	879 808	325 450	710 726
Ташкент	361 495	461 293	356 275	509 779
Коканд	10 875	25 995	27 643	27 510
Всего	1 885 006	2 688 548	2 527 828	3 527 585

В эти годы растет размер торговли скотом и продуктами скотоводческого хозяйства. Казахи сбывали мелкий и крупный рогатый скот, лошадей, баранов, верблюжью шерсть, кожи, овчину, мерлушку, сало, лисьи и волчьи шкуры, кошмы, козий пух.

Как отмечают источники, большое место занимала торговля кожами. За период с 1833 по 1839 г. было ввезено в Россию кож на 4299 тыс. рублей ассигнациями[22].

Во второй четверти XIX в. в казахской степи все сильнее развиваются товарно-денежные отношения, меняется характер торговли: если раньше она была чисто меновой, то теперь становится в основном денежной.

Как видно из записи хана Букеевской орды от 17 декабря 1835 г. о торговле на ярмарке при Ханской ставке, скот, пригоняемый казахами, сбывали в основном путем продажи на наличные деньги: «баранов до 100 000, рогатого скота 6000, лошадей 2000», а также «кож конских и с рогатого скота, овчин, мерлушек, козьего пуха, шерсти верблюжьей и овчинной, конских хвостов и грив, кошем или войлоков и частью звериных шкур — волчь-

[21] *Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности, ч. III. СПб., 1859, с. 193—194.

[22] *Рожкова М. К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во 2-й четверти XIX в. и русская буржуазия. М.— Л., 1949, с. 194.

их, корсачьих, заячьих, сурковых и по малости горностаевых».

Ежегодно, писал Джангир, поступает в продажу до 300 000 баранов и 20 000 лошадей «на суммы очень значительные», а «на место того в орде потребляются фабричные товары и хлеб». В связи с этим он намеревался близ своей ставки построить деревянные лавки на собственный счет и разрешить сделать подобное своим зажиточным ордынцам. «И я предвижу, — указывает Джангир,— что ярмарка сия со временем увеличится к общей пользе киргиз и торгующего сословия». Следует обратить внимание в записке хана на следующее: «Лошадей казахи продавали не на внутренних в орде ярмарках, а в течение почти всего года на тех, кои учреждены и существуют по временам в ближних городах и селениях по Волге, в селениях колонистов и в Уральске, в волостях по рекам Иргизу и Большому Узеню. Там и здесь торг от ордынцев производится менее на мену, а всегда почти на наличные деньги, за них и сами охотнее покупают хлеб и нужные им товары, денежные цены им кажутся вернее, чем меновые условия»[23].

Исходя из данных обзора Оренбургской пограничной комиссии о положении дел в Букеевской орде, составленных «по показаниям покойного хана и по имеющимся в делах комиссии сведениям», торговый оборот на ярмарках в Ханской ставке и Нарын-Песках у северо-западной оконечности полосы Джускуль был значительным. С 1837 по 1849 г. он вырос с 368 778 руб. 60 коп. до 547 968 руб. 68 коп.

В этом же обзоре говорилось, что «букеевские купцы не ограничиваются однако же сбытом своих произведений на одной ханской ярмарке, а посещают ярмарки, существующие в ближайших к аулам городах и селениях соседних губерний»[24].

Так, на Покровской ярмарке в 1851 г. казахами было продано скота, шкур яловых и конских, овчин и кошм на 87 786 рублей серебром, а куплено товаров на 187 786 рублей[25].

Как уже отмечалось, денежная торговля стала развиваться после введения в 1837 г. покибиточной подани. Чтобы уплатить ее, казахи стремились продать свои товары за деньги. В отчете Оренбургской пограничной ко-

[23] Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 274—275.
[24] Там же, с. 378.
[25] Там же, с. 382.

миссии за 1844 г., например, сообщалось: «Киргизы много продавали произведений своих за деньги, которые увозили в степь для уплаты кибиточного сбора и других надобностей»[26]. Об этом же свидетельствует и отчет Оренбургской пограничной комиссии за 1875 г.: «...говоря о меновом торге киргизов, должно заметить, что мена на товар ныне совсем уже вышла из употребления. Требуя и получая деньги за свой скот и прочий товар, за деньги же покупают теперь киргизы как хлеб, так и фабричные произведения. Перемена эта, служа указанием на развитие киргизов в торговом деле, много избавила их также от обмана, сопровождавшего прежде мены товаров на товар, ловких и недобросовестных промышленников»[27].

В 1867—1868 гг. в Казахстане вводится «Временное положение», которое отменило пошлины на все ввозимые товары. Русский купеческий капитал воспользовался этим и хлынул в казахскую степь в надежде на быстрое и беспрепятственное обогащение. Казахская степь нуждалась в привозных промышленных товарах и имела лишние продукты скотоводческого хозяйства. Русские купцы стали охотнее совершать торговые операции с населением казахских аулов.

Если в первой половине XIX в. в торговле немалую роль играли меновые дворы, открытые в крупных крепостях по линии казачьих укреплений еще в XVIII в., то в последующие десятилетия их значение уменьшается. В связи с введением в эксплуатацию Закаспийской железной дороги сокращаются обороты Оренбургского менового двора. Так, если в 60-х годах XIX века его оборот составлял 10 млн. рублей, 1890 г.—4 млн., то в 1892 г. — всего 2,7 млн. рублей[28], а к концу 90-х годов меновой двор был лишь центром местной торговли.

Значительно возросла роль ярмарок.

Одной из первых ярмарок в Казахстане была Куяндинская (Каркаралинский уезд Семипалатинской области)[29].

В середине 60-х годов по инициативе уральских куп-

[26] Цит. по: *Хохолко П. А.* Копии архивных материалов по истории Внутренней (Букеевской) орды, т. I, с. 75. Хран. в Государственном архиве Оренбургской области.

[27] Там же.

[28] «Русская жизнь», 1893, № 74.

[29] *Коншин Н.* От Павлодара до Каркаралинска. — «Памятная книжка Семипалатинской области», вып. V. Семипалатинск, 1901, с. 42.

цов в 200 верстах к востоку от казачьей линии была основана Уильская ярмарка, которая в 90-х годах имела немалое значение в торговле с Казахской степью. Как правило, ярмарки организовывались в момент прихода кочевников-скотоводов на летовки, пригона торговцами скота и т. д.

Уже к 80-90-м годам ярмарки стали главной формой организации торговли. Возросли не только их обороты, но и число: в частности в Акмолинской области в 1896 г. было более 50 ярмарок с оборотом 10,5 млн. рублей, в 1900 г.— 60 с оборотом 18,5 млн. рублей. В Семипалатинской области в 1896 г. оборот ярмарок составлял 2,5 млн. рублей, а в 1909 г.—5,9 млн. рублей, в Тургайской области он вырос с 1,3 млн. рублей в 1899 г. до 7,5 млн. рублей в 1910-м. Такой торговый центр, как Петропавловск, в 1900 г. имел 446 торговых предприятий с оборотом 5 млн. рублей[30].

В свое время важную роль в распространении торговли сыграли меновые дворы в Оренбурге, Троицке, Петропавловске и городах, расположенных на Иртыше. Сюда стекались многочисленные торговые караваны: в осеннее время казахи пригоняли стада баранов и табуны лошадей, здесь происходил оживленный обмен на товары, привозимые купцами и их приказчиками из России. Наряду с таможенными пунктами в торговлю вовлекались и соседние казачьи станицы, заводившие собственные базары и периодически ярмарки. Так, недалеко от Петропавловска, около Таинчикульских озер возникла большая летняя ярмарка, на которой шла особенно бойкая торговля в июне-июле. Здесь оптовые торговцы закупали у казахов большие гурты скота. Сюда привозилось много русских, китайских и среднеазиатских товаров. Ежегодные обороты Таинчикульской ярмарки в начале 60-х годов XIX в. достигали 5 млн. рублей серебром.

Не меньшее хозяйственное значение для юга приобрел пункт Казалы в низовьях Сырдарьи, где были открыты многочисленные русские и бухарские лавки. Тут происходила переправа караванов, направлявшихся от Оренбургской линии в Среднюю Азию и обратно, здесь же переходили реку по дороге на зимние кочевья многие казахские аулы.

[30] *Федоров Е. Г.* Казахстан — колония царизма в XIX—XX веках. — «Ученые записки КазПИ им. Абая», т. 2. Алма-Ата, 1941, с. 160, 162.

Местные рынки были связаны с крупными российскими ярмарками — Ирбитской и Нижегородской. Обычно ирбитский товар подвозился в казахскую степь ранней весной, нижегородский — в декабре; к середине лета торговые сделки заканчивались, а в начале осени гурты крупного рогатого скота, иногда 5—10 тысяч голов, перегонялись на север, частью в Петропавловск, частью в Тюмень, Казань, Нижний Новгород и далее — в Москву. Бараны большей частью забивались в Петропавловске для получения сала, которое поступало на местные салотопни и оттуда в бочонках отправлялось в Ирбит, Нижний, Москву, Петербург и частью — за границу. Сырые кожи шли на кожевенные заводы Тобольской губернии, а конский волос, меха, изделия из бараньей и верблюжьей шерсти переправлялись частью на Макарьевскую ярмарку, а частью расходились по Сибири.

Все это способствовало углублению товарно-денежных отношений среди населения казахских аулов, что привело к увеличению числа местных торговцев (по преимуществу это были агенты русских купцов из Петропавловска, Семипалатинска и других городов).

Значительную группу торговцев составляли казанские и сибирские татары, которые, хорошо зная язык и обычаи казахов, успешно проникали в аулы. Нередко русские капиталисты предпочитали брать приказчиков из сибирских татар.

Казахи сбывали по преимуществу продукты своей основной отрасли хозяйства — скотоводства. Из степи гнали сотни тысяч голов курдючных баранов, рогатый скот, лошадей и верблюдов.

Еще в первой половине XIX в. большее количество бараньего мяса в Оренбурге выбрасывалось, ибо баранов забивали исключительно для сала, которое продавали в Европе для свечей. Только дальнейшее развитие торговли сделало мясо товаром.

Казахское хозяйство стало приспосабливаться к требованиям рынка: начали разводить в основном те виды скота, которые имели спрос на рынке: так в ауле — баранов, лошадей, в русских селах—крупный рогатый скот.

К 50-м годам XIX в. на прилинейных рынках возрастает спрос на коровье масло. Русские купцы находили выгодным скупать его у казахов и перепродавать в России. В свою очередь крупные казахские скотовладельцы увеличили поголовье молочного скота.

Приспособление казахского хозяйства к потребностям общероссийского рынка выражалось и в том, что появилось товарное рыболовство, охота, добыча соли на рынок. Так, казахи восточной части Младшего жуза в станицах Усть-Уйской и Звериноголовской продавали рыбы на 2500 руб. в год, а казахи западной части жуза — на 700 руб.[31]

Рост рыболовства увеличивал и спрос на соль. По сведениям Оренбургской пограничной комиссии, в 1857 г. казахи восточной части Младшего жуза продали на Оренбургской линии 248 923 пуда соли (по 18 коп. серебром за пуд), т. е. более чем на 40 тыс. руб.[32]

В обмен на казахские товары Россия поставляла в степь три вида продукции: мануфактуру, хлеб и металл — именно то, чего всегда не хватало скотоводческому хозяйству Казахстана. Из тканей преобладали дешевые бумажные. Особенно бойко шел русский ситец, закупавшийся на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, меньше покупали полотняные ткани. Хлеб сбывали по преимуществу в виде муки, металл — в виде чугунных, медных и оловянных изделий, котлов, тазов, рукомойников, самоваров и проч. Кроме того, русские купцы привозили в степь выделанные кожи, красильные вещества, керосин, скипидар, известь, сахар, лекарства, табак, бумагу и разнообразные галантерейные товары (нитки, иголки, зеркальца, гребни и проч).

Обычно русские купцы продавали свои товары в долг, а затем взыскивали за это большие проценты. Пока торговля была неразвитой, купцы пользовались своим монопольным положением и получали баснословные барыши: собственные товары они сбывали по вздутым ценам, а казахские брали по дешевке.

Развитие торговли оказало серьезное влияние на казахское общество. Из среды зажиточных казахов выдвинулись купцы, которые сами развернули широкие торговые операции на линии в фортах и особенно в аулах. В 1863 г. в одном Баян-Аульском округе из 107 торговцев 68 были казахи. В середине 60-х годов в форте Перовском главные торговые операции производили мест-

---

[31] *Шахматов В. Ф.* О развитии торговли и обмена в Казахстане в первой половине XIX в. — «Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права», 1956, вып. 3, с. 66.

[32] Там же.

ные казахские купцы, которые имели торговые отношения с Троицком, Ташкентом, Бухарой и Хивой; для закупки товаров они ездили на Ирбитскую ярмарку и в китайский город Чугучак. Некоторые казахские купцы располагали большими оборотными капиталами: у братьев Кунанбаевых было 1500 тыс. рублей, у Медеубаева — 300, у Джуруспая — 500 тыс. рублей. Казахские купцы имели своих приказчиков; их товары так же, как и русских и среднеазиатских торговцев, перевозились верблюжьими караванами и на подводах казахскими лаучи*. Торговля со степью способствовала развитию извозного промысла. К середине XIX века он сделался важнейшим источником дохода для населения не только казачьих станиц, но и многих аулов.

Расширение внешней и внутренней торговли в связи с развитием производительных сил края нарушало замкнутость натурального хозяйства и вело к росту товарной доли в общественном продукте труда.

Теперь, когда у России вырос спрос на продукты казахского скотоводства, появился новый стимул для разведения скота, особенно овец. Производство скота на рынок стало распространенным явлением. Например, в течение пятилетия (1857—1861 гг.) Восточный и Центральный Казахстан (Область сибирских казахов) в среднем ежегодно поставляли на рынок 658 тысяч овец, 48 тысяч голов крупного рогатого скота, 19 тысяч лошадей. Западный Казахстан в 1862 г. продал 468 тысяч овец, 25 тысяч голов крупного рогатого скота и более 9700 лошадей. На большую сумму поставлялись основные продукты скотоводства. Наконец, немалый доход давала сдача в наем для перевозки грузов транспортных животных — лошадей и верблюдов.

Немалую роль в развитии торговли играли разъездные агенты. Представители различных торговых заведений Уральска, Петропавловска, Семипалатинска, Троицка и других городов выезжали в казахскую степь, где производили различные торговые операции. Ими обычно являлись бедняки-казахи, которые работали батраками у русских линейных жителей. Они уезжали с небольшим количеством товаров в степь, а возвращались со скотом[33].

---

* Возчик.

[33] *Рязанов А. Ф.* Сорок лет борьбы за независимость казахского народа (1797—1838). Записка полковника Гейнса. Кзыл-Орда, 1926, с. 189.

Количество разъездных агентов в Казахстане увеличилось после введения в казахской степи «Временного положения» 1868 г. Обычно они торговали товаром, не имевшим сбыта в городе.

В 90-х годах XIX века появляются крупные разъездные агенты, действующие самостоятельно. Они переходят на постоянное жительство в аул. С помощью кредита такой агент закабаляет степняков, ставит их в зависимость от себя. Через некоторое время, разбогатев, он становится владельцем большого количества скота. Теперь в его распоряжении имеется значительный «штат» перекупщиков. По данным Е. Федорова, при обследовании переселенческими органами казахских хозяйств в Павлодарском, Атбасарском, Кокчетавском, Кустанайском и Актюбинском уездах в 90-х годах было зарегистрировано 640 таких купцов[34].

Подробная характеристика разъездным агентам дана в материалах статистического обследования казахских хозяйств по Павлодарскому уезду: «Саудагеры — торговцы, алыпсатары — перепродавцы покупают или в кредит берут в городе товары, возят их по степи, продавая за деньги, обменивая на сырье, покупая и собирая в степи за деньги же сырье. Среди киргизов есть торговцы, ведущие самостоятельное дело, посещающие большие ярмарки в Кояндах, в Семипалатинском уезде»[35].

Вся деятельность этих купцов была направлена на то, чтобы закабалить и обирать население степи. Сенатор К. К. Пален, ревизор Туркестанского края, характеризуя деятельность разъездных купцов, писал в 1907 г., что она «носит обыкновенно характер эксплуатации малоразвитых кочевников...»[36]. Далее он указывал, что ростовщические условия кредита наряду с обманом, обвесом, обсчетом являются существенным признаком их торговой деятельности.

Ростовщики предоставляли за большие проценты в качестве кредита не только товар, но и деньги.

Так, в 1893 г. в Каркаралинском уезде ростовщик давал в кредит деньги в размере от 75 коп. до 1 рубля 30 коп. под барана на 4 месяца до Куяндинской ярмар-

[34] См. *Федоров Е. Г.* Казахстан — колония царизма в XIX—XX веках, с. 163.

[35] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией Ф. А. Щербины, т. IV. Павлодарский уезд. Воронеж, 1903, с. 130.

[36] Переселенческие дела Туркестанского края. (Отчет по ревизии Туркестанского края). СПб., 1910, с. 146.

ки, где баран стоил в 3 раза дороже[37]. И далее: «купец отдает киргизу деньги под будущих баранов, а собирает с него долг трехлетками с таким расчетом, чтобы каждый год иметь на оставляемом капитале рубль на рубль, это первая выгода, вторая то, что избавляясь от ухода за молодым скотом, он свободнее располагает временем для производства торговых операций, вследствие чего в один год может два раза обернуть с большими барышами один и тот же капитал»[38].

Как правило, ростовщиками становились те купцы, которые немилосердно обирали своих одноаульцев. «Астраханский вестник» сообщал, что «многие разорившиеся благодаря ростовщикам и голодающие киргизы всецело отдают свои заработки им (ростовщикам), хотя отлично знают, что никогда не выплатят своих долгов, потому что в то время, как они платят, растут громадные проценты»[39].

Торговля и ростовщичество приводили к монополизированию в определенном уезде или области скупки скотоводческого сырья. Так, миллионер Туркестанского края Юсуф Давыдов имел в г. Туркестане филиал, отпускавший в кредит жителям степи всякий залежалый товар. В результате в Туркестанском уезде не было ни одной юрты, которая не была бы в неоплатных долгах у Давыдова.

Все больше купеческий капитал придает скотоводству «характер производства ради меновой стоимости, все более превращает продукты в товары»[40]. Русская буржуазия продвигалась в Казахстан, где еще возможно было первоначальное накопление, означавшее «экспроприацию непосредственных производителей, т. е. уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде»[41].

Экспансия русского торгового капитала в казахскую степь, особенно усилившаяся во второй четверти XIX в., нарушила издавна существовавшие торговые сношения между среднеазиатскими владениями и Казахстаном. В этот период торговля с ними переживает глубокий кризис, так как изделия русской промышленности были

---

[37] «Русская жизнь», 1893, № 279.

[38] *Красовский М.* Область сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики России, с. 289.

[39] «Астраханский вестник», 1895, № 1931.

[40] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. 1, с. 359.

[41] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 770.

более качественные и разнообразные, нежели среднеазиатских ремесленников, и пользовались предпочтительным спросом у местного населения. В лице представителей торговых фирм России кокандские и хивинские купцы, скупавшие шерсть, кожи и скот у казахов, также встретили серьезных конкурентов. Поэтому правители среднеазиатских ханств теперь не ограничиваются нападениями на русские караваны, что особенно часто совершали хивинцы, а стремятся силой оружия удержать свои торговые позиции в казахских кочевьях. Борьба за казахский рынок составляла экономическую основу военно-политической экспансии Хивы и Коканда в казахские земли. Не случайно хивинские укрепления, как правило, строились на торговых караванных путях в Хиву и Бухару, вблизи переправ. Хивинцы зорко следили за продвижением караванов и взимали с них пошлину. Показательны в этом отношении и действия кокандской администрации. По ее инициативе возле возводимых на казахских землях крепостях устраивались базары, к участию в которых власти старались привлечь окрестное кочевое население. Таким приемом кокандцы хотели увеличить свои закупки сырья в степных районах и расширить сбыт ремесленной продукции ферганских городов.

Присоединение в 60-х годах XIX в. к России среднеазиатских владений возобновило здесь обычные, издавна существовавшие торговые связи. С Бухарой торговали в основном казахи низовий Сырдарьи и юго-восточной части Младшего жуза; с Хивой — адаевцы, кочевавшие на Мангышлаке, шумишлытабын и шекты, т. е. казахи юго-западной части Младшего жуза; с Кокандом — семиреченские казахи. Определенные традиционные товары Средней Азии пользовались спросом и у соседей казахов. Учитывая это обстоятельство, русское правительство, перенося в 1866 г. таможню с Оренбургско-Сибирской линии, проходившей по Уралу, Тоболу, Ишиму и Иртышу, на новую границу в южном Казахстане, предоставило право министерству финансов снизить пошлину с привозных азиатских товаров.

Таким образом, присоединение Казахстана к России способствовало росту торгового обмена между ними, что в свою очередь привело к разложению натурального хозяйства, росту товарного производства и денежного обращения в крае, усилению экономических и культурных связей двух народов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЗАХОВ СО СРЕДНЕАЗИАТСКИМИ ХАНСТВАМИ. ПРОДВИЖЕНИЕ РОССИИ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В КАЗАХСТАНЕ

1. Взаимоотношения казахов со среднеазиатскими ханствами

Продвижение России в первой половине XIX в. к низовьям Сырдарьи сильно встревожило правителей среднеазиатских ханств — Хивы, Коканда и Бухары.

Южные районы Казахстана непосредственно соседствовали с территорией одного из значительных и агрессивных государств Средней Азии — Хивинским ханством. Оно издавна не раз пыталось подчинить себе всех арало-сырдарьинских и прикаспийских казахов.

С начала XIX века среднеазиатские ханы, крупные землевладельцы-феодалы, мусульманское духовенство и алчные к богатству купцы, стремясь увеличить свои доходы, усилили агрессивную колонизаторскую политику по отношению к Казахстану.

В этот период край, ослабленный джунгарским нашествием, а также постоянными феодальными междоусобицами, находился в глубоком хозяйственном упадке и был удобным объектом для нападений со стороны соседних ханств. Экспансия Хивинского и Кокандского государств облегчалась тем, что часть казахских феодалов-султанов вступила в союз со среднеазиатски-

ми ханами с целью укрепления с их помощью своего господства над отдельными родами казахов.

Самой свирепой была агрессия правителей Коканда и Хивы.

Набеги военно-феодальной верхушки Кокандского ханства начались со времени правления Алим-хана (1800—1809 гг.).

В низовьях Сырдарьи, на побережье Аральского моря, в Прикаспийской низменности, в песках Большие и Малые Барсуки кочевали казахи нескольких крупных родов Младшего жуза (шомекей, торткара, адай, шекты и частично каракесек).

Южные казахские роды считали себя независимыми как от царского правительства и султанов-правителей, назначенных в степи царской администрацией, так и от Хивы и Коканда. Они подчинялись только своим батырам, которые были самостоятельными владетелями и бесконтрольно управляли казахскими общинами.

Еще до прихода русских в районы южного Казахстана здешние казахи вели упорную борьбу против захватнических поползновений Хивы и Коканда. Их продвижение в низовья Сырдарьи активизировалось в начале XIX века, когда в среднеазиатских владениях происходил процесс политической консолидации и складывания относительно централизованных государственных образований. Так, при кокандском правителе Алим-хане в период ликвидации феодальной раздробленности и создания в Фергане единого феодального государства, Коканд захватил самостоятельные до того времени владения — Чимкент, Сайрам, Курама, Ташкент. Как отмечает историк В. Наливкин, совершив до 15 походов на Ура-Тюбе с целью его присоединения к Кокандскому ханству, «Алим-хан немедленно же устремился на арену деятельности завоевательной, заботясь не только об упрочении и благоустройстве того, что уже имелось, сколько о возможности расширения своих владений и, непосредственно связанного с этим, приумножения собственной своей казны»[1].

Мулла Алим-Махдум-Каджи (собиратель эпосов и легенд) следующим образом описывает эти завоевательные походы: «Алим-хан со своим войском вышел из Ташкента и через два дня дошел до Чимкента. Окружив

[1] *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, с. 78.

город, он начал его обстреливать. Осада... продолжалась 20 дней, и каждый день происходила стрельба.

Войска, достигнув городов, расположенных в степях Дешт-Кипчака, Аулиэ-Ата и Туркестана, стали дотла их разорять и при этом захватили скот и умертвили людей»[2]. Мулла Ниязи-Мухаммед-Бен-Ашур — автор «Тарихи Шахрохи» — подтверждает жестокость Алим-хана, описывая его поход в окрестности Туркестана и Ташкента. «Войска хана,— свидетельствует он,— как голодные шакалы, заняв степи Дешт-Кипчака, сделали степной простор для казахов маленьким, как глаз муравья...

Войска, похожие на тигров, вихрем пронеслись по казахской степи, чтобы замучить и разорить дотла казахов»[3].

При преемнике Алим-хана Омар-хане (1809—1822 гг.) Коканд захватил Туркестанскую область с городом Туркестаном. При нем усиливается экспансия в казахские степи на северо-запад по Сырдарье и на северо-восток к Илийской долине.

В результате завоеваний Коканд и Хива приобретали новые территории и подданных, что, в свою очередь, способствовало усилению могущества среднеазиатских ханств, расширению источников обогащения их военно-феодальной верхушки. Одновременно захватнические походы являлись одним из средств приглушения сепаратистских устремлений удельных феодалов-беков.

Помимо своих узкокастовых интересов, правители среднеазиатских ханств не могли не считаться и со стремлениями своего торгового сословия, от деятельности которого в немалой степени зависело состояние ханской казны и высшие представители которого были тесно связаны с придворными кругами.

Так, в 1817 году в низовьях Сырдарьи кокандцы основали крепость Ак-Мечеть (ныне Кзыл-Орда) и возвели несколько укреплений, образовав таким образом военную линию по правому берегу Сырдарьи в глубь казахской степи (Яны-Курган, Джулек, Ак-Мечеть, Чим-Курган, Кумыш-Курган и др.) и на восток от Сыр-

---

[2] *Мулла Алим-Махмуд-Каджи.* История Туркестана. Ташкент, 1914. На узб. яз.

[3] *Мулла Ниязи-Мухаммед-Бен-Ашур.* Тарихи Шахрохи. Казань, 1885, с. 77. На перс. яз. Имеется перевод: История Кокандского ханства со времени Шахруха (ок. 1112 г. х.) до XIX в. Казань 1885.

дарьи, где проходили караванные пути (Сузак). Власть кокандского правительства распространялась до низовьев Сырдарьи на северо-западе и реки Или на востоке. В Киргизии, в долине реки Чу, Коканд имел крепости Пишпек, Токмак, а передовые посты кокандцев достигали Узун-Агача, Тайчубека и далее.

Благодаря такому расположению опорных пунктов кочевая степь оказалась отрезанной от летних пастбищ, население попало под контроль кокандских гарнизонов, в результате этого казахи лишились лучших своих пастбищ и зимовок, находившихся по Сырдарье, Таласу, Чу и Или. Они были обязаны платить кокандским бекам обременительный зякет со скота и херадж с урожая. С каждой кибитки брали по 6 баранов, а с казахов, занимавшихся земледелием, — половину урожая и больше.

Выдающийся народный акын Джамбул, в юные годы испытавший гнет кокандского хана, с жгучей ненавистью пел:

Из Коканда заходила
Тучей черной ханов свора,
На земле не умещалась,
И земля под ней трещала,
Табуны, детей, кибитки,
Свора ханская сжигала[4].

Одновременно с Кокандом активизирует свои действия и Хива. В 1835 году в урочище Кур-Тобе, вблизи возвышенности Капрак, за Кувандарьей хивинское правительство построило небольшое укрепление, в котором содержало гарнизон до 200 человек. Отсюда был день пути до караванной переправы через Кувандарью. Далее, ближе к Сырдарье, находилось другое укрепление Ходжа-Нияз, а затем укрепление Жана-Кала, расположенное на левом берегу Сырдарьи, вблизи урочища Казалы, и вплотную подходившее к казахским кочевьям. Укрепления, построенные хивинцами в низовьях Сырдарьи, не отличались большой обороноспособностью. Это были маленькие, плохо укрепленные, глиняные крепости, единственным преимуществом которых было то, что они стояли на открытом месте и с их стен был прекрасный обзор всей местности.

Крепость Ходжа-Нияз имела в длину 200 сажен, а в ширину — немногим более 100 сажен. На одном из ее

[4] *Джамбул Джабаев.* Собрание сочинений. Алма-Ата, 1946, с. 35.

углов стояли две старые пушки, кое-где в стенах были бойницы, из которых торчало около 25 старых среднеазиатских мултыков*. В укреплении жило не более 200 хивинских нукеров[5]. Вблизи укрепления находилось двенадцать аулов «беднейших киргиз», которые жестоко эксплуатировались хивинскими есаулами.

Отсюда в глубь казахских степей хивинцы посылали небольшие отряды для взимания с казахов зякета в пользу своего хана.

После неудачного хивинского похода в 1839—1840 гг. оренбургского военного губернатора Перовского правители Хивы усилили свой натиск на казахскую степь. Хивинские отряды вместе с зякетчи доходили до Эмбы, а хивинское правительство считало казахов южных родов своими подданными. Не имея точных сведений о численности подвластных Хиве казахских аулов, назовем хотя бы роды: табын, торткара, байулы, алчин, чиклы.

Тогда же под властью Коканда находилось большинство родов Старшего жуза: бестамгалы с подродами ысты, ошакты, чапрашты, жалаир, сыргалы, сейкым, чымыр, джаныс. Общая численность подвластных кокандскому хану юрт составляла 56 тысяч[6].

С помощью своих крепостей на казахской территории хивинские и кокандские ханы стремились упрочить над здешним населением не только политическую власть, но и свое экономическое влияние. Хивинские крепости, как правило, строили на торговых караванных путях в Хиву и Бухару, вблизи переправ, чтобы следить за продвижением караванов и взимать с них пошлину. В свою очередь кокандцы устраивали возле вновь созданных крепостей базары с целью расширения своей торговли.

Вся политика ханов Хивы и Коканда по отношению к казахам была политикой грабежа, произвола и насилий. Естественно, что она вызывала вооруженный отпор. В течение многих десятилетий казахи вели борьбу против среднеазиатских ханств за свою независимость.

Кокандские и хивинские феодалы, стремясь покорить казахов, прибегали к самым различным средствам: от

---

* Ружей.

[5] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. I., д. 3253, л. 159—160.

[6] Сводный показатель выведен по данным Ю. Южакова. См. «Наши приобретения в Средней Азии», ч. II. Чимкентский округ.— «Отечественные записки», 1867, № 7, с. 459.

проповедей о братстве по вере до разжигания междоусобной розни и подкупа отдельных представителей казахской верхушки. Они пытались закабалить народ с помощью духовенства и с этой целью строили в более или менее значительных населенных пунктах мечети и медресе. Не имея поддержки среди широких казахских масс, среднеазиатские правители делали ставку на казахскую родовую знать. Хива подкупала обычно султанов — потомков ханов Младшего жуза с целью создания вассальных казахских ханств. Хивинский хан давал им грамоты на звание казахских ханов и оказывал военную поддержку — посылал отряды нукеров, вооружение. В 1837—1838 гг. фирман на ханское достоинство был дан Саукуму Букееву — правнуку Абулхаира. После него аналогичный фирман и 1000 танапов земли в Хиве, приносивших ежегодно от 300 до 400 тиллей дохода, получил его племянник — султан Ермухамед Қасымов (Елекей)[7]. Таким же ханом был Жангазы Ширгазыев. Казахские султаны достигали звания не только путем предательства интересов народа, но и личного унижения. Так, султан Жангазы рассказывал казаху Узенбаю Бикбердину, которого повстречал в урочище Даукаре: «Могу ли я снести обиду, если этот неправосудный хивинец (хан) в день провозглашения меня султаном над киргизами, кочующими при урочище Даукаре, прислал ко мне и брату моему Омару людей, требуя наших молодых дочерей; я и брат мой, посадив своеручно детей наших в нарочно присланную телегу, отправили к этому злодею, который, прожив с ними не больше как месяц, содержит их в своем гареме без всякого к ним уважения. Какой отец может смотреть на это посрамление равнодушно»[8].

Это родство было унизительным для султанов еще и потому, что хивинский хан Мухаммед Эмин* не был представителем белой кости, и подобный брак считался не только унизительным, но и незаконным. На службе у Хивы находился и другой султан Каип-Галий Ишимов, зарекомендовавший себя ее верным прислужником.

Все эти султаны помогали хивинскому хану грабить

[7] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 3862, л. 58.

[8] Там же, д. 3253, л. 240—241.

* Мухаммед Эмин-хан был потомком Ипака Ильтазара — атталыка узбеков, который в начале XIX века захватил, пользуясь междоусобицей, ханскую власть, основав, таким образом, династию ханов «черной кости».

казахский народ. Они собирали с казахов в пользу хана зякет, ушур, участвовали в грабежах и набегах хивинских нукеров на сырдарьинских казахов, в интересах Хивы разжигали родовую вражду между казахами шекты, шомекей и других родов, не подчинявшихся Хиве. Султан Жангазы в 1847 году был даже начальником хивинской крепости Жана-Кала. Трудящиеся массы ненавидели этих предателей, ни одного из них не поддерживали даже феодалы Младшего жуза. Эти султаны всячески стремились подчинить Хиве казахов Младшего жуза. Вот что писал в 1846 году Каип-Галий Ишимов батырам и биям Младшего жуза: «... всем почетным большим и малым киргизам от обиженного вами хана Каип-Галия объявление. Считаю себя обязанным делать наставления народу, доставшемуся мне от предков моих в наследство; позаботьтесь об имуществе и детях наших, обратите внимание на фальшивые вражеские действия России против магометян; ежели вы не поступите в одно из этих владений, то прежние предлоги ваши уже не будут иметь место. При Мухаммед Эмин-хане многое говорилось на счет вас, когда он узнал, что Россия покоряет вас, то нарядил 20 тысяч войска, а причину этого знает бог и обиженный вами. Ежели вы хотите быть подданными правоверных, то по получении сего объявления... явитесь из каждого отделения по одному почетному лицу к великому падишаху правоверному с просьбой и уверением». Далее Каип-Галий писал: «...ежели не послушаете этого совета, то бесчисленное множество войска пойдет в вашу сторону и погубит скот ваш и вас самих... Верьте и тому, что останетесь непременно под копытами лошадей»[9]. Заметим, что Каип-Галий считал себя обиженным потому, что казахи не признавали его ханом. Это письмо не оказало на казахов никакого влияния.

Когда же султанам было выгодно, они порывали с Хивой и переходили на службу к царскому правительству. Например, Елекей Касымов до 1852 года состоял на службе у Хивы, грабил и обирал присырдарьинских казахов, нес охрану крепости Ходжа-Нияз, посылал отряды для захвата урожая у егиншей и поджога посевов, собирал пошлину с проходящих через Кувандарью караванов и т. д. В 1849 году чумекеевские бии Жарылкап и др. донесли хивинскому хану, что Елекей собирает

[9] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 3253, л. 27.

с них зякет для себя, ведет переписку с Бухарой и русскими. Хан вызвал его в Хиву и установил за ним надзор из нукеров. Из Хивы Елекей писал чумекеевцам, прося прислать выкуп за него 6000 баранов, или 300 верблюдов, но они отказались. В 1852 г. Елекей бежал из Хивы на Сырдарью и перешел на службу к царскому правительству[10].

Понимая, что разжигание междоусобиц среди казахских родов облегчает задачу их покорения, хивинские и кокандские правители провоцировали столкновения между казахами, натравливали одни роды на другие. В набегах хивинских и кокандских отрядов зачастую против воли принимали участие казахи, кочующие около Хивы и Коканда и подчиненные бекам пограничных провинций. В отместку сырдарьинские казахи посылали своих джигитов в аулы, кочующие в кокандских и хивинских пределах. Происходила взаимная барымта, учащались набеги, кончавшиеся обоюдными разгромами и убийствами. Все это приводило к ослаблению казахов, к разобщению их сил и к усилению власти среднеазиатских ханств над южными областями.

Но сырдарьинские казахи никогда не смирялись с таким положением. Под руководством батыра рода кишкене-шекты Джанходжи они мужественно и упорно вели борьбу против отрядов хивинского хана. В 1843 г. Джанходжа Нурмухамедов разрушил хивинскую крепость на Кувандарье, а весной 1845 г. не пропустил хивинский отряд в 2000 человек в эту крепость. Хивинцы ушли и увели из урочища Даукары до 1900 семей казахов[11]. «Хивинцы на нашей земле построили укрепление, но мы разрушили его, а при стычке многих хивинцев убили, а некоторых прогнали в Хиву»,— писал батыр в Оренбургское укрепление[12].

Когда был перевес войск в пользу хивинцев, Джанходжа с кишкене-шектинцами уходил в Кара-Кумы или на Иргиз, где имелись русские укрепления.

Хивинским отрядам не удавалось захватить Джанходжу. Они пытались это сделать руками других баты-

[10] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 3283, 1849—1850, л. 342. Он был назначен управляющим чумекеевским родом, через год получил чин войскового старшины, а затем полковника. В дальнейшем помогал подавлять народные восстания, принимал самое активное участие в расправах карательных отрядов над повстанцами.

[11] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 2757, л. 480.

[12] *Рязанов А. Ф.* Восстание Кенесары Касымова, ч. 3, с. 78. (Рукопись). Хранится в архиве АН КазССР.

ров. Так, хивинский хан написал батыру рода шекты Есету Котибарову следующее: «Уверяя и обнадеживая царской милостью и ласками, даю знать, что если ты единодушно с удалыми молодцами тляу-кабакского рода поймаешь живого или доставишь убитого Джанходжу и тем приведешь в исполнение цель поручения, то без сомнения заслужишь беспредельное уважение, милость и покровительство, [будешь отмечен] почестями перед другими и вниманием, а в противном случае я разгромлю тляу-кабакский народ»[13].

Особо активизировалась Хива в 1846—1848 гг. в связи с постройкой на Сырдарье русских укреплений. Нукеры из хивинских укреплений вместе с султанами совершали опустошительные набеги на казахов, кочующих на Сырдарье.

5—6 марта 1847 г. хивинский отряд в пятьсот человек под начальством Веис-Нияза разграбил до 1400 кибиток, кочующих вблизи Раимского укрепления. Было убито более 400 человек, много девушек и женщин увезено в неволю. Убитым отрубали головы и увозили с собой вместе с взятыми в плен. Разгром был небывалый, как по своему размеру, так и по жестокости[14].

«С каждым годом увеличивается разорение наших киргизов, — сообщал русским властям один из старшин,— так, что байгуши разграблены ныне три раза. Те из них, которые имели верблюдов, откочевали к вашему укреплению, а пешие и нагие устроили себе помещение из камыша и пропитываются теперь рыбой, а ежели бы в Сырдарье не было рыбы, то в нынешнем году померли бы все киргизы»[15].

Однако нападения хивинских и кокандских отрядов не прекращались. Напротив, они даже усиливались. Разрушению подвергались все роды, кочующие по обоим берегам Сырдарьи. Так, в августе 1847 г. начальник укрепления Ходжа-Нияз и султаны Елекей и Жангазы с отрядами нукеров и джигитами в количестве 1500 человек переправились через Сырдарью и напали на аулы кишкене-шектинцев. Тысяча кибиток была разорена, весь скот угнан, из 21 семейства в плен были увезены женщины, дети и старики. 30 детей были живыми брошены в реку, пять человек из караульного разъезда Джанход-

[13] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1. д. 2757, л. 490.
[14] Там же, д. 3108, л. 144.
[15] Там же, л. 157, 160.

жи захвачены в плен, у четырех из них были отрублены головы* и брошены в воду, пятый увезен в Хиву.

Далее отряды Елекея и Жангазы начали грабить торткаринцев и чумекеевцев, в течение трех дней они преследовали их, отбивая скот, захватывая имущество и т. д.[16] Сами казахи не в силах были дать отпор, поэтому Джанходжа обращается к начальнику укрепления Раим подполковнику Ерофееву с просьбой о защите. «Дайте мне помощь, — писал батыр, — прекратите грабежи, следы коих в аулах моих Вы увидите своими глазами. Вот поступки этих кровожадных людей, что они сожгли все кибитки, разбросали все люльки малюток, а самих бросили в воду. Ежели Вы не дадите помощи, то я не ручаюсь за своих киргизов, будучи опустошаемы с той стороны и не видя от Вас защиты, все перейдут за реку Сырдарью и тогда народное наше бедствие увеличится, будут беспрестанные междоусобия... Повторяю Вам просьбу свою — защитите меня от врагов, кроме Вас, русских, друзей у меня не осталось»[17].

21 августа из укрепления выступил отряд в 206 человек при двух орудиях. Отряд сопровождал Джанходжа с 700 казахами. После перестрелки на берегу Сырдарьи хивинцы с награбленным имуществом отступили в укрепление Жан-Кала. Ерофеев открыл навесный артиллерийский огонь. Хивинцы бросили укрепление и стали отступать. Тогда Джанходжа со своими казахами переправился через реку и, преследуя хивинцев до Кувандарьи, отбил много пленных, имущества и скота[18].

Хивинский же хан, захватывая в плен казахов, требовал от их родоначальников подчинения, обещая за это освободить пленников. В письме к биям торткаринского и алимского родов, посланном после набега в 1848 году, он писал: «Слава победоносному Богодур хану Мухамед-Амину! Почтенным биям Сабаку, Алабергену, Байману, Джанычу, Нурману, Минлибаю, Дягулбаю, Учану, Маймаркану и прочим почтенным и старейшим алимского и торткаринского родов высокое поведение: в сохранение магометанской веры, прощаю всем преступления ваши, и потому вы без всякого стра-

---

* По мусульманским поверьям считалось, что человек, голова которого отделена от туловища, не может явиться в потусторонний мир. Обезглавливание считалось самым суровым видом наказания.

[16] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2930, л. 83.

[17] Там же, д. 3073, л. 3.

[18] Там же. д. 2930, л. 83; д. 3108, л. 143.

ха можете явиться к златому порогу нашему для поклонения. Желающие выручить находящихся здесь пленников, также могут прибыть с вами и дарованной нам по благости божьей царской милости облагодетельствованы и украшены. Дано сие милостивое письмо 29 числа рабигульавайля в субботу... Печать приложил хорезмский шах Мухамед-Амин, светило правосудия — настоящее величие»[19].

Такие же требования были предъявлены к Джанходже султаном Елесом Қасымовым, действовавшим по указке хивинского хана. Он писал: «Почтенному и добродетельному Джанходже-батыру свидетельствую свое почтение и желаю Вам доброго здоровья, а мы все слава богу в благополучии.

После почтения, извещаю Вас, что по нашей просьбе хан выпустил детей ваших, которые в настоящее время находятся в Кунанбае и на Даукаре, а последние в Кипчаке. Не согрешите за слезы своих детей, перекочуйте сюда раньше, чтобы взять этих детей своих и для занятия места кочевки. Повинуйтесь и дайте следующий с Вас зякет для того, чтобы на свете быть счастливым, а на будущем свете избавиться от наказаний.

Султан Елекей Қасымов печать приложил»[20].

Как видно из документа, Елекей Қасымов, прислужник хивинского хана, угрожал казахам, обещая выпустить их жен и детей из хивинского плена только в том случае, если они подчинятся ему, Елекею, и примут подданство хивинского хана.

Подобный шантаж обычно не давал результатов. В большинстве случаев дело кончалось тем, что среди казахов — родственников угнанных в Хиву — производился сбор денег и вещей, затем в Хиву отправляли кого-либо из влиятельных биев, который платил выкуп, и пленные возвращались на старые кочевья. Этот выкуп ложился тяжелым бременем на сырдарьинских казахов.

Хива грабила казахов-адаевцев, которые кочевали на Усть-Урте, и отказывались платить зякет. В связи с этим адаевцы обращались в Оренбургскую пограничную комиссию с просьбой отвести им другие кочевья.

Царское правительство решило привлечь Джанходжу к себе на службу. В январе 1845 г. председатель

---

[19] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3253, л. 18.
[20] Там же, л. 183.

Оренбургской пограничной комиссии Ладыженский предписал чиновнику Биглову пригласить батыра в Уральское укрепление для вручения ему подарков: сукна с галуном на кафтан и 200 рублей. Биглов послал Джанходже письмо, в котором сообщал о его награждении за «заслуги перед правительством» и просил прибыть за подарками в укрепление. Но Джанходжа ехать отказался.

«...Я виделся с посланными от вас,— писал Джанходжа в ответ Биглову, — и порученные вами слова я слышал, что его превосходительство губернатор, председатель комиссии генерал Ладыженский прислали мне в подарок 200 руб. и сукна на кафтан с позументом, на что я остался доволен. Но только не постигаю такого внимания. Я никаких услуг русскому правительству не оказывал, почему я не удостаиваюсь принять эти подарки; начальник укрепления майор, чиновник комиссии мурза Салих, не пеняйте на меня, что я не взял этих вещей. На сторону русских я особенно дурных замыслов не имею»[21].

Правительство все же не теряло надежды привлечь Джанходжу к себе на службу. «...Пока следует ласкать и не раздражать батыра, он нам еще нужен»[22],— писал Перовский.

За содействие, оказанное Ерофееву при разгроме хивинцев, батыр был пожалован чином есаула. 9 февраля 1848 года губернатор предложил привести Джанходжу к присяге русскому правительству. Однако под разными предлогами батыр не явился в Уральское укрепление ни в 1848 году, ни позднее. В 1853 году он совсем отказался принять присягу, заявив начальнику Уральского укрепления, что «он, имея от роду более 90 лет, стар уже и дряхл и потому не может исполнять никаких служебных обязанностей, так как нуждается в покое и что и без присяги он нисколько не вредит русским»[23].

Пришлось доложить об этом Николаю I, который вынужден был снять с Джанходжи чин есаула.

Раздраженный неудачей, генерал-губернатор Перовский предложил Пограничной комиссии отстранить

---

[21] *Рязанов А. Ф.* Восстание Кенесары Касымова. ч. III. с. 84.

[22] *Аничков И. В.* Киргизский герой (батыр) Джанходжа Нурмухамедов. — «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XII, вып. 3. Казань, 1894, с. 233.

[23] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 3073, л. 141.

Джанходжу от управления кишкене-шектинцами и назначить на его место Бикмурзу Алдиева[24].

Но свои взаимоотношения с Россией батыр рассматривал несколько в ином свете, чем того хотели пограничные власти. Он предполагал ограничить их торговыми связями, военным союзом против агрессивных действий Хивы и не думал о присоединении к России. Так, когда строилось Раимское укрепление, батыр писал пограничным властям: «Мы удивляемся, что русские построили крепость в киргизской степи. С мирными — мы покорны. Пришлите купцов»[25].

Все же часть казахов, терроризированная хивинцами, вынуждена была уйти в пределы хивинских владений и выразить свою покорность хану и бекам. Но большая часть осталась на прежних местах. Хивинский бий Ходжа-Нияз предложил им перекочевать на левую сторону Сырдарьи: «Он вечен! Почетным и уважаемым биям: Бик-Араслану, Кадыру, Жамгурше, Сугуру, Тасыру и проч. почетным киргизам после поклонов вот вам слова мои: великий хан наш вручил мне управление над алимом и чуменом*. Считая Пагман-ату за святого, а Мухамед-Амина за хана, должны вы прикочевать на нашу сторону, как на прежние кочевки ваши и отдать зякет — как следующий по повелению божьему и вручить оный батыру Котибарову, на что и написано сие любовное письмо»[26].

В другом письме к биям рода шекты он писал: «Вы должны переехать через р. Сыр на эту сторону и, расположившись на прежних ваших зимовках, заплатить следующий, по повелению божьему, зякет и быть навсегда покойны, это я говорю вам по искреннему к вам дружеству. Если вы, не приняв мой совет и не перейдя через Сыр, не сделаетесь нам подвластными, то надеемся на всевышнего, когда Сыр покроется льдом, поступим мы с вами сообразно вашим деяниям. Почитая Мухамед-Амина за хана, все мои слова, здесь высказанные, примите искренне»[27].

О бедственном положении присырдарьинских каза-

---

[24] *Аничков И. В.* Киргизский герой (батыр) Джанхожа Нурмухамедов, с. 224.

[25] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3073, л. 3—4.

* Имеются в виду торткаринский, шектинский и чумекеевский роды.

[26] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3536, д. 57.

[27] Там же, д. 3537, л. 14.

хов писал Мусабай-жирау*: «После того хивинский хан управлял здесь киргизами, живущими по берегу Сырдарьи, он дал киргизам начальников, настроил им городов, но начальники, ежегодно назначавшиеся, тоже не давали нашим киргизам покоя; собирали со скота зякет, а с хлеба — ушур, т. е. с десяти пудов — один пуд, кроме того, из каждой кибитки требовали одного барана с иноходцем; иногда насиловали девочек киргизских и молодых женщин...»[28].

Когда казахи отказывались платить налоги, перекочевывать с правого на левый берег Сырдарьи, отряды, посланные из Хивы, нападали на них, грабили и уводили в плен целые аулы.

Политика Хивы побуждала казахов искать защиты около русских военных укреплений. После того как в 1847 году хивинский отряд разгромил семь аулов чумекеевского рода Булякобаева отделения, угнал 1470 лошадей, 5300 баранов, 280 верблюдов, взял в плен 30 казахов, аулы перекочевали к Сырдарье, и управляющий ими бий Жабагин принял русское подданство.

Когда в 1848 г. к биям Асау Баракову и Дауту Асауову на р. Эмбу приехали послы хивинского хана с предложением перейти в подданство Хивы, бии, напомнив послам о грабежах и разорениях, производимых хивинцами, ответили, что они «не могут быть друзьями бьющих бесчеловечно единоверцев своих»[29].

Зачастую, услышав от разъездов, которые содержались специально для этого за счет ушура, о приближении хивинских отрядов, казахские аулы снимались и прикочевывали к русским укреплениям.

Такой же варварской, грабительской политики в отношении казахов придерживалось и кокандское правительство.

Казахи, кочующие вблизи кокандских укреплений на Сырдарье, платили в год с кибитки шесть баранов, четыре воловьих вьюка саксаула и 1000 снопов камыша, с егинши (земледельцы) бралась треть урожая. Кроме того, казахи несли следующие повинности: каждая кибитка должна была ежемесячно высылать одного человека на неделю со своим провиантом для возделывания пашни и огородов кокандских беков и чиновников; шесть раз в год казахов обязывали чистить

* Народный певец.

[28] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3537, л. 14.

[29] Там же, д. 3155, л. 11—33.

конюшни и хлева в крепостях; каждый казах, способный носить оружие, в случае войны должен был служить, находясь на своем содержании до конца похода[30].

В более отдаленные от кокандских крепостей районы систематически приезжали кокандские зякетчики. Ездили они обыкновенно небольшими отрядами в полном вооружении с белым знаменем. Эти отряды грабили и обирали казахов, угоняя табуны лошадей и отары овец. Появление такого отряда было равносильно вражескому набегу. Отсюда и казахская поговорка: «Пока есть ангел смерти — не думай о жизни, пока есть кокандские сборщики налогов — не думай о скоте».

Сбор зякета был одной из самых доходных статей для Кокандского ханства. Только один Чимкентский вилает давал хану в стоимостном выражении до 80 тыс. рублей серебром в год. Бестамгалинские роды платили ежегодно от 8 до 10 тыс., сергалинские — от 6 до 8 тыс., сейкамские — от 3 до 2,5 тыс., чемырские — от 2 до 2,5 тыс., дженысские — от 2 до 2,5 тыс. баранов[31].

В случае неуплаты налогов и невыполнения повинностей казахские аулы подвергались погромам. 16 февраля 1850 года кокандский отряд, состоящий из узбеков и кокандских казахов, разбил 20 аулов чумекеевского рода, кочующих на правой стороне Сырдарьи, за неуплату зякета кокандскому хану. Были убиты одна женщина, пять мужчин, угнано 25 тысяч баранов и 1000 лошадей. Жители ограбленных аулов прикочевали в Кара-Кумы и к Иргизу, т. е. на российскую территорию Казахстана[32].

Еще в 1830 году оренбургское начальство, узнав, что казахи продают своих детей, запросило султана Жигангерова о причинах этого. Султан ответил, что казахи средней части орды продают своих детей «по необходимости», особенно те, которые кочуют около Степной и Троицкой крепостей, так как пришли «в бедственное состояние» во время кочевания на Сырдарье, где их грабили кокандцы[33].

Необходимо отметить, что Хива, Коканд, а иногда и Бухара требовали уплаты зякета с одних и тех же ро-

[30] *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии, т. I, СПб., 1906, с. 212—213.

[31] *Южаков Ю.* Наши приобретения в Средней Азии, ч. II. Чимкентский округ. — «Отечественные записки», 1867, № 7, с. 763.

[32] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3536, л. 52.

[33] Там же, д. 3536, л. 35—36.

дов, так как беки каждого из этих государств считали их своими «подданными». Если казахи какого-либо рода, вносившие зякет Коканду, начинали платить его Бухаре, их разбивали кокандцы, за взнос Коканду разоряли бухарцы, а иногда вслед за ними и хивинцы. Так, приблизительно, в описываемый нами период специальный отряд, посланный из Ак-Мечети, разбил 14 аулов казахов чумекеевского рода Балтинского отделения, кочевавших за Сырдарьей, за то, что они уплатили зякет бухарскому эмиру, а не Коканду[34].

По существу уплата подати, в данном случае зякета, была одной из основных форм выражения подданства. Кому казах вносил зякет, того он и считал своим ханом.

Особенно тяжелым было положение казахов на захваченных Кокандом территориях, когда начальником Ак-Мечети был Якуб-бек, впоследствии эмир кашгарский. Из письма начальника крепости Ак-Мечети Мухамед Юсуф-бека к Елекею Касымову, составленного в 1852 году, видно, что кокандский хан убрал Якуб-бека из Ак-Мечети за его исключительную жестокость и вероломство. «Этот Якуб-бек... и с ним вместе Ходжа-Нияз,— пишет Юсуф-бек,— оба, поселив раздор и бедствие и сделавшись грабителями, нападали и разбивали восхваляющих бога и пророка мусульман (Юсуф-бек имеет в виду казахов. — *Т. Ш.),* затоптали их ногами и, напустив под молодое растение исламизма ветер и непогоду, вселили в сердце ваше огорчение, оскорбление и печаль, и когда эти распространители бедствий, злосчастий и неприличных действий, дотронувшись до здешних мусульман и мусульманок, скольких несчастных повергли в прах и осиротили... Тех дурных дел и хитростей, которые совершались над вашею головою, когда был Якуб-бек, мы в наше время не допустим и себе не позволим...»[35].

Кокандские беки, как и хивинские чиновники, заставляли присырдарьинских казахов участвовать в набегах на соседние роды, а чтобы казахи не оставались там, беки на время похода арестовывали их семьи.

Неограниченный произвол по отношению к казахам творил в 1850 г. Бабаджан — начальник хивинской крепости Джан-Кала, расположенной на левом берегу Сырдарьи, напротив урочища Казалы. Его зякетчики заби-

[34] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 3536, л. 35—36.
[35] Там же, доп. опись, д. 275, л. 104 и 104 об., 107.

рали у казахов верблюдов, ценные вещи, одежду и т. д. Мало того, Бабаджан требовал, чтобы в его гарем поставляли несовершеннолетних девушек. Это особенно возмущало казахов[36].

Произвол бека вызвал сопротивление со стороны брата Джанходжи Акмурзы. Он начал с того, что запретил казахам платить подати сборщикам бека и отдавать дочерей. Бабаджан, рассерженный действиями Акмурзы, послал в его аул отряд в 500 человек во главе с туркменом Аймамбетом. В отряде были и казахи.

Многочисленный хивинский отряд легко захватил аул и взял в плен Акмурзу. Его привели на берег Сырдарьи, привязали к ногам мельничный жернов и утопили вместе с несколькими родственниками. Убийство Акмурзы сделало Джанходжу «кровным врагом» хивинских беков. Джанходжа, следуя обычаю кровной мести, убил Аймамбета в одном из казахских аулов, где он бесчинствовал. Имущество, награбленное отрядом Аймамбета, было возвращено хозяевам, а казахские девушки освобождены.

Легенда передает, что, отомстив хивинцам, Джанходжа напал на крепость Джан-Кала. После упорного сражения, в котором было убито до 600 человек, крепость была взята. Все имущество, находившееся в крепости, было роздано окрестному населению. После этого Джанходжа возвратился в свои кочевья на Ак-Ирек. Дальнейшая борьба между Бабаджаном и Джанходжой, как говорит легенда, закончилась поражением и убийством Бабаджана[37].

Хотя русское правительство считало сырдарьинских казахов своими подданными, оно не торопилось вмешиваться в их взаимоотношения с хивинским правительством. Более того, не желая обострять отношения с Хивой, русское правительство дало указание своему послу в Хиве Данилевскому не спорить с правительством Хивы по вопросу о сборе зякета с казахов, кочующих по левой стороне Сырдарьи. «Не нарушая нисколько принадлежащих России прав верховной власти над всеми казахами, — говорилось в предписании Данилевскому,— польза дел наших требует сохранить спокойствие в степи и указывает на возможность допустить, чтобы

[36] См.: «Известия Оренбургского отделения РГО», 1875, вып. 3, с. 47.

[37] Рукопись хранится в Институте литературы и искусства АН КазССР, инв. № 537.

на пространстве, лежащем на юг от Сырдарьи, на Усть-Урте, хивинцы продолжали собирать зякет с казахов, когда они кочуют в тех местах, но чтобы не посылали своих сборщиков на северную сторону Сырдарьи, ровно как и далее северной окраины Усть-Урта»[38].

Казахи южной части Младшего жуза, кочевавшие в районе Чимкента, Ак-Мечети, Яны-Кургана, Сузака, также вели борьбу против кокандцев, постоянно грабивших их. В 30—40-х годах XIX века в борьбу против экспансии и колониальной политики кокандских беков включились и казахи Среднего жуза.

В это время царская Россия закрепила свои позиции на новой Сырдарьинской военной линии.

2. Колониальная политика царизма в Казахстане и продвижение России в Среднюю Азию в первой половине XIX века

Движение царизма на Восток, в Среднюю Азию усиливается в первой четверти XIX века. Это неуклонное стремление овладеть среднеазиатскими территориями, вплоть до «естественной границы», т. е. до Памира и Тянь-Шаня, и было, по определению Карла Маркса, «традиционной политикой России»[39].

Завоевание Средней Азии было невозможно без проникновения в казахские степи, лежащие между Россией и среднеазиатскими ханствами — Хивой, Бухарой и Кокандом. Но присоединение Казахстана к России проводилось не только ради создания плацдарма для дальнейшего наступления на Среднюю Азию, но и в целях расширения экономического базиса Российской империи. Экспансионистские устремления русской военно-феодальной верхушки отвечали интересам нарождавшейся буржуазии, перед которой открывались перспективы приложения своего капитала.

С освоением казахской степи русский торгово-промышленный капитал приблизился к среднеазиатским рынкам. В течение первой половины XIX века усиленно

---

[38] *Серебрянников А.* Туркестанский край. Сб. материалов для истории его завоевания (1840—1852), т. 2. Ташкент, 1912—1914, с. 35—36. В связи с такой политикой царского правительства сырдарьинские казахи по существу ставились в положение двоеданцев. Так продолжалось до присоединения Кокандского ханства к России (1868 г.).

[39] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 9, с. 239.

расширялись экономические связи России со Средней Азией. Если в начале XIX века Россия сбывала здесь товаров на 1 млн. рублей, то уже в 20-х годах — на 4 млн. рублей. Ответный поток среднеазиатских товаров в тот же период вырос в стоимостном выражении с 2 до 6 млн. рублей.

Однако в первой четверти XIX века позиции России в Средней Азии были еще очень слабы. По мнению генерал-майора Веригина, Средняя Азия должна была стать основным потребителем русских фабрично-заводских товаров. В связи с этим он предлагал «поднять престиж» России в среднеазиатских ханствах силою оружия»[40].

Однако стремление России овладеть среднеазиатскими рынками пришло в столкновение с интересами капиталистической Англии, которая сама намеревалась превратить Среднюю Азию в рынок сбыта изделий британской промышленности. После Венского конгресса это соперничество усилилось, в связи с чем царское правительство активизировало свою колониальную политику, в частности, ускорило дальнейшее присоединение Казахстана, который являлся плацдармом для проникновения в Среднюю Азию. Средняя Азия и Казахстан были, таким образом, своеобразным пунктом англо-русского соперничества, объектом «торговой битвы между Россией и Англией», как писал в свое время Карл Маркс в связи с анализом значения «восточного вопроса» для Российской империи, и особенно для развития русской торговли, рубежи которой в связи с англо-русским соперничеством были «оттеснены» к границам самой России[41].

Однако в 20—30 годах XIX в. царское правительство не могло решиться на прямую аннексию Средней Азии вследствие усиления напряженности в Европе и обострения борьбы за Босфор и Дарданеллы.

Тем не менее во второй четверти XIX в. резко увеличилась торговля со Средней Азией. К 40-м годам XIX века Россия вывозила в Среднюю Азию товаров на 15 млн., а привозила оттуда на 10,5 млн. рублей[42]. Однако это не устраивало владельцев русской текстильной промышленности. К тому же английские товары понемногу

[40] Туркестанский край. Сб. материалов для истории его завоевания, ч. П. Ташкент, 1914, с. 213.

[41] См.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 9, с. 13.

[42] Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, ч. I. СПб., 1902, с. XXXI.

стали вытеснять русские. Это затрагивало интересы русских купцов. Уже в мае 1846 г. в приговоре собрания Московского купеческого общества говорилось о падении спроса на русские товары среднеазиатских купцов, которые стремились продавать свои товары в России, а покупать в Англии[43].

Таким образом, Хива и Бухара стали ареной борьбы русского царизма и английского капитализма. Свое стремление к захвату среднеазиатских государств английская буржуазия прикрывала опасениями за свои восточные колонии. Английское правительство, готовясь к завоеванию этих государств со стороны Кабула и Герата, посылало своих агентов в Хиву, Бухару и Коканд с целью изучения их государственного устройства, географии, условий торговли и т. п.

В свою очередь Петербург отправлял в среднеазиатские государства «дипломатические миссии» и агентов, в задачу которых входило выяснение вопросов, связанных с перспективами завоевательной политики России на Востоке. В 1830 г. в Коканд направляется хорунжий И. Потанин, в 1835—1836 гг. в Бухаре побывал прапорщик И. Виткевич, в 1839 г. — офицеры Л. Ковалевский и Н. Генгросс[44].

Стремясь к расширению сферы влияния в Средней Азии, царизм одновременно укреплял свои позиции в Казахстане. В этой политике торговля стала одним из наиболее действенных средств в экономическом освоении казахской степи русским торгово-промышленным капиталом. Именно с помощью торговли хозяйство Казахстана превращалось в постоянного поставщика сырья российской промышленности и потребителя ее изделий. Будучи не эквивалентным, этот обмен стал для предпринимателей России важным источником накопления капитала.

Дальнейшему расширению экономических связей Казахстана с Россией способствовали также поощрительные мероприятия правительства по оседлости части казахов. Постепенный переход к оседлости местного населения происходил под влиянием экономики России и внутренних социально-экономических процессов в казах-

[43] *Кущева Е. Н.* Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-х годах XIX в.—«Труды Исторической комиссии АН СССР». Исторический сборник. кн. 3. Л., 1934, с. 138.

[44] *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии, т. I—III. СПб., 1906.

ском обществе, которые вели к увеличению численности и изменению состава населения городов края — центров торгово-экономических отношений. О важности и необходимости перехода казахов к оседлости свидетельствуют различные документы того времени. Так, в докладе чиновника особых поручений Трофимова «О состоянии киргиз, кочующих близ города Семипалатинска», говорилось, что «образ жизни их (казахов. — *Т. Ш.*) кочевой, однако тяжел в такой степени, что они с завистью смотрят на удобства и пользу оседлости и быстро к ней стремятся»[45].

Вопрос о переходе казахов к оседлой жизни ставился царским правительством еще в 20-х годах XIX века. В 1820 г. депутаты от части Среднего жуза, которой владел султан Худайменды, обратились в Азиатский комитет с просьбой направить к ним мастеров для строительства деревянных домов и людей для обучения казахов земледелию. Азиатский комитет Министерства иностранных дел эту просьбу поддержал и передал вопрос на рассмотрение генерал-губернатора Сибири «с тем, чтобы он и по сим делам руководствовался пользою, которую можно предполагать от податливости на таковые требования киргизцев»[46].

Когда в 1824 году султан Среднего жуза Боны Татенов обратился с просьбой в Азиатский комитет разрешить ему заниматься хлебопашеством и построить мечети в 150 верстах от линии в урочищах Баян-Аул и Кызыл-Тау, его просьба была удовлетворена, а местному начальству было дано указание «не стеснять киргизцев»[47].

Однако для занятия земледелием требовались инвентарь, семена для посева, что приобрести труженику-казаху было нелегко. Притом нужны были еще навыки по возделыванию земли, которых кочевники не имели.

Поэтому перевод казахов на оседлую жизнь в то время не дал значительных результатов. Так, в Каркаралинском и Кокчетавском уездах к 30-м годам XIX века было засеяно всего 77 десятин пахотной земли[48].

Среди представителей царской администрации не было единства по вопросу оседлости казахов. В 1823 г.

---

[45] АВПР, оп. 1/1, 1819, д. 1, ч. 1, л. 127, 131, 132.
[46] Там же, ч. II, л. 35.
[47] Там же, л. 167.
[48] Там же.

чиновник оренбургской таможни Звенигородский писал, что при свойствах земли в казахской степи «она никогда не может быть заселена постоянными жилищами, и народ, в ней обитающий, всегда должен быть кочевым и пастушеским»[49]. Более обстоятельно разъясняет такую позицию М. А. Терентьев: «До Сухтелена* правительство всеми мерами стремилось приучить киргизов к оседлости, Сухтелен же первый провел мысль, что киргизы должны быть удержаны в кочевом состоянии, так как они могут быть полезны России, только оставшись кочевым народом, потребителем наших хлебных продуктов и мануфактурных изделий и производителем сырья: кож, шерсти и т. п. Поэтому стремление некоторых линейных киргизов к земледелию не поддержалось и даже домов им строить не разрешалось»[50]. Эти мысли разделял и сменивший Сухтелена в 1833 г. генерал В. Перовский, смотревший на Казахстан как на рынок животноводческого сырья.

Подобные мнения оказали определенное влияние на политику царского правительства в данном вопросе. И в 30-х годах XIX века оно изменило свою позицию в отношении оседания казахов, взяв курс на превращение Казахстана в сырьевую базу российской промышленности. Было решено направить сюда переселенцев из России. В 1833 г. по представлению В. Перовского Азиатский комитет принял решение о запрещении казахам Младшего жуза заниматься земледелием при пограничной линии и устраивать зимовки не ближе 15-верстной полосы, отведенной для заселения русских крестьян из Центральной России. Если же какой-либо аул селился поблизости, то в нем не должно было быть более 5—10 кибиток[51]. Но это решение не касалось Среднего жуза. Более того, здесь казахи, которые оседали и занимались земледелием, поощрялись. В частности, генерал-губернатор Западной Сибири Вельяминов составил представление о награде 20 казахов. В октябре 1833 г. оно было

---

[49] ЦГИА СССР, ф. Особая канцелярия по секретной части Министра финансов, оп. 1, 1823, д. 3/3, л. 19.

* Граф Сухтелен — оренбургский военный губернатор в 20-х годах XIX века.

[50] *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии, с. 93; ЦГИА СССР, ф. МВД. Земское отд. 8, 1830, л. 2 и об.

[51] *Рожкова М.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.—Л., 1949, с. 210.

утверждено с припиской, «чтоб поощрить к земледелию и прочих киргизов, частично положивших к тому начало, частично же намеревающихся приступить к тому»[52].

Таким образом, если власти Западной Сибири считали, что земледелие будет содействовать хозяйственному развитию степи, то власти Оренбургского края, в частности, генерал-губернаторы Сухтелен и Перовский, наоборот, утверждали, что развитие земледелия будет препятствовать ведению кочевого скотоводства, приведет его к упадку и нанесет удар торговым интересам России в Казахстане.

Изменения в экономической политике царизма в Казахстане в известной степени произошли в связи с его завоевательной политикой в Средней Азии и столкновением с Англией. Стремления английских колонизаторов к мировому господству, к порабощению народов Востока проявились в многочисленных экспедициях разведывательного характера в Среднюю Азию, Казахстан и прилегающие к ним районы. В начале 30-х годов в Оренбурге была учреждена английская евангелическая миссия, которая в действительности занималась шпионской деятельностью и инспирировала заговоры казахских феодалов против России. В одном из документов этого периода отмечается, что англичане «приближаются также к киргизам». В своих корыстных целях они пытались широко использовать ислам, всячески разжигая вражду к «неверным», в данном случае к русским[53].

Внешнеполитическая ситуация и успехи англичан на Востоке активизировали наступательную политику царизма в Средней Азии. Одна за другой снаряжаются различные экспедиции. В 1824 г. «для производства барометрической нивелировки между морями Каспийским и Аральским» отправляется экспедиция Берга, которая имеет в своем составе 1600 казаков, 6 орудий, около 900 пароконных подвод. Тогда же оренбургский генерал-губернатор Перовский, по словам Катенина, предложил идти «на Хиву из Оренбурга и заложить крепость на Сырдарье»[54].

---

[52] ЦГИА СССР, ф. I Сибирского комитета, оп. 54, 1833, д. 292, л. 1—5.

[53] Извлечение из докладной записки Виткевича о путешествии в Бухару, сделанное для Николая I в 1836 г. Рукопись из архива С. Хрулева. Государственная публичная библиотека КазССР им. Пушкина, Рукописный отдел, с. 3.

[54] АВПР, Гл. арх., 1—9, 1835—1839, д. 3, л. 69—71.

В 1835 г. Перовский стал готовиться к экспедиции в направлении Сырдарьи с целью изучения путей будущего похода на Хиву, но военный министр не дал согласия на его участие в экспедиции. Тогда в свою защиту Перовский выдвинул довод, что «русская граница лежит на Урале, а не на Сырдарье и что казахская степь входит в состав Оренбургского края»[55]. В конечном счете точка зрения Перовского взяла верх.

В 1839 г. царское правительство попыталось захватить Хиву, организовав поход под командованием генерала Перовского. Официальным мотивом организации похода было «ограждение русских торговых интересов в Средней Азии, обеспечение спокойствия русских киргизов и освобождение русских пленных, томившихся в хивинской неволе»[56].

Азиатский комитет, рассматривавший проект Перовского, так аргументировал необходимость его похода: «Экспедиция в Хиву, вынужденная враждебными действиями хивинцев и непреклонным упорством, с коими они отвергают справедливые требования наши, кроме вышеизложенной прямой цели своей должна иметь другую, еще важнейшую: восстановить и утвердить влияние России в Средней Азии, ослабленное долговременной ненаказанностью хивинцев и в особенности тем постоянством, с которым английское правительство, во вред нашей промышленности и торговле, стремится к распространению своего господства в тех краях»[57].

В отряде, который выступил из Оренбурга 14 ноября 1839 г., насчитывалось до 5 тысяч солдат, 4 генерала и 14 штаб-офицеров при двух орудиях и десяти горных единорогах. Его сопровождали 2000 возчиков-казахов с 10 500 верблюдами. Растянувшись на 8 верст, отряд шел четырьмя колоннами в полном боевом порядке[58]. Экспедиция потеряла половину людского состава вследствие массовых заболеваний и поэтому не удалась. Перовский вернулся в Оренбург.

Политике России в этот период в Средней Азии посвящена отдельная статья Ф. Энгельса «Продвижение

---

[55] ЦГВИА, ф. 1442, оп. 276, 1841, д. 31, л. 1—9.

[56] *Попов А. Л.* Борьба за среднеазиатский плацдарм.—«Исторические записки», 1940, № 7, с. 199.

[57] Там же, с. 227; *Рожкова М.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.—Л., 1949, с. 222.

[58] *Попов А. Л.* Борьба за среднеазиатский плацдарм, с. 327.

России в Среднюю Азию». Он писал: «Следующий шаг был сделан в 1847 г., когда был воздвигнут форт на реке Сырдарье приблизительно в 45 милях от ее устья; этот форт был назван — Аральское. В нем мог разместиться гарнизон численностью в один батальон и даже больше. Аральское весьма скоро сделалось центром обширной русской земледельческой колонии, раскинувшейся в нижнем течении реки и по прилегающим берегам Аральского моря, и тогда Россия формально завладела всей территорией к северу от этого моря и от дельты Сырдарьи. В 1848 и 1849 гг. море было впервые тщательно исследовано; была открыта новая группа островов, и они тут же были отведены под главную стоянку аральской пароходной флотилии, к созданию которой приступили немедленно. На острове против устья Сырдарьи был воздвигнут другой форт, и в то же время была еще более усилена и закончена коммуникационная линия между Оренбургом и Аральским морем»[59].

40—50-е годы XIX века стали годами интенсивного строительства укреплений в Казахстане. В 1845 г. началась постройка Уральского и Оренбургского укреплений. Первое (впоследствии город Иргиз) было возведено на правом берегу Иргиза, в урочище Жар-Мола; в 200 верстах от него, на р. Тургай, близ урочища Бескопа, было заложено второе — Оренбургское (впоследствии город Тургай). Для строительства укреплений были присланы два специальных отряда, в состав которых входили солдаты будущих гарнизонов.

Одновременно начались большие работы по топографической съемке. В конце 1846 г. производится топографическая съемка Эмбы, в 1847 г. — местности вблизи построенных укреплений: между реками Иргиз и Жаксы-Кайракты, песками Кара-Кум и Барсуками и от рек Тургай и Баймурат до устья реки Улькояк, затем на восток от Тургая до реки Джиланчик и караванной дороги, идущей из Троицка в Бухару, вплоть до восточных берегов озера Сыр-Копа[60].

В 1848 г. между Оренбургской линией и новыми укреплениями был построен форт Карабутак (на реке того же названия, в 214 верстах от Орской и в 177 верстах от Уральской крепостей). В 1847 г. было заложено укрепление Раим, переименованное в 1851 г. в Аральское.

---

[59] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 617.
[60] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, 1848, д. 3068, л. 2.

«Важность Раимского укрепления, — писал председатель Оренбургской пограничной комиссии В. В. Григорьев генерал-губернатору Перовскому,— совершенно неприступного для кочевых азиатцев и хивинцев, несомненна, как в политическом и военном отношении, так, и в особенности, для ограждения подведомственных нашему правительству киргиз-кайсаков от насильственных поборов и грабежей со стороны соседних владателей Средней Азии. Сверх того, укрепление это служит опорным пунктом в случае необходимости каких-либо военных действий в этих местах»[61].

В 1847 г. Россия начала обходное продвижение из Сибири в Семиречье с целью связать Сибирскую военную линию с сырдарьинской цепью укреплений и охватить таким образом всю казахскую территорию. Были заложены укрепления Капал, Сергиополь (Аягуз), а в 1854 г. — Верное, которое послужило опорным пунктом для дальнейшего продвижения в Среднюю Азию со стороны Семиречья.

Выдвижение укреплений в глубь казахской степи царское правительство объясняло стремлением обезопасить казахов от нападений «разбойного Кенесары»*, хивинцев и кокандцев на мирные казахские аулы и т. п.[62] Однако, казахи, опасаясь, что у них будут изыматься пастбища, выступали против топографических изысканий и строительства укреплений. Генерал-губернатор Обручев еще 4 июля 1845 г. сообщал в Оренбургскую пограничную комиссию: «Киргизы ропщут на производство в степи инструментальной съемки, предвидят в этом намерение правительства удалить их с занимаемых земель и заселить последние казаками, как сделано это по Илеку»[63].

Возмущение казахов начинает принимать открытые формы. В 1846—1848 гг. происходят частые нападения на линию, на пограничных жителей, на топографические партии[64]. Все они были не случайны, а являлись формой сопротивления, которое казахи оказывали колонизаторским мероприятиям царизма. Помимо того, они выражали свое недовольство путем откочевок. Казахи уходили

---

[61] ЦГА КазССР, ф. 4, 1848, д. 3094, л. 45—46.

* Руководитель феодально-монархического движения в Казахстане в 1837—1847 гг.

[62] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, л. 342.

[63] Там же, ф. 4, д. 2757, л. 711.

[64] Там же, д. 2805, л. 1.

от новых укреплений в глубь степи. Так, после постройки Уральского укрепления вблизи него оставалось только 200 семей егиншей торткаринского и чумекеевского родов, остальное население откочевало[65].

Особенно отрицательно реагировали на постройку укреплений казахи южных родов Младшего жуза, в частности рода шекты. Приказчики двух оренбургских купцов, находившиеся в степи, сообщили своим хозяевам в июне 1847 г., что в связи с выступлением русского отряда на Сырдарью для возведения укрепления «между киргизами Средней части орды возникли волнения»[66]. Қазахами руководил батыр рода шекты Есет Қотибаров. В сопровождении 300 человек он с одним хивинцем приехал в Назаровское отделение, куда пригласил представителей из других родов. На совещании Есет призывал казахов к восстанию. Из каждого рода он предлагал выделить по 1000 человек, затем идти в урочище Бестамак, там встретить русский отряд, идущий с линии на Сырдарью, и разгромить его. Однако назаровцы, чумекеевцы и кетинцы, бывшие на совещании, за исключением немногих, отказались от выступления. Есет уехал. Организованного массового выступления не произошло. Қазахи, руководимые Есетом Қотибаровым, ограничились только тем, что разграбили один бухарский караван, шедший в Россию[67].

В связи с недовольством, которое охватило казахов по поводу строительства укрепления, Хива активизирует свои действия. Хивинские эмиссары все чаще и чаще появляются в казахских кочевьях и пытаются поднять казахов на борьбу против России. В аулах распространяются грамоты хивинского хана, адресованные представителям знати «черной кости», призывающие отделиться от России, вступить в подданство Хивы, откочевать от линии.

Между тем русские отряды, возводя укрепления, год за годом продвигались ближе к границам Хивинского, Бухарского и Қокандского ханств.

В 1847—1849 гг. Россия, Хивинское и Қокандское ханства, соперничавшие между собой в стремлении захватить южные территории Қазахстана, столкнулись на Сырдарье. Отряды хивинцев напали на русские топографические партии, на казахские аулы.

---

[65] *Рязанов А. Ф.* Кенесары Қасымов. Рукопись, ч. III, с. 46.
[66] ЦГА ҚазССР, ф. 4, д. 2788, л. 1027.
[67] Там же, д. 2805, л. 2—3.

Старшина сырдарьинских казахов Джанходжа Нурмухамедов, сообщая чиновнику пограничной комиссии Биглову об этих набегах, писал: «Подведомственных нам аулов разграблено 30 ... Теперь мы идем к Иргизу, потому что в сердце нашем нет черной тени к дружественной связи с вами. Мы приготовляемся в поход на хивинцев, потому, что всякое время мы видим притеснения от них»[68].

В 1850 г. казахи вместе с командой Аральского укрепления разрушили кокандскую крепость Чим-Курган, захватив в плен ее начальника и небольшой гарнизон (16 человек)[69]. В августе 1852 г. отряд полковника Бларамберга после неудачной осады Ак-Мечети занял кокандские крепости Кумыш-Курган и Кош-Курган.

С прибытием русского экспедиционного отряда под Ак-Мечеть в 1852 г. ниже ее, в урочище Кармакчи, было начато сооружение временного укрепления на 120 человек гарнизона при трех орудиях. Это было укрепление Кармакчи, или форт № 2. Несколько раньше, в конце 1848 г., в урочище Казалы (в 45 верстах выше Уральского укрепления) был заложен форт Казалы (форт № 1), рассчитанный на 250 человек гарнизона[70].

После возведения этих фортов были упразднены некоторые укрепления из ранее построенных на Сырдарье, в частности Аральское с фортом Кос-Арал. Эта мера объяснялась тем, что царское правительство с устройством форта в Ак-Мечети (форт Перовский) не нуждалось больше в укреплениях, находящихся в устье Сырдарьи.

В июле 1854 г. из системы сырдарьинских укреплений и фортов № 1, 2 и форта Перовского была образована так называемая Сырдарьинская военная линия[71].

В середине XIX века, когда Россия укрепилась в устье Сырдарьи, соперничество между Россией и Кокандом приняло форму открытой вооруженной борьбы. Проявилась она прежде всего в захвате Россией кокандских укреплений по Сырдарье — Ак-Мечети, Джулека и др. Попытка Коканда возвратить Ак-Мечеть кончилась неудачей. Коканд и Хива, не находившие поддержки у казахов, не могли вытеснить Россию с присырдарьинских территорий и противостоять ее дальнейшему продвижению в Среднюю Азию. Позиции царизма в этом регионе все более усиливались.

---

[68] ЦГА КазССР, ф. 4, 1847, д. 3073, л. 3—4.
[69] Там же, д. 275, л. 4—5.
[70] Там же, д. 4459, л. 23.
[71] Там же, л. 25.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В ПЕРИОД ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Продвижение царизма в Казахстан обостряло классовую борьбу, приводило к восстаниям местного населения против колониального и феодально-байского гнета. Впервые казахские трудящиеся выступили вместе с русскими против крепостнических порядков в Крестьянской войне 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева. Как известно, восстание началось в районе Яицкого городка (ныне Уральск).

16 сентября 1773 г. в 100 километрах южнее Яицкого городка Пугачев сформировал небольшой отряд и привел воинов к присяге, быть верными «государю Петру III». Повстанцы, количество которых постоянно увеличивалось, двинулись к Яицкому городку и взяли его. Вести о восстании, во главе которого стоит «государь Петр III», дошли до казахских аулов. Начались волнения в Младшем жузе. Стремясь получить поддержку казахов, Пугачев направил к хану Нуралы и его брату Досалы татарина Акжала с письмом, в котором призывал, «чтобы они... сами б с войсками к нему ж следовали»[1]. В награду за помощь он обещал хану «сделать

[1]АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1774, д. 3, л. 51.

(его) первым человеком и начальником как в Оренбурге, так и от Оренбурга стоящих городках до самой Астрахани...»[2].

Одновременно эмиссары Пугачева пытаются склонить на сторону повстанцев султанов Ералы и Айчувака с подвластными казахами, «обещая им за то дать награждение немалое»[3].

В ставку Пугачева от хана Нуралы был направлен ханский писарь Забир, чтобы узнать, действительно ли это император Петр III. От хана Забир привез подарки. Пугачев ответил письмом, в котором подтвердил, что он действительно Петр III. В этом письме говорилось: «Сие мое именное повеление киргиз-кайсацкому Нурали-хану для снятия о состоянии моем сомнения. Сегодня пришлите ко мне одного Вашего сына солтана со ста человеками в доказательство верности вашей»[4].

Нуралы послал письмо Е. И. Пугачеву о признании его императором. Он писал: «Отправленному от меня посланцем к вашим услугам человеку моему, мулле Забиру, данной светлейшей указ я здесь получил. Почему я, высочайшее повеление приняв за благо и зделаясь в службу вашу готовым, о предприятиях ваших с желанием моим находится...»[5].

В этой связи Астраханская губернская канцелярия сообщила в Коллегию иностранных дел о том, что «Нуралы-хан, вместо объявляемой им к е. и. в. верности, по письмам к нему известного разбойника Пугачева намерен был ехать к нему в шайку, к чему и подвластных своих соглашал»[6].

Однако, поддерживая связь с Пугачевым и именуя его императором, хан Нуралы не послал к нему аманатов, а наладил контакт с оренбургским губернатором Рейнсдорфом. Последний просил Нуралы оказать ему помощь в борьбе с Пугачевым в случае, если он устремится «спасения своего искати на вашей стороне. Того ради я вам... предлагаю с подчиненным вам киргиз-кайсацким народом всемерно постараться сих... врагов разбить и, переловя, сюда выдать...»[7].

Хан Нуралы в свою очередь верноподданнически писал оренбургскому губернатору: «Я оного самозванца

[2] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1774, д. 3, л. 51.
[3] Там же.
[4] Там же, л. 17.
[5] ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, л. 76.
[6] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1774, д. 3, л. 2.
[7] ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2, л. 331.

(т. е. Пугачева. — *Т. Ш.*), ездящего здесь, каким ни есть обманом и претектом поймать думаю... ежели оной бездельник, бежав, с той стороны придет, требуя себе прибежища, то здесь я, не дав им никакого места, разбив и поймав, выдать имею»[8].

Оренбургский губернатор отвечал Нуралы: «За изъявляемые Вами, высокостепенным ханом, против врагов е. и. в. усердие свидетельствую мою благодарность... Ежели во время нужды потребна будет Ваша помощь, то я не преминю тотчас к Вам сообщить»[9].

Царская администрация добивалась, чтобы Нуралы удерживал казахов от нападения на царские крепости и присоединения их к отрядам Пугачева. Однако преградить дорогу казахам в повстанческие отряды Пугачева оказалось невозможным.

Не найдя поддержки у хана Нуралы, Пугачев обращается непосредственно к казахскому населению. В «листах»-воззваниях, распространяемых в аулах Младшего жуза, Пугачев писал: «Когда всевышний господь бог мне даст волю, то я вас всех не оставлю и буду жаловать... землею, водою, травами, ружьями и провиантом, солью, хлебом и свинцом»[10].

Уже с первых дней восстания к Пугачеву примкнули крупные казахские роды: тама, табын, джагалбайлы, байбакты, особенно стесненные вследствие изъятия земель по Уралу. Судя по донесению от 7 октября 1773 г., во время штурма Оренбурга отряды казахов, насчитывавшие до 2 тысяч человек, «учинили набеги к крепостям и причинили немало вреда»[11].

В конце 1773 г. кочевавшие вблизи Уральской линии казахи активизировали свои действия вопреки настояниям хана Нуралы. Русские власти отмечали, что казахи родов бериш и серкеш, «таясь Нурали-хана и знатных старшин», нападали на укрепленные пункты правительственных гарнизонов. К восставшим примкнули некоторые султаны, недовольные ханом и царской администрацией. В частности, на сторону Пугачева перешел султан Младшего жуза Досалы, у которого побывали посланцы с «листами»[12].

«По присланному от Вашего и. в., моего великого го-

[8] ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2, л. 331.
[9] Там же, л. 339.
[10] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1774, д. 3, л. 26.
[11] ЦГАДА, ф. 1100, кн. 2, л. 6—11.
[12] Там же, кн. 4, л. 226—227.

сударя,— писал Досалы Пугачеву, — светлейшему указу следуя в сходственность оного, как брату моему большому хану, так и всему подданному Вашему киргиз-кайсацкому народу о Вас, что Вы—государь, я, разглашая, объявил: почему в то же самое время брат мой хан и весь народ наш без всякого сомнения предпочли Вас за государя и прося от господа бога, чтобы желаемое Вам вручил, в которой молитве и находятся»[13].

Султан Досалы принимает меры к объединению казахов и русских казаков для совместных выступлений против царской администрации. В январе 1774 г. хан Нуралы сообщил Астраханской губернской канцелярии: «Итако, ночным временем Досалы султанова сына Мирзалия... учиня ево предводителем с яицкими форпостами... казаками, приехав в Кулагинский городок, находящих тамо атамана Никиту Бородина с имеющимися при нем чиновными людьми, которые были в его послушании, убили»[14].

В 1775 г. султан Сейдалы с батырами совершает нападение на линию форпостов. Одновременно он обращается с призывом к башкирским старшинам общими усилиями выступить против царского правительства. Этот факт весьма показателен для характеристики настроения казахов: они готовы забыть прежнюю вражду во имя борьбы против царизма, общего врага народов национальных окраин. Любопытно, что в этом письме Сейдалы делит русских на признающих нового царя — Пугачева — и не признающих. Первые—враги, вторые—друзья. Он писал: «Хотя с Россией у киргиз от времени Абулхаир-хана и было мирно, однако, с прибытием нового государя с генералом (по-видимому, Рейнсдорфом.— *Т. Ш.*) находился в раздоре, а с теми, кого к государю преклонны, в мире»[15].

Из показаний многих казахов, участвовавших в крестьянской войне под предводительством Пугачева и плененных царскими войсками, видно, что в этом восстании принимало активное участие большое количество казахов-кочевников[16].

Восстание Пугачева нашло отклик и в Среднем жузе. Казахи этого жуза участвовали в штурме Илецкой

---

[13] ЦГАДА, ф. 1100, кн. 4, л. 224.

[14] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1774, д. 3, л. 3.

[15] *Асфендияров С. Д.* История Казахстана, т. 1. Алма-Ата, 1935, с. 129.

[16] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1774, д. 3, л. 51—52.

защиты и в осаде Оренбурга осенью 1773 г. Они помогали повстанцам конями и провиантом. Например, в конце ноября 1773 г. группа казахов Среднего жуза доставила в ставку Пугачева 300 лошадей, 100 быков и 3000 баранов.

Выступления казахов Среднего жуза приняли довольно широкий размах. Сибирская администрация была крайне обеспокоена ожидавшимся их вторжением в пределы Сибирской губернии. На призывы Пугачева о поддержке отозвались не только рядовые казахи, но и некоторые старшины. Обсудив обращение Пугачева на собрании в июне 1774 г., они решили, что «согласны и во всем помогать будут». К Пугачеву были направлены десять всадников, чтобы получить указания [17].

В 1774 г. с перемещением центра восстания на Южный Урал участились и вооруженные выступления казахов. В одном из архивных документов (март 1774 г.) отмечается: «...состоящий от оного войска (т. е. русского. — *Т. Ш.*) за рекою Волгою для предосторожности от известного злодея Пугачева на форпостах старшина и депутат Терсков войсковой канцелярии рапортовал: команды ево на форпостах казаки киргиз-кайсаками, коих было более 1500 человек, атакованы, а он, Терсков, для подачи к войску известия едва утить мог»[18].

Несмотря на все старания хана Нуралы, открыто вставшим на сторону царского правительства, волнения в Младшем жузе не прекращались, а усиливались.

Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева внесла существенные изменения в общественно-политическую жизнь Младшего жуза. В период восстания скот казахов пасся на землях между Уралом и Волгой, а после его подавления пользование этими пастбищами было запрещено. В 1775 г. Младший жуз и частично Средний были включены в Симбирское и Уфимское генерал-губернаторства, а Оренбургская губерния упразднена.

Перед царской администрацией стояла задача превратить верхушку казахского общества в своих верных слуг. Особых усилий в этом направлении им не пришлось делать, так как и хан Нуралы, и султаны сами стремились доказать свою верность царскому правительству. И те и другие в равной степени были заинтересованы в подавлении сопротивления народных масс.

[17] АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1774 д. 3, л. 25—26.
[18] Там же, л. 72.

С 1782 г. перегон казахского скота через Урал мог совершаться лишь с разрешения пограничной администрации. Так как кочевьями распоряжался только хан Младшего жуза и его приближенные, то это давало им возможность сговариваться с казачьими атаманами Уральского казачьего войска и, по существу, участвовать в грабежах казахских аулов, перегонявших скот.

Это вызывало ответные действия. Разрозненные выступления казахских масс стали усиливаться. Организатором и руководителем выступлений трудящихся в 1783 г. был старшина рода байбакты батыр Срым[19], который еще в период пугачевского движения возглавлял один из отрядов восставших казахов.

Организованная борьба кочевников начинается с весны 1785 г., когда в районе р. Сагиза сосредоточивается до 2700 человек. Вскоре число восставших достигает 6000 человек. Штабом движения становятся общины родов байбакты, табын и тана. Напуганный ростом повстанцев хан Нуралы потребовал от царских властей послать на них карательную экспедицию.

В январе 1785 г. для подавления восстания был направлен отряд генерал-майора Смирнова, который, однако, из-за сильных буранов вынужден был возвратиться.

15 марта того же года по приказу президента Военной коллегии Потемкина из крепости Сарайчиковской в степь проследовал отряд численностью 1250 казаков при двух орудиях во главе со старшинами Уральского казачьего войска Колпаковым и Пономаревым для наказания «разбойников киргиз-кайсак до Сырымовского гнезда к устью Эмбы-реки»[20].

В это же время отряд Срыма Датова, состоявший из 500 человек, проник в тыл карательной экспедиции и в конце марта 1785 г. атаковал Антоновский форпост и крепость Сахарную, но затем отошел в степь. Это нападение заставило царские войска возвратиться на укрепленную линию. С этого времени систематически и планомерно карательные отряды посещают казахские аулы. Не выдержав постоянных поборов и унижений, многие из них присоединились к восставшим и откочевали по реке Уилу к истокам Эмбы, где находились основные силы Срыма Датова.

---

[19] *Вяткин М. П.* Батыр Срым. М.—Л., 1947, с. 198.

[20] ЦГВИА, ф. Общего архива Гл. штаба, бумаги кн. Г. Потемкина-Таврического, д. 194—196, л. 37.

Одновременно восставшие начинают выступать и против хана Нуралы, авторитет которого к этому времени был окончательно подорван.

В связи с создавшимся в Младшем жузе положением генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничества О. А. Игельстром стал налаживать отношения со старшинами. В июне 1785 г. Ахун Мухамеджан Хусаинов вручил старшинам «открытые листы», в которых участникам восстания обещалось прощение. На состоявшемся в июле 1785 г. съезде старшин с участием повстанцев был принят текст ответа, с которым пятеро представителей восставших отправились в Оренбург. Ответ за подписью более 50 старшин содержал требования об отстранении от ханской власти потомков Абулхаира, предоставлении казахам права кочевок между Уралом и Волгой и прекращении набегов[21]. Состоявшийся осенью 1785 г. съезд старшин вновь подтвердил эти требования.

В сложившейся обстановке царскому правительству была выгодна ликвидация ханской власти, тем более, что за устранение хана Нуралы высказались представители 20 казахских родов из 25 ему подвластных. Создались благоприятные условия для проведения колониальной политики.

В апреле 1786 г. хан Нуралы, опасаясь за свою жизнь, бежал под защиту царских войск. 3 июня 1786 г. был подписан рескрипт об отстранении Нуралы от ханской власти[22], а осенью того же года утвержден проект так называемой «реформы Игельстрома» о разделении Младшего жуза на три части, согласно которой при генерал-губернаторе учреждался новый орган управления— пограничный суд. В его состав должны были войти и представители казахской феодальной знати и царских властей.

Однако «реформа Игельстрома» не дала ожидаемых результатов, и пограничный суд не был организован. Правительство решило восстановить ханскую власть. Ханом назначается Ералы, брат Нуралы. Казахские аулы вновь подвергаются набегам. Это вызывает стихийное движение. В степи распространяются слухи о возвращении Нуралы, который был направлен в Уфу после отстранения от власти.

---

[21] ЦГАДА, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1785, д. 3, л. 10 и об.
[22] ЦГИА СССР, ф. 146, 1789, д. 131а, л. 22.

Среди повстанцев начинается размежевание. Боясь расширения движения народных масс, крупные бии и старшины родов сближаются с султанами и просят царские власти «наказать возмутителей». К лету 1792 г. волнение охватило почти весь Младший жуз.

Джут 1771/72 г. разорил хозяйства многих аулов. Начался голод. Народные массы стали активно действовать против хана Есима, сына Нуралы*, который 27 марта 1797 г. был убит в столкновении с повстанцами[23].

Возросшая активность народных масс напугала феодальную верхушку, и она стала искать соглашения с царизмом. По инициативе царских властей в Младшем жузе был создан ханский совет во главе с султаном Айчуваком**, в который вошли представители от султанов и старшин.

В августе 1797 г. собрался ханский совет, на него прибыл с тысячным отрядом Срым Датов и заявил о прекращении борьбы[24].

Итак, восстание постепенно заглохло. Предательство биев и старшин, нерешительность руководителей способствовали его поражению. Однако восстание ослабило ханскую власть и способствовало ее ликвидации.

* * *

В процессе присоединения Казахстана к России усилилась феодализация казахского общества, особенно во Внутренней (Букеевской) орде, замкнутой военными линиями и полностью подчиненной царизму. Хан Джангир и феодальная аристократия превратились в царских чиновников, что облегчало им грабеж и эксплуатацию казахских трудящихся. В то же время аристократическая верхушка, оказавшаяся в стороне от власти, использовала недовольство масс для упрочения своего положения. Однако борьба за власть отдельных претендентов, как Каип-Галий Ишимов, Рысали Жигангеров и другие, не была поддержана широкими массами казахских трудящихся.

Вместе с ханом Джангиром на службу к царскому правительству перешли некоторые представители феодально-байской верхушки, в частности старшины, зависимые от царской администрации (прежде старшин вы-

* Хан Нуралы умер в Уфе в 1790 году.

[23] *Вяткин М. П.* Батыр Срым, с. 339.

** Султан Айчувак утвержден ханом в октябре 1797 года.

[24] История Казахской ССР, т. 1. Алма-Ата, 1957, с. 293.

бирали в родах, теперь по представлению хана их утверждала Оренбургская пограничная комиссия).

Внутренние изменения в экономике казахского хозяйства и активизация колониальной политики царизма привели к дроблению казахских родов, к появлению большого количества отделений и подотделений, что обусловило уменьшение численности населения в ауле. Нередко отделения объединяли два-три аула, хозяйство которых не превышало трех—пяти кибиток. Зачастую в поисках пастбищ для скота эти мелкие отделения расходились в разных направлениях, теряя связь со своей основной общиной.

В отделении, состоявшем из большого количества аулов, назначался старшина, причем на этой должности можно было встретить и крупного бая, и байгуша. Отдельные старшины избирались из «почетных» стариков, которые имели большой опыт ведения кочевого хозяйства.

В первые годы существования Букеевской орды (при хане Букее) со старшинами считались не только султаны, но и ханы. Но уже при Джангире они все более теряли свой вес, становились простыми исполнителями воли ханов и султанов-родоуправителей и использовались в качестве посредников в грабеже народа.

Обстановка в жузе сложилась таким образом, что власть перешла к феодальной аристократии. Старшинские же группы, по существу, устранялись от управления жузом. Более того, старшина мог лишиться своего звания на основании только одной жалобы родоуправителя или ханского советника.

Хан и ханские советники, султаны-родоуправители продавали должности старшин. Теперь только большая взятка открывала путь на старшинскую должность. Так, бий Балки Худайбергенов взял в 1833 г. у Исмухаммеда Жантулина за «хлопоты» по поводу указа от Пограничной комиссии «на чин старшины» трех лошадей, 200 рублей, лисий тулуп, одну кобылу. Но другой претендент Айтуган Жантуков дал больше, поэтому Худайбергенов добился указа о его назначении старшиной[25].

Старшина мог быть смещен в любой момент, если не принадлежал к ханскому окружению, мог быть подвергнут и любому наказанию, даже телесному. В декабре 1836 г. старшина бершева рода Даут Ермеков сообщал,

[25] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 2039, т. 2, л. 791.

что «прошлую зиму Бабаджанов без всякой причины продержал его под караулом трое суток, а затем, дав 25 ударов плетью, отпустил»[26].

С развитием феодальных отношений и ростом административной власти бии и старшины были лишены права суда по обычному праву казахов. Господство патриархально-родового быта в орде в какой-то степени затушевывало классовые различия между старшинами, батырами и рядовыми казахами. Однако между султанами и старшинами происходили столкновения за первенствующее положение в роде, что было выражением внутриклассовой борьбы двух группировок. Эти противоречия особенно ярко проявились в восстании батыра Срыма Датова, а затем в движении Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова[27]. Как только Исатай Тайманов поднял знамя борьбы против произвола Караул-ходжи Бабаджанова, недовольные старшины сгруппировались вокруг него. Из старшинской прослойки выделилась группа лиц, готовая к любым испытаниям во имя исполнения своих требований.

Вначале они пытались разрешить спорные вопросы путем подачи хану и пограничному начальству петиций и прошений. Но убедившись в бесплодности таких мероприятий, выступили против султанов-родоуправителей, хана, пограничных властей вместе с трудовым населением.

Исатай Тайманов, Махамбет Утемисов и другие руководители движения, принадлежавшие к феодалам «черной кости», порвали со своим классом и перешли на сторону народа. Примирение с ханом и царизмом стало невозможным. Общая программа восстания казахов во Внутренней (Букеевской) орде в 1836—1837 гг. хорошо выражена в стихах Махамбета Утемисова:

Как я хотел бы свой меч обнажить,
Груду увидеть мертвых голов,
Слышать предсмертный верблюжий рев
Ханов, что бедный народ томят,
Биев, что брюхо себе растят!
Как я хотел бы средь волжских лугов
Вольной толпой народ расселить.
Как я хотел бы скотом наводнить,
Волга, просторы твоих берегов![28]

---

[26] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 2039, т. II, л. 60—63.

[27] *Шахматов В. Ф.* Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946, с. 130—131.

[28] История Казахской ССР, т. 1. Алма-Ата, 1957, с. 331.

Программа восставших сводилась к упразднению власти ханов, биев, султанов, а также к тому, чтобы отобрать у них землю до Волги, расселить на ней казахов и зажить свободной жизнью.

В 1836 г. Исатай Тайманов писал ханскому сыну Зюлькарнайну по поводу его обещания убрать с должности ненавистного Караул-ходжу: «Ваше степенство, сами изволите рассудить, что тому человеку, которого почитают врагом, если поручать управление, то, разумеется, что он никому добра делать не будет и через это происходят беспорядки...»[29].

Но эти просьбы остались без ответа. Тогда поддерживавшие Исатая Тайманова старшины бершева рода Уса Тюлегенов, Тенали Усин и Махамбет Утемисов призвали казахов не выполнять ханских распоряжений, передаваемых через Караул-ходжу Бабаджанова. В связи с этим хан Джангир в конце февраля 1836 г. направил Исатаю Тайманову письмо, в котором, заигрывая с Исатаем, высказывал ему недовольство.

Вскоре хан распорядился арестовать Тайманова и его сторонников. Исатай, понимая опасность, не явился к Джангиру. Больше того, он перешел к активным действиям против ханских приспешников.

В ответ Джангир 17 марта 1836 г. направил силы для подавления восстания. «Я приказал почетному есаулу Караул-ходже, — писал Джангир, — чтобы с помощью подвластного ему народа, не давая им (ослушникам.— *Т. Ш.*) воли, схватив их, доставил ко мне»[30].

Исатай Тайманов, узнав, что 24 марта 1836 г. старшины и бии согнали к Караул-ходже до 800 человек, вооруженных палками и мултуками, собрал свои аулы в одном месте у могилы Кийлы и приказал вырыть окопы и насыпать земляной вал[31].

Между тем посланцы Караул-ходжи — старшины Дюсенбай и Сеитберген, прослышав, что есть приказ об аресте Исатая, отказались выступить против него. Покинув свое «укрепление», Исатай двинулся к старым кочевьям. За ним устремился отряд ходжи. Джангир попрежнему пытался заманить Тайманова в ставку. Последний согласился явиться к хану с условием, если будет распущен отряд Караул-ходжи[32].

---

[29] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 2039, т. II, л. 634.
[30] Там же, л. 22—23.
[31] Там же, л. 25
[32] Там же, л. 29.

С лета 1836 г. народное движение приобретает массовый характер. В октябре 1836 г. с Исатаем кочевало уже свыше 20 аулов, а к 1837 г. движение охватило все ханство[33].

Участники восстания не признавали власть хана и султанов, отказывались платить подати, нападали на аулы султанов-родоуправителей, крупных старшин и угоняли их скот. В сентябре 1837 г. отряд Исатая и Махамбета разгромил аул Караул-ходжи.

Однако в конце 1837 г. восстание было жестоко подавлено царскими властями, что объясняется плохой организацией и вооруженностью народных масс.

Вместе с тем восстание дало свои результаты, оно нанесло удар по позициям хана и ускорило ликвидацию Внутренней (Букеевской) орды. «Восстание казахов в Букеевском ханстве в 1836—1837 гг. было направлено против феодальной эксплуатации и колониального гнета царизма. Это было прогрессивное крестьянское восстание, основной движущей силой которого являлось угнетенное казахское крестьянство»[34].

* * *

В середине XIX века в связи с дальнейшим развитием феодальных отношений в условиях царской колонизации в казахском обществе происходят сложные экономические процессы.

Вследствие расширения товарно-денежных отношений меняется характер торговли. Если прежде она была меновой, то теперь становится в основном денежной. Об этом свидетельствует отчет Оренбургской пограничной комиссии за 1857 г.: «Говоря о меновом торге киргизов, должно заметить, что мена на товар ныне совсем уже вышла из употребления. Требуя и получая деньги за свой скот и прочий товар, на деньги же покупают теперь киргизы как хлеб, так и фабричные произведения»[35].

В эти годы растут размеры торговли скотом и продуктами скотоводческого хозяйства. Внедрение товарно-денежных отношений сильно повлияло на натуральное хозяйство казахов. Начинался процесс его разложения. Внутри аула усиливается классовая дифференциация. Бо́льшая часть скота сосредоточивается у баев-феода-

[33] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 1992а, л. 73.
[34] История Казахской ССР, т. 1. Алма-Ата, 1957, с. 329.
[35] ЦГА КазССР, ф. 4/5, 1857, д. 4030, л. 20—21.

лов. Так, в назаровском отделении рода шекты было 1200 кибиток с 5000 душ обоего пола. В числе прочего скота они имели 7000 лошадей, из них более 3000 лошадей принадлежали бию отделения Баджикову[36]. Во многих байских хозяйствах было по 10 и более тысяч голов рогатого скота. В итоге все больше увеличивалось число бедняков. «Между чумекеевцами, табынцами, киреит есть целые аулы до того бедные, что не только не имеют скота, но даже без рубищ, без крова и насущной пищи... Они сеют хлеб, ловят рыбу, полунагие, или вовсе нагие, живут в камышевых шалашах и не имеют никаких средств к облегчению своей участи»[37].

Эта беднота работала на баев-феодалов. На Сырдарье, в окрестностях озера Камышлы-Баш, в урочищах Арык-балык, Кин-Тюп «байгуши из-за сотой доли или же рабского повиновения работают для богатых киргизов, отходящих в степь с весны до самой зимы»[38].

Такое положение беднейшей части казахов вызывало их недовольство, а во многих случаях и противодействие. Как уже отмечалось, в конце XVIII и в XIX веке в Казахстане происходили национально-освободительные восстания: под руководством Срыма Датова в Младшем жузе (1783—1797 гг.), Исатая Тайманова в Букеевской орде (1836—1838 гг.), Есета Котибарова в Приаралье (Младший жуз, 1855—1857 гг.), Джанходжи Нурмухамедова в районе нижнего течения Сырдарьи (1856—1857 гг.), Общее в этой борьбе — протест против экспансии русского царизма и эксплуатации «своих» угнетателей. Но в то же время они различаются по своему характеру, по ходу событий, по своим движущим силам и по классовому происхождению. Например, восстание, руководимое Исатаем Таймановым, носит крестьянский характер, имеет антифеодальную и антиколониальную направленность. Другие, как, например, феодально-монархическое движение султана Кенесары Касымова, имели своей задачей восстановление ханской власти в Казахстане.

---

[36] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 4554, л. 20—122.

[37] *Бларамберг И.* Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. Военно-статистический обзор Российской империи, т. XIV. СПб., 1848, с. 101.

[38] Там же, с. 106.

В мае 1853 г. в связи с походом русских войск на Ак-Мечеть и переброской грузов и войск на Сырдарью был начат наем верблюдов. Правитель средней части Младшего жуза Араслан Джантюрин потребовал от шектинцев выставить 4000 верблюдов с вьючными припасами и платой за продовольствие работникам при них. Эти поборы послужили поводом к открытому выступлению казахов рода шекты. Они отказались давать верблюдов. В объяснении по этому поводу Есет Котибаров писал правителю западной части Младшего жуза Тяукину: «Мы... не дали Араслану Джантюрину силою требуемых им верблюдов потому, что насильственное требование его показалось нам противузаконным»[39]. Казахи стали собираться в верховьях Эмбы, чтобы общими силами помешать выполнить приказ. Вследствие этого пограничное начальство решило наказать шектинцев и задержать Есета.

Отчасти решение Есета не давать верблюдов объясняется его опасением нападения со стороны Хивы. Так, на запрос Араслана Котибаров и управляющий тлеу-кабакским отделением бий Утаралиев ответили, что «боятся хивинцев по близости зимования своего к ним, других же причин нет[40]. К тому же «за преданность и содействие русским» Мухамед-Эмин не раз грозил Есета наказать. Чтобы умиротворить хивинского хана, Есет послал ему подарки. В свою очередь хан, узнав о найме верблюдов, запросил Котибарова: намерен ли он «усердствовать» перед русскими. На это Есет ответил, что «кочуя на землях», принадлежащих русским, не может и боится им противиться[41]. В следующий раз Есет заявил, что если «сегодня он предастся русским, то завтра хивинцы ограбят чиклинцев»[42].

Чтобы сломить Есета, с линии с двумя казачьими отрядами и 200 джигитами выступил правитель западной части Младшего жуза султан Тяукин. Одновременно из Уральского укрепления вышел отряд под командой майора Михайлова, который вел султан Елекей Касымов с 600 джигитами. Этот отряд напал на аулы жаксимовского отделения, угнал до 300 верблюдов и лошадей, убил несколько человек, а джигиты Елекея разграбили аулы жаксимовцев и забрали их имущество. Сул-

[39] ЦГА КазССР, ф. 4, доп. оп., д. 16, л. 77.
[40] Там же, д. 5369, л. 220—222.
[41] Там же, л. 229—233.
[42] Там же, д. 16, л. 77—78.

тан Тяукин предполагал вызвать Есета к себе в лагерь для переговоров и захватить его. Двое лазутчиков Есета, находившиеся при Тяукине, предупредили его. Через них Есет знал и о продвижении отряда, поэтому появление его на Эмбе не было неожиданностью. Ловко уклоняясь от сближения с противником, Есет завлек его в непроходимые места, и Тяукин вынужден был прекратить погоню.

В связи с этой неудачей дальнейшие действия против Котибарова были прекращены до весны, т. е. до тех пор пока шектинцы, за неимением на юге (у Аральского моря) летних пастбищ и водопоев, не прикочуют к Эмбе, Сагизу или в другую, близкую к линии местность.

Возможно, что решение генерал-губернатора отложить экспедицию до весны было принято с учетом донесения муллы Шагимарданова. «Не найдете ли, Ваше превосходительство, удобным наказать сии мятежные рода весною в апреле, мае и июне, — писал он 12 декабря 1853 г. Ладыженскому, — возможно будет охватить их разными хитрыми действиями, но весьма секретно, под видом доброго предприятия — примирения между собой киргизов, когда неблагонамеренные рода прикочуют на обычные свои летние кочевья. Им невозможно оставаться на зимовках, по неимению там рек и кормов для скота. Тлявовцы, кабахи и жакаймы не могут не прикочевать на Эмбу, а табынцы и адаевцы на Уил и Сагыз потому, что на Мангышлаке летних кочевок не имеется. Тлявовцы, кабаховцы, адаевцы и табынцы идут весною, сильно нуждаясь в летних кочевках, тогда было бы хорошо, если бы, Ваше превосходительство, предписали трем правителям быть на р. Эмбе с отрядом, когда еще скот у киргизов не успел поправиться; если же правители выступят поздно и если киргизы успеют поправить свой скот, то последние будут в своей силе. Во всяком случае раннее выступление (т. е. султанов-правителей) будет поводом к усмирению волнующихся киргизов»[43].

В это время в аулах Есета начинают скапливаться беглые люди; среди них особенно выделяется бежавший с каторги бывший солдат Динмухамед. Лазутчики Есета ездят близ Уральского укрепления и следят, когда выступит воинский отряд. Пограничное начальство также наблюдает за всеми действиями Есета через своих аген-

[43] ЦГА КазССР, ф. 4, доп. оп., д. 16, л. 144—145.

тов. В частности, мулла Шагимарданов доносил в Комиссию о положении повстанцев: «Он (Есет. — *Т. Ш.*) находится в весьма большом раскаянии и говорит, что, действуя за честь и права киргизского народа, он, Есет, поссорился с русскими и султанами-правителями, что теперь хотя и приглашает он к себе, но киргизы войска ему не дают и не присоединяются. Есет говорит :«Что сталось со мной? Я в большой печали и узнал, что киргизы вообще не исполняют своих обещаний. Затем я просил у хивинского хана помощи и войска, а прежде всего я б был не без почета у русских и султанов-правителей». Далее Есет намеревался уйти с дальних кочевий на реки Илек, Хобду и Уил, т. е. покориться, но старшины не согласились[44].

В феврале 1854 г. против шектинцев из Уральского укрепления был выслан отряд казаков во главе с бароном Врангелем, который проник в их самые отдаленные зимовки в Больших Барсуках, где находился Есет со своими аулами. Напуганные неожиданным появлением отряда, бии Утаралиев, Курнабаев и другие явились с повинной к Врангелю. Они были отправлены в Оренбург, но там получили прощение. Некоторые из них в виде поощрения были назначены управляющими отделениями и подотделениями. Чтобы доказать свою преданность, бии выдали разыскиваемых пограничными властями за барымту султана Бик-Арасланова и казаха табынского рода Багитова.

Через биев Утаралиева и Курнабаева Врангель начал переговоры с Есетом. Заручившись согласием, что его не задержат, Есет сам приехал к Врангелю и, чтобы выиграть время, обязался явиться с повинной в Оренбург к генерал-губернатору[45].

Однако вскоре после этого он собрал биев родов шекты, шомышлы-табын и адай на совещание. Котибаров обвинил их в том, что они не помогли ему, когда русские отряды выступили в степь, и заявил, что будет выполнять все, что ему поручит русская администрация, кроме требования прибыть в Оренбург. На совещании бии решили отправить в Хиву послов, чтобы добиться от хивинского хана решительного ответа — окажет он им помощь или нет? Как и следовало ожидать, все попытки султанов-правителей заставить Есета явиться в Орен-

[44] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 4003, л. 576—579.
[45] Там же, д. 307, л. 12.

бург к генерал-губернатору с повинной оказались безрезультатными. Есет не без основания полагал, что явка в Оренбург может кончиться для него ссылкой в Сибирь или в какую-либо центральную губернию России. Опасаясь неожиданного выступления с линии отрядов для его задержания, он все лето 1854 г. укрывался в пустынных и безводных местах.

В этот период Есета окружали казахи тлеу-кабакского отделения, хотя его влияние по-прежнему распространялось на весь род шекты. Развитие движения приходится на 1855 г. По-видимому, это связано с общей политической обстановкой, вызванной Крымской кампанией. Через Хиву и хивинских эмиссаров в казахскую степь доходили сведения о поражении России в войне и о ее затруднениях. Были слухи, что в случае победы Турции (и союзников) Хива вступит в войну с Россией.

«Киргизский народ, — доносил Оренбургской пограничной комиссии еще зимой 1854 г. мулла Шагимарданов, — как заметно, нисколько не думает враждовать против русских, впрочем, что произойдет весною, я не знаю, потому что хивинцы, имея большую надежду на турок, в случае победы последних над русскими, думают идти в Россию. Все они желают успеха туркам»[46]. Несомненно, что Крымская кампания явилась толчком для подъема религиозного фанатизма в Хиве. Там были уверены в том, что Россия, занятая войной с Турцией, не будет бороться с Хивой. Первое известие о неудачах в Крымской войне было отмечено в Хиве молебствием с жертвоприношениями[47].

Поражение России в этой войне способствовало активизации антиколониальных настроений в Казахстане. К началу 1855 г. стали поступать сведения, что Котибаров находится в урочище Кум-Яргане. В это время его отряды насчитывали 1300 человек из родов шекты и табын, около 100 аулов из рода адай. Есет готовил повстанцев к отражению нападений карательных отрядов, которые, как он полагал, должны выступить с линии.

В июне 1855 г. султанам-правителям Младшего жуза было предложено выступить в степь с имеющимися при них казачьими отрядами и джигитами. Султану-правителю средней части Младшего жуза Джантюрину наказывали захватить Есета. В конце июня Джантюрин

[46] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 4003, лл. 333—335.
[47] Там же, л. 473 и об.

выступил из Оренбургской крепости с 900 казахами таминского, табинского, жагалбайлинского и других родов и с казачьей сотней, биями, дистаночными начальниками и старшинами, которые в качестве охраны сопровождали его. Отойдя на 140 верст от Орской крепости, 30 июня отряды султана-правителя остановились лагерем в урочище Суук-су, на реке Исенбае (верховья Илека).

Есет Котибаров вышел навстречу султану-правителю с казахами большинства отделений родов шекты, частью шомышлы-табынцев и др. и послал к нему биев Юсупова и Байтюрина. Суть переговоров неизвестна. Впоследствии комиссия сообщала, что бии не передавали Джантюрину действительного содержания ответов Есета и отвечали за того и за другого по своему усмотрению, стараясь восстановить Есета против султана, а султана убедить в том, что Есет готов покориться и выдать скрывающихся у него беглых и тех, кого от него потребуют. В переговорах прошло несколько дней.

Есет колебался, нападать на султана-правителя или нет. К решительным действиям его склонили батыр Бекет Серкебаев, двоюродный брат, и Кенжалин.

8 июля на рассвете казахи выступили против султана. Нападение было стремительным. Часть казахов бросилась на кибитку султана и коши местных начальников. Лагерь охватила паника. Султанские джигиты, баи и бии обратились в бегство. Был убит султан-правитель Джантюрин, начальник 57-й дистанции султан Игали, начальник 30-й дистанции Калабаев, несколько биев и старшин (всего 10 человек). Казачий отряд, находившийся поблизости, успел сделать прикрытие из телег и отразил три кавалерийских наскока есетовцев.

Султан Хангали Арсланов, сын правителя, который сам едва спасся, писал председателю пограничной комиссии: «Главные участники были Карабашева отделения киргизы Бекет, Дарыбай Котибаров, Кубес Басенов, Имагар и Ерназар Кинжалиев и вообще все до одного из племени Карабаш — Тлявова отделения..., джакаимовцы почти все, кроме управляющего Джамеке Жарусбаева... вообще все из племени Джанклычева... Назарова отделения Кинегесова, Чуренева отделения бий Джарасуутин с несколькими товарищами; кроме того, в шайке находились все беглые и преследуемые правительством ордынцы, как средней части, так и западной»[48].

[48] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 309, л. 58—59.

Разбив султанское окружение, казахи ушли к Эмбе, затем разошлись по своим кочевьям. Казачий отряд, подобрав убитых, отступил к линии.

Одновременно с нападением на султана Джантюрина казахи родов серкеш, тазпар, часть родов иссык и шомышлы-табын с бием Даутом Асауовым по договоренности с Есетом должны были обрушиться на отряд султана-правителя Тяукина, который со своим отрядом остановился на р. Уил. Однако Тяукин был предупрежден двумя биями о готовящемся налете и возвратился к линии. Он остановился на р. Каллыгайты, ожидая отряда, выступившего на соединение с ним из Калмыковской крепости. Когда отряды соединились, Тяукин, теперь не боясь возможного нападения казахов, двинулся к кочевьям шомышлы-табын. Султан разгромил аул рода, подведомственного Дауту Асауову, а его семью отправил в Оренбург в качестве заложников. Имущество Даута и кочевавших с ним казахов разграбили джигиты султана. Сам Даут скрылся в горах.

На этом этапе (с июля по декабрь 1855 г.) в восстании стали преобладать элементы, присущие антифеодальным выступлениям. Основная масса восставших питала ненависть не только к русской колониальной администрации и состоявшим у них на службе султанам-правителям, но и к своим угнетателям — баям, биям, и старшинам-феодалам.

Местные власти, боясь расширения движения Котибарова, принимали меры для его подавления. Вот свидетельство одного из документов того времени: «Распоряжение майора Михайлова насчет данного им разрешения кочующим вблизи укрепления киргизам угонять у мятежников лошадей, одобрено мною... и дано от меня г-ну Михайлову соответствующее предписание с приказанием объявить кочующим при укреплении киргизам, что в случае при сопротивлении охраняющих скот будут убиты мятежники, принадлежащие к шайке Котибарова, то преданные нам ордынцы не подвергнутся за это никакой ответственности»[49]. Это развязывало руки представителям феодальных групп некоторых родов, враждебных шектинцам и имеющим с ними старую

---

[49] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 309, л. 405.

вражду из-за пастбищ, по барымте и т. д. Они организовались в отряды и, присоединившись к казачьим отрядам, грабили аулы рода шекты, причем даже и те, которые не были связаны с Есетом.

Часто действовали объединенные отряды царских войск и феодалов. Так, выступивший из Орской крепости 29 июля 1855 г. отряд из 150 жагалбайлинцев напал на аулы тлявова отделения рода шекты, убил 40 человек, 15 взял в плен, реквизировал 612 верблюдов, 536 лошадей, 1111 коров и 3000 баранов[50]. Среди карателей особой жестокостью отличались отряды Михайлова, Кузьминского и Дерышева.

Герценовский «Колокол» писал по этому поводу: «Аугсбурская газета» рассказывает о страхе, наведенном на крестьян Оренбургской губернии распространявшимся слухом о киргизском восстании и набеге... жаль, что она не сообщила страшной истории, почему Есет Котибаров откочевал к хивинской границе. Со времен ветхозаветных войн или монгольских набегов ничего не было гнуснее в свирепости, как набег полковника Кузьмина (Кузьминского.— *Т. Ш.*) и майора Дерышева, которыми заправлял (еще при Перовском), сидя в своей канцелярии, бывший помощник Липранди-Григорьев. Этот кровавый эпизод еще ждет описания»[51]. Выступление «Колокола» отражало мнение передовой русской общественности.

Летом 1856 г. на казахские аулы вновь обрушились карательные экспедиции. Повстанцы терпят одно поражение за другим. Отряд Есета был окончательно разгромлен в сентябре 1858 г. в урочище Сан. Есет перешел на сторону царского правительства. Большое количество повстанцев было взято в плен, осуждено на различные сроки ссылки в Сибирь, а некоторые расстреляны.

Еще до подавления восстания, руководимого Котибаровым, началось движение сырдарьинских егиншей-земледельцев под руководством Джанходжи Нурмухамедова в зиму 1856/57 г.

В связи с этим необходимо охарактеризовать основные моменты колониальной политики царизма на Сырдарье, послужившие поводом к выступлению сырдарьинских казахов. После взятия Ак-Мечети и устройства Сырдарьинской линии царское правительство стало

[50] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 309, л. 360, 378.
[51] «Колокол», 1858, № 286, с. 231.

полновластным хозяином в верховьях Сырдарьи. Царские чиновники сырдарьинской военной линии, местные феодалы-султаны и старшины, облеченные властью русского правительства, грабили и обирали казахов.

В 1837 г. для казахов Младшего жуза был установлен налог (кибиточная подать) по 1 рублю 50 копеек серебром с кибитки в год. После устройства укреплений на Сырдарье кибиточной податью стали облагать и сырдарьинских казахов, которые до этого никаких налогов царскому правительству не платили. Обложению подверглись не только кибитки, но и землянки, «или другого рода жилища», т. е. даже камышитовые лачуги, в которых жили егинши и байские батраки. Подать была уравнительной: крупные баи и бедняки, не имеющие ничего, кроме одного вола или верблюда, платили одинаково. Старшины и султаны, как должностные лица, от подати освобождались.

Сбор покибиточной подати вменялся в обязанность дистаночных начальников, султанов и старшин или специально назначенных для этого людей. Брать подать им разрешалось не только деньгами, но и скотом (по барану с кибитки), с условием, чтобы они сами продавали его и вносили налог деньгами. Сбор подати баранами приносил значительные выгоды старшинам-сборщикам. При сдаче в подать один баран оценивался до 1 рубля 50 копеек серебром, а на линии средняя цена барана была 6 рублей ассигнациями. Разница от продажи шла в пользу сборщиков. Неудивительно, что право сбора кибиточной подати считалось старшинами и пограничными начальниками «вознаграждением за... труды по должности»[52].

Но старшины этим не довольствовались. Подобное положение открывало им широкие возможности для злоупотреблений.

«Бараны эти,— пишет Оренбургская пограничная комиссия,— за неимением у киргизов наличных денег, берутся самые лучшие и после сборщиками переменяваются на худшие и потом продаются по произволу сборщиков дешевле 1 руб. 50 коп. серебром, а недостающее число денег вновь взыскивают с киргизов»[53].

Квитанций об уплате подати сборщики никогда казахам не выдавали. Сбор кибиточной подати с сырдарь-

[52] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 4060, л. 42—43.
[53] Там же, д. 2832, л. 42—43.

инских казахов производился не один, а несколько раз в год. Все это было известно в Оренбурге. Однако никаких мер для прекращения подобных злоупотреблений пограничные власти не предпринимали.

Один из лазутчиков Оренбургской пограничной комиссии, бий шектинского рода Кутлубулатов доносил по поводу злоупотреблений старшин и биев: «Не лишним считаю сказать при этом еще кое-что о своих шектинцах: ныне между ними более бедных, чем богатых, между тем налоги год от года увеличиваются. О кибиточной подати нечего и говорить, потому что она — дело государственное, но несправедливо то, что прочие налоги первые несут одинаково с последними, или, говоря просто, начальствующие в степи и главные бии сильно угнетают киргизов, собирая с них разный скот под предлогом одарения султана-правителя, наблюдателей за кибиточной податью (сборщиков подати.— *Т. Ш.*) и разных посыльных. Частью сего скота они действительно одаривают под видом своей собственности, а часть оставляют в свою пользу. Таким образом, главные лица в степи выслуживаются перед старшинами; следствием чего бывает то, что просьбы бедного клана киргизов остаются невыслушанными, потому, что первые не допускают их к старшему. Через это народ, кочующий в русских пределах, вместо того, чтобы насладиться жизнью, пользуясь своим достоянием, терпит угнетения и насилия, от чего происходят ропот и неудовольствие народа властью.

Я решаюсь доложить вашему превосходительству, что посылка упомянутых наблюдателей и лазутчиков в степь бесполезна, потому что они обирают должностных лиц, а сии последние — своих подчиненных; сам знаю, что Нурмухамед Нурумбаев, будучи наблюдателем в прошлом году у шектинцев, вывез оттуда всякой всячины с лишком на тысячу рублей серебром.

Присем я осмеливаюсь присовокупить еще, что киргизы, кочующие около Уральского укрепления, гонимы старшиною Айкыном Кантаевым и бием Байтлесом, которые по положению своему играют значительную роль при этом укреплении.

Многолетним опытом я доказал, что долгое оставление ордынских властей на одном месте вредно, и, мне кажется, было бы полезнее учредить в степи порядок баллотирования»[54].

---

[54] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 27, л. 79—81.

Чтобы казахи не уклонялись от уплаты подати, существовало правило, за указание уклонившейся от уплаты кибитки доносчику выдавалось «секретно» от одноаульцев по 1 р. 50 к. (серебром). Это также открывало возможности для злоупотреблений.

Но, кроме кибиточной подати, казахи, кочующие по Сырдарье, платили еще ушур в пользу феодалов-родоуправителей.

В казахской степи общинные налоги и повинности использовались феодальной верхушкой для себя. Например, у кишкене-шектинцев, торткаринцев и у казахов некоторых других родов ушур, собранный с казахов для найма караульных, предупреждения набегов хивинцев и кокандцев, становился достоянием родоуправителей[55].

В районе Сырдарьи, от урочища Кара-Тюбе до устья реки, засевалось от 2 до 3 тысяч десятин пшеницы, проса, ячменя, из которых каждая десятина давала по 100 пудов урожая. Большая часть этого хлеба оставалась у батыра Джанходжи — до 600 пудов[56].

Казахи, как пишет Субханкулов, неохотно выполняли эту подать. «Приезжавшие ныне... сын батыра по имени Итжемес увез из собранного здесь в ушур хлеба на 23 верблюдах, на каждом по три мешка, всего около 400 пудов (полагая 6 пудов в мешке). Не все киргизы охотно платили этот сбор, а насилие употребить последние не решались»[57].

В дальнейшем казахи обращались к пограничному начальнику с просьбой разрешить им вносить собираемый в ушур хлеб в счет кибиточной подати — по 3 пуда ячменя с кибитки, так как он расходится по рукам султанов, биев и старшин. Однако пограничная комиссия, чтобы не возбуждать недовольства родовой знати, предписала «против этого сбора, как основанного на народном обычае и религии, киргизам никаких внушений не делать»[58].

Несомненно, что сбор ушура в пользу родовой феодальной верхушки одновременно с выплатой кибиточной подати и других налогов ложился на казахов тяжелым бременем. Они несли также много различных повин-

---

[55] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 3225, л. 13—15.

[56] Там же, л. 23 и об.

[57] Там же.

[58] *Якунин А., Шахматов В.* Восстание в Казахстане в 50-х годах XIX века. — «Известия Казахского филиала Академии наук СССР», 1940, вып. 1, с. 78.

ностей: содержание дорог вблизи укреплений, постройка мостов через мелкие реки, исправление плотин оросительной системы, очистка магистральных арыков, гужевая повинность. Казахи должны были по требованию начальника линии выделять людей для работы по укреплению линии и поставлять скот (верблюдов) для перевозки строительных материалов. Последняя трудовая повинность становилась особенно тяжелой, когда в степи начиналось строительство какого-либо нового укрепления.

Выполнение повинностей, установленных для казахов сырдарьинской линии, отрывало рабочие руки от сельскохозяйственных работ, иногда в самое горячее время — во время посева или уборки хлебов.

Привлечение казахов к строительству укреплений, по свидетельству майора Булатова, начальника форта № 1, было одной из причин восстания 1856—1857 гг. «Имею честь доложить,— писал Булатов Перовскому,— что причины, побудившие киргизов к враждебным действиям против русских, оказываются более или менее следующими: употребление киргизов на крепостные работы, а также притеснение и противозаконные поборы»[59]. К этому следует добавить и ростовщическую деятельность купцов. Сразу после сооружения в низовьях Сырдарьи укреплений, сюда приехали оренбургские купцы, которые стали поддерживать с местными казахами торговые отношения. Район постепенно включался в орбиту колониальной торговли. Купцы через своих приказчиков не только производили мену и торговлю на деньги, но и раздавали товары в долг под баранов, урожай и т. д., т. е. занимались ростовщичеством. Многие казахи попадали в кабалу к ним, особенно в голодные годы.

К 1849 году у казахов, живших на Сырдарье, посевы были уничтожены саранчей. Купить хлеба у казахов Хивинского ханства оказалось невозможным: их посевы также пострадали от саранчи. Из того, что удалось снять, большая часть была отобрана беком Ходжа-Ниязом в ушур хивинскому хану, а оставшееся количество зерна казахи берегли на семена[60]. Джут 1849/50 г., повлекший за собой массовый падеж скота, усугубил положение. В восточной части района, по данным пограничных властей, пали 4241 верблюд, 16 097 лошадей, 11 750

[59] ЦГВИА, ф. 1442, д. 2, л. 25.
[60] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 340, л. 34—35.

голов крупного рогатого скота и 42 790 баранов. Егинши остались без средств к существованию. В начале 1850 г. среди казахов начался голод. «Многих несчастных по крайней их бедности и нищете,— писал Субханкулов об егинши,— ужасный голод истребляет повсюду. Везде, куда ни посмотришь, бродят несчастные, как умалишенные, не зная, что делать с голода»[61].

Богатый оренбургский купец Деев-Зайчиков решил воспользоваться бедственным положением казахов. В Раиме у него было запасено до полутора тысяч пудов проса, пшеницы, ячменя. Через своих приказчиков он стал раздавать умирающим от голода казахам хлеб в долг, с обязательством вернуть в конце года за каждый пуд по два.

Правительство ничего не предпринимало для облегчения положения голодающих казахов. Потерпевшие бедствие в течение долгого времени не могли оправиться и поднять свое хозяйство. Многие из них остались навсегда в долгу у Деева-Зайчикова и его приказчиков, так как отдавали в уплату долга последний скот.

Важнейшей причиной восстания 1856—1857 гг. было изъятие у сырдарьинских крестьян-егинши пахотных земель. После окончания строительства укреплений на Сырдарье и в Приаральском районе у местного населения начали отбирать орошаемые земли и передавать их казакам-поселенцам, которых царское правительство в целях колонизации края стало переселять сюда из Оренбургской и Уральской областей. В 1849 г. около укрепления Раим появились первые 26 семейств оренбургских казаков. Переселение продолжалось в следующие годы в значительно больших размерах[62].

Прибывшим в укрепление Раим была отведена земля в окрестностях озера Камышлы-Баш в урочищах, принадлежащих казахам. Посев следующего года дал поселенцам плохой урожай. Осенью 1850 г. начальник укрепления отвел им другие участки в долине Ак-Ирек, отобрав у казахов лучшую поливную землю[63]. Казахи вынуждены были выбирать себе другие участки, снова проводить арыки, не будучи уверенными в том, что на другой год их с этих мест не сгонят.

Все это гибельно отзывалось на хозяйстве казахов.

[61] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 3515, л. 39—40.

[62] *Добросмыслов А. И.* Города Сырдарьинской области. Ташкент, 1918, с. 54.

[63] Там же, с. 55.

Переселенные сюда казаки в корне подрывали основы земледельческого хозяйства егинши. Это вынужден был признать и Григорьев (председатель пограничной комиссии), который писал, что «... поселение русских земледельцев на Сыре не только не развивает там хлебопашество, но препятствует ему развиваться между киргизами»[64].

В 1855 г. Аральское укрепление (бывшее Раим) было упразднено и переселенцы переведены к форту № 1 (Казалы). На новом месте они заняли также казахские земли. Таким образом, постепенно у казахов были отобраны лучшие пахотные и сенокосные угодья. К 1857 г. около трех тысяч казахских семейств было согнано с удобных орошаемых земель и переселено в места, где не было пахотной земли и воды для орошения[65].

Султан Баймухамедов и начальник 28 дистанции зауряд-хорунжий султан Арунгазиев, донося в мае 1857 г. о причинах восстания, писали: «Киргизы, кочующие в числе 3000 кибиток в местах Ак-Ирек и Ак-Бай, по берегу Сыра, занимаясь земледелием, сенокосом и добыванием других потребностей для существования, были переводимы против своих желаний к тому берегу Сыра, где не имели возможности заниматься ни земледелием, ни сенокосом»[66]. Для обезземеленных казахов источником существования оставалось рыболовство, но оно не могло им быть в течение всего года.

Царское правительство безразлично относилось к судьбе обезземеленных казахов. Пограничные власти в интересах колонизации края могли согнать любое отделение или род с его старых кочевий[67].

Изъятие земель у казахов как основную причину восстания признавали и руководители колониальной политики края. Так, например, тот же Григорьев писал: «В окрестностях Казалинского форта отвращают киргизов от земледелия придирки к ним и казачья жадность русских переселенцев, которые готовы захватить у них все пространство, удобное для землепашества; придирки и жадность... в 1856 г. послужили главным поводом к

---

[64] *Веселовский Н. И.* В. В. Григорьев по его письмам и трудам, 1816—1881 гг. СПб., 1887, с. 20.

[65] Там же, с. 22.

[66] ЦГА КазССР, ф. 4/5, д. 27, л. 94—95.

[67] *Веселовский Н. И.* В. В. Григорьев по его письмам и трудам, с. 20.

восстанию туземного населения под знаменем известного Джанходжи»[68].

Одним из основных жизненных вопросов для жителей низовьев Сырдарьи был вопрос о земле. Недовольство среди казахов росло с каждым годом и, наконец, вылилось в открытое выступление. Поводом к выступлению послужили произвол и самоуправство чиновника Сырдарьинской линии переводчика Ахмерова. Он жил в форте Казалы, считался помощником Осмоловского* и от его имени управлял казахами ближайших к форту районов, всячески обирая их.

В 1856 г. Ахмеров решил притеснить батыра Джанходжу. Он послал в аул Нурмухамедова своих приспешников, приказав собрать там так называемые «подарки». Но батыр не позволил производить сбор, заявив, что подобный сбор ни в коем случае «не должен иметь места по российскому закону» и выпроводил их из аула. Рассерженный Ахмеров явился в аул сам и стал взыскивать в виде штрафа «за сопротивление его приказаниям 6 лошадей и столько же халатов»[69]. Это переполнило чашу терпения старого батыра. Он решил, «чтобы избавиться от сих гонений в отвращение худших последствий, могших произойти через такое управление», поднять восстание и завладеть Казалинским фортом[70].

События развертывались значительно быстрее, чем предполагали чиновники Сырдарьинской линии и чем успевали сообщать о них многочисленные добровольные и штатные лазутчики. Весь район Казалы охватило восстание, в котором приняли участие почти все казахи, жившие в низовьях Сырдарьи.

К середине декабря 1856 г. у Джанходжи было уже до 1500 вооруженных казахов. База их находилась вблизи бывшей крепости Джан-Кала. Однако батыр не сделал ни одной попытки восстановить ее и превратить в настоящую военную базу повстанцев. Нурмухамедов организовал несколько подвижных отрядов. Один из них, насчитывавший 200 человек под начальством есаула Чабакова, Алимова и Ауменова, находился в самой крепости и ждал, пока станет река, чтобы перейти на

---

[68] *Веселовский Н. И.* В. В. Григорьев, по его письмам и трудам, с. 20.

* И. Осмоловский был представителем Оренбургской пограничной комиссии на Сырдарьинской линии.

[69] ЦГА КазССР, ф. 4/5, д. 27, л. 94—95.

[70] Там же, л. 79—81.

правый берег и напасть на поселения, расположенные вблизи форта[71].

Джанходжа приказал казахам готовить оружие, боеприпасы и запасать продукты. Во все концы степи он разослал есаулов, чтобы призвать к участию в восстании казахские общины, еще стоявшие в стороне от движения. Так, 30 декабря он послал Кульбарака со 100 человеками в Кара-Кумы с приказанием пригнать на Сырдарью все кочующие там аулы. «Почти вся орда взбунтовалась и собирается на пространстве между урочищем Арыкбалык и Аральским морем»[72],— доносил майор Булатов оренбургскому губернатору.

Общепринято, что в восстании, руководимом Джанходжой Нурмухамедовым, участвовали лишь кишкенешектинцы. Однако это неверно. Среди повстанцев были казахи и других родов, в частности, карасакал и торткара. «В шайках Джанходжи карасакаловцы, кишкенешектинцы и часть торткаринцев»[73],— сообщал начальнику Сырдарьинской линии Фитингофу начальник Уральского укрепления майор Михайлов.

В восстании участвовали не только егинши, оседло живущие на Сырдарье, но и кочевые отделения и общины из близлежащих к Казалы и Аральскому морю районов. К повстанцам присоединились несколько сот казахов, пришедших из Барсуков. Это были в основном казахи рода шекты, управляемого батыром Есетом Котибаровым.

В другом документе — донесении лазутчика Кутлубулатова — о составе участников указывалось следующее: «Целью его (Джанходжи.— *Т. Ш.*) было завладеть Казалинским фортом, как главным, по его мнению, виновником сих бедствий, для сего предприятия он склонил своих кишкене-шектинцев, кераитских ходжей, чумекеевцев, торткаринцев, карасакаловцев и каракетинцев»[74].

Многие из повстанцев были бедняки-джатаки. Начальник Уральского укрепления майор Михайлов на основании донесений лазутчиков сообщал: «Численность шаек простирается до трех тысяч человек, большая часть лошадей в крайне худом теле. Исправно вооруженных очень мало, есть джигиты только с топором или

[71] ЦГВИА, ф. 1442, оп. 1, д. 2, л. 33.
[72] Там же, л. 100—103.
[73] Там же, л. 99.
[74] ЦГА КазССР, ф. 4/5, д. 27, л. 79—81.

мотыгой и нередко — на быке; начали показываться совсем пешие»[75]. В другом донесении майора Перовскому говорилось: «Мятежники не все вооружены; есть даже без лошадей, на быках и жеребятах»[76].

Надо отметить, это первый случай, когда в восстании подобного рода участвовали пешие. Наличие в рядах повстанцев безлошадных казахов характеризует социальный состав участников движения. Лишь немногие бедняки-повстанцы имели огнестрельное оружие — мултыки.

Почти повсюду около форта были расставлены пикеты повстанцев, чтобы предупредить батыра в случае выступления войск из форта. Начальник форта майор Булатов неоднократно пытался захватить эти пикеты, высылая небольшие конные группы, но при их приближении пикетчики скрывались в направлении Джан-Калы.

Слухи о связи Джанходжи с Хивой и его обращении за помощью к хивинскому хану не имели оснований. Очевидно, они исходили от сторонников батыра и были внушены простым желанием подбодрить себя и побороть колебание той части казахов, которая сомневалась в успехе дела и не знала, присоединяться к повстанцам или нет.

В конце декабря 1856 г. форт был осажден повстанцами. В период осады неоднократно происходили стычки между повстанцами и группами войск, совершавших вылазки под руководством Булатова или других офицеров.

28 декабря начальник форта доносил генерал-губернатору Перовскому: «В настоящее время, кроме северной стороны, форт окружен повсюду рассеянными шайками мятежных киргиз, которые при всяком движении нашего отряда отходят в глубь степи, и потому гарнизон находится в постоянной готовности встретить нападение хищников на крепость и притом должен заниматься перевозкой сена и приведением слабых частей форта в оборонительное положение»[77].

Пограничные власти были очень встревожены возможностью соединения повстанцев Джанходжи с отрядами Есета Котибарова. Как известно, в этот период восстание Котибарова еще продолжалось. Он находился вблизи северного побережья Аральского моря, в песках Малые Барсуки. Пограничные власти послали десятки лазутчиков в кочевья Есета, чтобы выяснить его отноше-

[75] ЦГА КазССР, ф. 4/5, д. 27, л. 16—17.
[76] Там же, л. 3—4.
[77] ЦГВИА, ф. 1442, оп. 1, д. 2, л. 35—40.

ние к Джанходже. По слухам, Джанходжа в начале восстания посылал к Есету своего сына с предложением прийти к нему на помощь. Один из лазутчиков начальника Уральского укрепления доносил, что Есет Котибаров в конце декабря был в урочище Кок-Аликул с 50 вооруженными казахами, «но это число может увеличиться, если присоединится к нему часть кабаковцев, желавших перейти на сторону Нурмухамедова»[78]. Передавали, что Котибаров готовится к переходу со своими аулами и скотом к Джанходже, но ожидает, пока замерзнет залив Аральского моря Сары-Чаганак, чтобы двинуться кратчайшим путем. Все данные говорили за то, что Есет принял предложение Джанходжи.

Получив эти сообщения, майор Булатов отправил своих лазутчиков к кочевьям Есета с приказанием немедленно донести ему, если Котибаров появится на восточном побережье Аральского моря. В случае движения Есета к форту Булатов намерен был выслать отряд казаков при одном или двух орудиях, чтобы встретить Котибарова за озером Камышлы-Баш или близ колодца Санаки и не допустить его соединения с Джанходжой.

«Лазутчики утверждали также,— пишет Булатов,— что к Джанходже скоро должен присоединиться Есет Котибаров и чумекеевского рода бий Джарилгап со своими шайками»[79].

Предположения майоров Михайлова и Булатова о возможности соединения Есета Котибарова с Джанходжой имели основание. Архивные данные, в частности показания разосланных по степи шпионов, говорят о том, что Есет собирался двинуться на помощь Джанходже, но не успел этого сделать. Когда заливы Аральского моря покрылись льдом, с восстанием Джанходжи уже было покончено.

В некоторых работах высказано иное мнение: соединение батыров не могло произойти, так как «Есет в то время... не имел достаточной силы»[80]. Но авторы сами пишут о том, что утром 19 января из Кара-Кума, т. е. из кочевий Есета, в район форта прибыло до 500 казахов.

Есть также предположение, что Есета отговорили идти на помощь Джанходже бии рода чумекей и торт-

[78] ЦГВИА, ф. 1442, оп. 1, д. 2, л. 21.

[79] Там же, лл. 100—103.

[80] *Якунин А., Шахматов В.* Восстания в Казахстане в 50-х годах XIX века.— «Известия Казахского филиала Академии наук СССР, серия историческая», 1940, вып. 1. с. 89.

кара. Действительно, бии Атбан Малгарин и Казбек Кулыбаев занимали враждебную позицию по отношению к Джанходже. Они были против присоединения торткаринцев к Нурмухамедову, высылали своих людей для сбора сведений о силах и намерениях повстанцев, а затем сообщали их начальнику Уральского укрепления. Торткаринские бии явились к майору Михайлову лично и, «с негодованием отозвавшись о своих однородцах, присоединяющихся к Джанходже», обещали майору дать сто верблюдов для перевозки тяжестей и войск с тем условием, чтобы им позволено было получить вознаграждение за это с казахов, содействовавших Джанходже. Эти же бии согласились, чтоб все издержки, произведенные в связи с вызовом войск с линии для подавления, были взысканы с участников восстания[81].

Но архивные документы не дают основания заключить, что на поведении Есета отразилось влияние торткаринских и чумекеевских биев. Есет был достаточно самостоятелен в своих действиях и не особенно прислушивался к голосу биев.

Казахи, кочевавшие на севере от Аральского моря, т. е. в районе влияния Есета, оказывали содействие повстанцам: прерывали сообщение форта № 1 с Уральским укреплением, задерживали связных, почтарей и т. п.

События, развернувшиеся вблизи форта, встревожили оренбургские пограничные власти. В Оренбургскую пограничную комиссию от начальника Уральского укрепления, от начальника форта № 1 и с Сырдарьинской линии приходили донесение за донесением. Это заставило генерал-губернатора Перовского принять решительные меры. Он отдал распоряжение командующему Сырдарьинской линией генерал-майору Фитингофу выступить в поход для подавления восстания. «Не сомневаюсь,— писал он,— что с вашим появлением дело примет совершенно иной оборот и что вашими благоразумными и твердыми распоряжениями не только будет восстановлен нарушенный порядок, но и виновные понесут заслуженное наказание». При этом Перовский подчеркивал, что до сего времени казахам «не случалось еще никогда до такой степени встревожить ни одного гарнизона наших укреплений»[82]. Он потребовал выяснить

---

[81] *Якунин А., Шахматов В.* Восстания в Казахстане в 50-х годах XIX века, с. 90.

[82] ЦГВИА, ф. 1442, оп. 1, д. 2, л. 60—61 и об.

причины восстания, считая, что вымогательство старшин, назначенных Ахмеровым, не повод для таких волнений.

Получив распоряжение Перовского, генерал-майор Фитингоф выступил из Ак-Мечети и 1 января 1857 г. уже был в форте № 2 (Кармакчи). В его отряде насчитывалось 265 солдат при двух орудиях. В качестве «подсобной силы» к Фитингофу присоединился Елекей Касымов с отрядом казахов в несколько сот человек. В дальнейшем этот султан принимал активное участие во всех операциях царских отрядов.

Из форта № 2 Фитингоф двинулся по берегу Сырдарьи, намереваясь 4 или 5 января быть в Казалах. Будучи в пути, он отправил приказ майору Булатову выслать ему навстречу летучий отряд при одном единороге и ракетном станке. Численность отряда он определил в 125 человек пехоты, из них 50 штуцерных с продовольствием на 5 дней[83].

До прибытия генерала майор Булатов решил выяснить расположение основных сил повстанцев. 3 января он двинулся на левый берег Сырдарьи, к развалинам Джаркента (недалеко от крепости Джан-Кала). По пути не было встречено ни разведки повстанцев, ни их летучих отрядов, ежедневно высылаемых к крепости. Вблизи Джаркента майору удалось захватить казаха, который рассказал, что Джанходжа перешел на правую сторону реки, чтобы напасть на форт. По показаниям этого казаха, у Джанходжи было не менее тысячи человек. Встревоженный этим известием, Булатов повернул обратно и в 10 часов вечера прибыл в форт. 4 января он выступил из форта на соединение с подходящим отрядом. По донесениям разведчиков, Джанходжи вблизи не было. Он находился в урочище Арыкбалык. Вскоре отряд майора соединился с отрядом Фитингофа недалеко от урочища Казалы, и вместе они двинулись к крепости. По пути Фитингофу встретилось несколько аулов егинши. Это были бедняки, которые, не имея лошадей, не могли влиться в ряды повстанцев[84].

Собрав сведения о местопребывании Джанходжи, Фитингоф выступил с большим отрядом. Артиллерийский огонь прямой наводкой заставил повстанцев рассыпаться. После короткого рукопашного боя восставшие отступили.

[83] ЦГВИА, ф. 1442, оп. 1, д. 2, л. 113—114.
[84] Там же, л. 79—81.

Бии, султаны и другие лица, участвовавшие в подавлении восстания сырдарьинских казахов, в конце 1857 г. были представлены генерал-майором Фитингофом и майором Булатовым к наградам. Бий Байкадамов за усердие, проявленное в карательной экспедиции, получил благодарность от губернатора и был награжден серебряной медалью на анненской ленте, бий Таимов удостоился серебряного перстня. Благодарность губернатора и награды получили также султан Касымов, бий табынского рода Истеков, «почетный казах» рода алтын-таскыр Даиров (один из трех казахов, оставшихся в форте во время восстания), Тулебаев и др. Один из биев чумекеевского рода Масанов был отмечен «за непринятие никакого участия в восстании Джанходжи» 150 рублями серебром[85].

Преследуемый царскими войсками Джанходжа продолжал отходить побережьем Аральского моря в направлении урочища Даукара*.

На Даукаре казахи испытали большие лишения, так как местность была не пригодной для пастьбы скота. Кроме того, с Джанходжой ушли в основном обедневшие казахи, которые не имели возможности купить землю у хивинских беков.

Тяжелая участь постигла аулы участников восстания. Было конфисковано 1400 голов крупного рогатого скота[86]. Сведений об общем количестве захваченного скота в официальных источниках нет[87].

В результате карательных мер егинши остались без рабочего скота и коров. Скот забирали даже в аулах, не принимавших участия в восстании, что вынуждены были отметить даже пограничные власти. Генерал-губернатор Катенин, назначенный вместо Перовского, писал 4 сентября 1857 г. председателю Оренбургской пограничной комиссии: «При наказании неминуемо пострадала большая часть невинных и к тому же беднейших киргиз»[88].

---

[85] ЦГА КазССР, ф. 384, оп. 1, д. 1, л. 8.

* Урочище Даукара расположено на южном берегу Аральского моря. Это пустынное песчаное место на территории Хивинского ханства. Зимой здесь почти никто не кочевал, ранней весной в этом районе появлялось несколько аулов хивинских казахов и каракалпаков.

[86] ЦГА КазССР, ф. 4/5, д. 27, л. 126.

[87] *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, с. 33.

[88] ЦГА КазССР, ф. 4/5, д. 27, л. 126.

Среди казахов начался голод, от которого многие гибли. «Я имел случай убедиться, — писал Л. Мейер,— что на всем низовьи Яныдарьи почти весь скот был уничтожен, а люди, умирая с голоду, тащились пешком к линии, надеясь около русских фортов чем-нибудь прокормиться. Другая часть несчастных... ушла в Хиву»[89].

В отношении к командующему Сырдарьинской линией генерал-губернатор Катенин писал о характере репрессий против казахов: «Я вполне разделяю ваше мнение о необходимости наказания виновных аулов и взыскания с них всех убытков, причиненных мятежом, в коем они более или менее принимали участие. Но... с другой стороны, я не полагаю, что задержание в большом количестве почетных ордынцев в форте могло бы навести страх на бунтовщиков, и, следовательно, могло принести пользу. Нет сомнения, что многие из этих почетных бедняков были бы даже очень довольны, если бы их до весны прокормили и согрели»[90].

Катенин даже решился на «гуманный жест» — освободил пострадавшие аулы от сбора кибиточной подати. «Нельзя без вредных последствий подвергать этих легкомысленных лишению средств пропитания за бездействие их против Нурмухамедова или даже сочувствие ему, я желал бы по возможности облегчить участь этих ордынцев сложением с них недоимки кибиточной подати за прежние годы и невзиманием таковой за текущий год»[91].

Однако начальник Сырдарьинской линии Фитингоф не унимался. По его приказанию казахи торткаринского рода, зимовавшие на правом берегу реки, были принуждены к бесплатной поставке 1140 верблюдов для перевозки отрядов с Оренбургской линии на Сырдарью, но так, «чтобы не участвовавшие в бунте сами взыскивали следующую им за верблюдов плату с тех однородцев своих, которые принимали в нем участие»[92]. Нетрудно догадаться, какие это давало возможности торткаринским биям, не участвовавшим в движении, для ограбления своих однородцев при взыскании платы.

Таким образом, в результате действий карательных отрядов и последующей репрессивной политики погра-

---

[89] *Мейер Л.* Киргизская степь..., с. 85.
[90] ЦГА КазССР ф. 4/5, д. 27, л. 26—27.
[91] Там же, л. 126.
[92] Там же, л. 110 и 110 об.

ничных властей экономика казахских хозяйств на Сырдарье была подорвана. Но все же здесь, на старых зимовьях и на старых пашнях, было лучше, чем в далекой Хиве, в песках урочища Даукара. Там нельзя было вести земледельческое хозяйство, а на Сырдарье все же его можно было восстановить.

Постепенно с левого берега на правый, к форту № 1 и в урочища Камышлы, Арыкбалык, Ак-Ирек и другие стали возвращаться семьи казахов. В основном это были егинши-бедняки. Количество вернувшихся хозяйств возросло к осени.

В сентябре 1857 г. казахи, кочевавшие на Даукаре, возбудили ходатайство о разрешении возвратиться на Сырдарью. Первыми через муллу Калметдина к пограничным властям обратились бии Бикбаулин, Дарманкулов, Мусульманов и др. Они прислали мулле письмо, в котором просили его через правителя средней части жуза походатайствовать перед пограничными властями о прощении и о разрешении им с 300 подведомственными кибитками кишкене-шектинского рода перекочевать на Сырдарью. Через некоторое время с такой же просьбой через муллу обратился и Джанходжа[93].

После разгрома восстания на Сырдарье хозяйство казахов переживало кризис. Это привело к тому, что данный район выпал на 1857 г. из орбиты колониальной торговли. Общий оборот России в торговле с Младшим жузом уменьшился. В 1856 г. на меновые дворы Оренбургского таможенного округа было приведено казахами 490 504 головы крупного и мелкого скота, а в 1857-м — 398 954 головы скота, т. е. на 91 550 голов меньше. Одновременно сократилось и количество продуктов скотоводческого хозяйства (кожи, шерсть, мерлушка, козий пух, сало и т. д.), продаваемых казахами в Россию. Так, в 1857 г. было продано продуктов скотоводства на 226 888 руб. 81 коп., или на 5547 руб. 47 коп. меньше, чем в 1856 г.[94]

В такой же пропорции сократился в 1857 г. и вывоз товаров российской промышленности в казахскую степь.

Царское правительство после восстания 1856—1857 гг. не изменило своей политики в отношении к сырдарьинским казахам. Сбор кибиточной подати сопровождался такими же злоупотреблениями. В 1857 г. было собра-

[93] ЦГА КазССР, ф. 4/5, д. 27, л. 122—123.
[94] Там же, д. 4030, л. 15—18.

но 170 689 руб., т. е. на 10 797 руб. больше, чем в 1856 г.[95]

По-прежнему у казахов брали верблюдов, причем условия найма стали более жесткими. Так, еще в феврале 1857 года штаб отделения Оренбургского корпуса предложил пограничной комиссии собрать с жуза к концу мая 4159 верблюдов. При этом плата за их наем была определена 5 рублей серебром в месяц[96]. По-прежнему султаны-чиновники и старшины, производившие сбор верблюдов, обманывали казахов, присваивая себе и верблюдов и плату за их использование.

После подавления восстания царское правительство стало чувствовать себя увереннее на Сырдарье. Можно считать, что с 1857 г. все низовье Сырдарьи и часть среднего течения подпали под власть царской администрации. Зависимость сырдарьинских казахов от России усилилась. В каждом роде и отделении начальниками теперь назначали только султанов и старшин, которые фактически являлись чиновниками Оренбургской пограничной комиссии.

Джанходжа после разгрома восстания и ухода с Сырдарьи утратил значение как управитель рода кишкенешекты, хотя по-прежнему пользовался большим авторитетом. Престарелый батыр и не пытался восстановить свою власть над кишкене-шектинцами. Он отстранился от дел, но продолжал выполнять функции народного бия: решал спорные дела между отдельными казахами, которые охотно обращались к нему, зная его честность и неподкупность.

Батыр Есет Котибаров к этому времени также прекратил борьбу, капитулировал и перешел на службу к царизму.

Политическое значение батыров как социальной группы казахского общества постепенно сходит на нет. В 60-70-х годах XIX в. усиливается роль султанов и старшин, находящихся на службе в пограничной комиссии. Так, пользовавшийся доверием местных пограничных властей султан Елекей (Ермухамед) Касымов «консультирует» царских чиновников по вопросам управления, сопровождает торговые караваны со своими джигитами до границ Бухары, ведет сбор налогов и т. д. За услуги царскому правительству он получает сначала чин войскового

[95] ЦГА КазССР, ф. 4/5, д. 4030, л. 20—21.
[96] Там же, д. 4753, л. 1—2.

старшины и должность управляющего родом чумекей, затем чин подполковника и, наконец, полковника. Его советы чрезвычайно ценятся пограничными властями, а его слово — закон для казахских старшин. Здесь, на Сырдарье, устанавливается та же система управления, что и вблизи Уральской пограничной линии.

«Выступления шектинцев, как и сырдарьинских егиншей в 1856—1857 гг., было мелкой крестьянской вспышкой против колониального гнета. Оно было незначительным по количеству участников и локальным»[97].

* * *

Как известно, трудящиеся Южного Казахстана находились под гнетом кокандских беков. Кокандское правительство, как и хивинское, проводило на завоеванной территории политику грабежа и насилия: население облагалось непомерными налогами. «За их неуплату кокандские зякетчики забирали имущество, увозили казахских и киргизских девушек, в случае уклонения от налогов и повинностей казахские и киргизские аулы подвергались жестокому разгрому, женщины и дети угонялись в Коканд и продавались на рынках»[98].

Казахи, кочевавшие по берегам р. Чу и в районах Аулие-Аты, Чимкента, Туркестана, Арыси, Мерке, Сайрама, Чулак-Кургана, Яны-Кургана, выступили с оружием в руках против кокандских ханов и поддерживавших их казахских султанов.

Наиболее крупным протестом казахов против гнета кокандских феодалов было восстание, начавшееся в марте 1858 г. в районе Аулие-Аты. Главной движущей силой восстания явилось угнетенное казахское и киргизское крестьянство. Оно охватило площадь от Чимкента до крепостей Мерке и Пишпек.

Этой территорией управлял ташкентский бек Мирза-Ахмет. Он отбирал у казахов и киргизов земли и передавал их своим приближенным, беспощадно взыскивал зякет, а у бедняков, обремененных недоимками, забирал детей и продавал в рабство. В 50-х годах Мирза-Ахмет установил дополнительный налог по одной тилля (3 руб. 50 коп.) с каждой девушки и незамужней женщины. Жалобы казахов и киргизов на Мирзу-Ахмета кокандский хан оставлял без внимания. Недовольство масс росло. В аулах стали собираться вооруженные повстан-

[97] История Казахской ССР, т. 1. Алма-Ата, 1957, с. 347.
[98] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 3108, л. 157—160.

цы. Вскоре они окружили кокандские гарнизоны в Токмаке, Аулие-Ате, Чимкенте. В борьбе с кокандскими феодалами вместе с казахами активное участие принимали киргизы.

Главные силы повстанцев сконцентрировались в районе Аулие-Аты. Они осадили крепость и перерезали все пути, связывающие ее с Ташкентом. Под Пишпеком отряды кокандцев потерпели поражение. Успешно развивалось движение и в районе Чимкента, где повстанцы разогнали отряды, взимавшие подати с населения, и убили племянника Мирзы-Ахмета — Мирзу-бия.

Мирза-Ахмет с отрядом в 3 тысячи человек напал на казахов, снял осаду с Аулие-Аты, но подавить восстание не смог[99]. Восставшие казахи и киргизы двинулись к Аулие-Ате и снова осадили крепость, в которой укрепился бек. Посланные из Ташкента на помощь осажденным кокандские войска были оттеснены. Повстанцы заняли горные проходы и дороги, прервали всякое сообщение между городами. Мирза-Ахмет отправил гонца к кокандскому хану с просьбой о помощи. Из Коканда было послано войско, одним из отрядов которого командовал сын Кенесары Касымова султан Тайчик.

Узнав о появлении кокандских войск, аулы повстанцев начали перекочевывать на территорию, находившуюся под властью России. В район р. Сарысу откочевало 12 тысяч кибиток, к форту Перовский — 4700 кибиток.

В мае 1858 г. восстание распространилось на отдельные районы Южного Казахстана. Повстанцы заняли крепости Сузак, Мерке, Чулак, окружили Яны-Курган и Туркестан[100].

Опасаясь дальнейшего развития народного движения, казахские феодалы и киргизские манапы пошли на соглашение с кокандскими беками и предали восставших. В июле 1858 г. казахские бии во главе с Канаем отправились в Коканд, где были приняты ханом Худояром, который пошел на некоторые уступки. Правителем Ташкента вместо ненавистного народу Мирзы-Ахмета был назначен младший брат хана Мурат-Аталык. Кокандское правительство направило против восставших новые отряды, и восстание было подавлено с большой жестокостью.

---

[99] ЦГА КазССР, ф. 383, д. 81, л. 25.

[100] Из письма Н. А. Северцева из форта Перовского от 25 мая 1858 г. См: *Дементьев Г. П.* Н. А. Северцев. М., 1940, с. 57.

Неорганизованность и стихийный характер движения, предательство казахской феодальной верхушки обусловили его поражение. Восстание казахов в 1858 г. было совместным выступлением казахских и киргизских трудящихся против кокандского феодального гнета и по своему характеру было народно-освободительным, прогрессивным. Оно было направлено на освобождение казахов и киргизов от угнетения кокандских феодалов.

* * *

Но не все национальные движения в истории Казахстана были прогрессивными. Некоторые из них носили реакционный, феодально-монархический характер. Зачастую ханы и султаны в своих корыстных классовых интересах выступали против присоединения Казахстана к России, боролись против своего народа.

Проникновение царизма в Казахстан во многом ущемляло привилегии и права ханов и султанов. Так, в 1822 г. была ликвидирована ханская власть в Среднем жузе, в 1824 г. — в Младшем жузе. Одновременно в Казахстане была введена новая система управления, приближенная к российской. Таким образом, султанской группе в 20—30-х годах XIX века наносится серьезный удар — они лишаются ханской власти, т. е. права сбора в свою пользу с трудящихся казахов налогов (согум, зякет), пошлин, права суда, а также права распределения кочевьев, владения тюленгутами и т. д.

Казахские султаны, поняв, что они теряют при утрате власти и привилегии, пожелали «освобождения» Казахстана, восстановления своего господства над казахским народом силой оружия. Выступлением такого рода является движение султана Каратая Нуралиева (1797—1814 гг.), султана Арынгазы Абулгазыева (1816—1821 гг.). Это была по сути дела борьба султанских групп за ханскую власть, при этом они не гнушались никаких средств для достижения цели. Так, султан Каратай холопствовал и перед хивинским ханом, и перед царской администрацией, а султан Арынгазы использовал мусульманское феодальное право — шариат.

Наиболее крупным из реакционных движений было выступление, возглавляемое Кенесары Касымовым. Еще в 1824 г. Касым, отец Кенесары, его старший брат Саржан, добиваясь восстановления ханской власти и передачи ханского титула Касымовым, производили набеги на русские поселения и караваны, грабили население

казахских аулов, не желавшее им подчиняться. Поэтому вслед за отменой ханской власти в Среднем жузе «обнаружилось и сопротивление распоряжениям со стороны некоторых султанов, нашедших новый устав стеснительным для своеволия, к которому они издавна привыкли. Во главе всех беспокойных стало семейство Касыма Аблайханова»[101]. В течение нескольких лет, при поддержке соседних феодальных государств, в частности, кокандского хана, Кенесары и Саржан разоряли казахские аулы.

В 1837 г. с оружием в руках против присоединения Казахстана к России, за восстановление своих привилегий выступил султан Кенесары Касымов, по существу продолжавший реакционную линию султанов Каратая, Габайдуллы и Саржана. Кенесары ставил своей целью восстановить в Казахстане ханскую власть, сохранить адат и средневековые патриархально-феодальные порядки, увековечить право на эксплуатацию. Его поддерживали казахские султаны, как и он, недовольные ущемлением своих прав. Султаны Наурызбай, Абулгазы, Худайменды, Иржан, Иса и другие составляли ближайшее окружение Кенесары. Они считали своей собственностью казахский народ и казахские земли, «доставшиеся по наследству от деда Аблая»[102]. Движение, таким образом, имело совершенно определенную, четко выраженную феодально-монархическую программу, ничего общего не имевшую с подлинными интересами казахского народа.

Кенесары Касымов создал из своих тюленгутов вооруженные шайки, которые нападали на казахские аулы, грабили население и силой оружия заставляли казахов признавать Кенесары своим ханом. Есаулы и зякетчи Касымова вели себя в казахских аулах, как в завоеванной местности: грабили имущество, забирали скот, захватывали женщин и девушек. Следуя заветам своего деда Аблая, Кенесары разжигал родовую вражду, натравливая друг на друга казахские роды. Он был варварски жесток по отношению к мирному населению. По его приказанию людей пытали и убивали. Кенесары вымогал себе в наложницы казахских девушек, захватывал в плен казахов и держал их в цепях, подвергая жестоким пыткам и издевательствам. Так, он приказал за-

[101] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, л. 342; ЦГАДА, разд. XI, 1845, д. 1217, л. 2—11.

[102] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 2547, л. 68.

ковать в цепи и пытать девять казахов рода назар «за то, что отказали ему в девке, которую он захотел взять в наложницы»[103].

Современники говорили, что Кенесары за малейший проступок «наказывает смертью или рассечением головы». «Жестокости, которые часто позволяет себе Кенесары, возбуждают неудовольствие даже и его приверженцев»[104], — отмечала Оренбургская пограничная комиссия на основании донесений очевидцев, побывавших в его ауле.

Особенно жестоко преследовал Кенесары население тех казахских аулов, которое дружественно относилось к России, к русским.

Казахи неоднократно обращались с просьбой к пограничным властям «довести до сведения высшего начальства..., если считают нас подданными своими, то сделать распоряжение об устранении нас от нападений Кенесары, потому, что он отнимает кочевья наши и берет с нас зякет, а в случае сопротивления нашего грабит аулы наши»[105].

Феодально-монархическое движение Кенесары Касымова никогда не пользовалось поддержкой широких народных масс и никогда не было массовым народным движением.

Как свидетельствуют исторические факты, войско Кенесары имело 1000—1500 кибиток и состояло в основном из его родственников и тюленгутов.

В рапорте поручика Герна, побывавшего у Кенесары, записано: «Скопище султана Кенесары Касымова состоит из собственных его тюленгутов (до 1000 кибиток), которые достались ему в наследство от Аблайхана и большею частью калмыцкого происхождения, и до тысячи же кибиток пришатнувшихся к нему бродяг и барамтовщиков разных племен» и что из всего этого скопища «составляется отборного войска, вооруженного пиками и саблями, от 450 до 500 человек»[106].

Если принять во внимание, что в это время в Среднем жузе насчитывалось до 500 тысяч душ обоего пола, то количество сторонников Кенесары составит едва один процент населения жуза. Как же ничтожна цифра количества участников этого реакционного движения по отно-

[103] ЦГА КазССР, ф. 4, д.2621, л. 932.
[104] Там же, л. 882.
[105] Там же, д. 2788, л. 295.
[106] Там же, д. 2621, л. 927—931.

шению к общему количеству населения Казахстана, которое достигало в то время трех миллионов человек.

Возмущенные разбоем Кенесары, поборами и самоуправством его есаулов, трудящиеся казахи открыто выступили против него. Так, например, когда в 1844 году в аулы рода жаппас приехал брат Кенесары султан Наурызбай с отрядом есаулов и под предлогом сбора зякета стал отбирать имущество, взыскивая даже «за приезд к невесте для свидания и отбирая масло и курт», издевался над населением, жаппасцы, не вытерпев «этих посрамлений и насилий»[107], решились на вооруженное выступление против шайки Наурызбая. Они уничтожили почти весь отряд грабителей, спастись удалось только султану и нескольким есаулам.

В других казахских родах и общинах также давали отпор Кенесары и его приспешникам. Казахи выгоняли из аулов насильников, отбирали у них награбленный скот и имущество, заявляя при этом, что «они нисколько не хуже жаппасцев... поступят так же, как и они»[108]. Так, например, назаровцы выдворили из аула племянника Кенесары султана Иржана, отобрав у него награбленное. Летом 1844 г. казахи отделения тлеу рода шекты дважды нападали на аулы Кенесары и угоняли скот[109]. Казахи с оружием в руках боролись против сборщиков зякета Кенесары — всего к концу 1844 г. из его отрядов было убито до 350 человек[110].

Кенесары жестоко расправился с жаппасцами: 137 аулов были разгромлены, скот и имущество разграблены. Более 500 мирных казахов убито. Погибло много женщин и детей. На месте жаппасских аулов остались только решетки от юрт[111]. В архивных данных говорится: «Близ песков Кара-Кум было разбито до 70 аулов япасского рода утеулинского и камымбетовского отделения, угнан при этом весь скот и убиты все киргизы, за исключением двух бежавших киргизцев»[112]. У жаппасцев было захвачено в общей сложности до 80 тысяч баранов, которые затем были хищнически истреблены в ставке Кенесары его есаулами и барымтачами.

Но жестокие расправы не могли остановить борьбы

---

[107] ЦГА КазССР ф. 4, д. 2757, л. 66—70.
[108] Там же.
[109] Там же, д. 2547, л. 52—54.
[110] Там же, д. 2549, л. 90—103.
[111] Там же, д. 2557, л. 211—213.
[112] Там же, д. 2627, л. 27.

казахских трудящихся против Кенесары. Он сам знал о враждебном отношении к нему народных масс. В одном из писем председателю Оренбургской пограничной комиссии Кенесары писал, что если он прекратит действовать против России, то «черный народ не будет обижать его»[113].

Особого внимания заслуживает вопрос о тесных связях Кенесары Касымова с ханами Коканда, Хивы и Бухары, стремившимися поработить казахский народ и помешать присоединению Казахстана к России. При этом следует иметь в виду, что за спиной феодальных среднеазиатских владетелей стояли английские колонизаторы, всячески поддерживавшие и направлявшие борьбу этих ханов против России.

Связи Кенесары с среднеазиатскими ханами подтверждают документы. «Кенесары кочует в Каракум при урочище Кикбайе, южнее Кулдужумура, — говорится в одном из них (декабрь 1844 г.).—... Дюрткаринцы и чумекеевцы хотя кочуют недалеко от него и отдали зякет 1100 баранов и последние 1300, но не из усердия, а из страха, что Кенесары этих баранов послал в Хиву для продажи или промена на оружие и с тем вместе отправил туда в подарок хивинскому хану 30 иноходцев и двух русских пленников с посланником по имени неизвестным и просил хана одарить его двумя пушками и 200 шамхалов (ружей) для отражения русских. Этот посланник из Хивы долго не возвращался, и потому Кенесары послал двух человек, каждый для разведывания по тракту. На Сырдарью приехал сановник хивинского хана Веис-Нияза со 100 хивинцами для возобновления укрепления на том самом месте, где таковое хивинцами было прежде построено под названием Янча-Кент»[114].

Другой документ рассказывал о деятельности хивинских эмиссаров, находившихся при Кенесары: «Хивинский шпион Таир-Ходжа с киргизом адаевского рода по имени неизвестным настраивал киргизов, чтобы они старались лавировать противу русского правительства, чтобы несли личину преданности, а искренне были бы покорны хивинскому хану, за противное сему устрашивал киргизов разорением»[115]. Хивинский хан Аллакул подстрекал Кенесары к борьбе против русских, обещая всяческую поддержку. «Мы послали Мусульман-бая,—

[113] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 2560, л. 242.
[114] Там же, л. 244—245 и об.
[115] Там же, д. 2547, л. 52—54.

пишет Аллакул, — для собирания из победоносного нашего воинства некоторой части войск, которую назначает против русских. В случае надобности, по желанию всевышнего бога, мы и сами двинемся с бесчисленным своим войском, с богатырским мечом в руке. Но прежде, нежели мы сами двинемся, все вы, знаменитые мои подданные батыры и родоначальствующие (имеются в виду султаны, окружавшие Кенесары. —*Т. Ш.),* с оружием в руках совокупитесь вместе и окажите надлежащую помощь и должную услугу»[116].

Эти намерения соответствовали планам Кенесары. Он стремился заручиться поддержкой и бухарского эмира, а потому поддерживал с ним тесные связи. «Кенесары имеет дружественное отношение с Бухарским ханством. Бухарский хан нынче послал к Кенесары своего посланца Баймурата для каких-то переговоров и вместе с тем в подарок серебряный колчан и золотую саблю. А в прошлом году бухарский хан прислал Кенесары, по просьбе его, два ботмана шелку для соткания из него для Кенесары кафтанов, которые не бывают пробиваемы ни пулею, ни саблею и ни пикою»[117].

Казах Юсупов писал в Оренбург о том, что Кенесары «послал от себя киргизов в Хиву и Бухару, с двумя в каждую пленными русскими. Кроме того, хивинского и бухарского ханов просил о присылке пушек и шамхалов (ружей). Хивинский хан принял пленных и посланного Кенесары выпровождал с одним хивинцем к адаевцам, сыскать там место для кочевья Кенесары»[118].

В одном из донесений в сентябре 1845 г. указывалось: «К Кенесарию приезжали посланники от хивинского, бухарского и кокандского ханов». Кенесары просил передать ханам, «что русские строят в степи укрепления, а потому они (ханы) собрали бы и послали бы туда войско для удаления их, в этом поможет и он им»[119].

Отметим, что Кенесары рьяно насаждал религиозный фанатизм среди своих приверженцев и казахского населения. Он придерживался реакционного лозунга «газавата» — борьбы против неверных. «Всякий, кто не последует правилам, установленным его пророком, — проповедовал Кенесары,— и будет ослушание приказаний соплеменного правителя своего, то как упоминается

[116] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 2757, л. 165—166.
[117] Там же, л. 243.
[118] Там же, л. 887—888.
[119] Там же, л. 165—166.

в наших книгах, рано или поздно непременно должен подвергнуться гневу и проклятию бога»[120].

Кенесары постоянно подчеркивал якобы существующую противоположность интересов казахов и «гафуров», как он называл русских. После нападения Кенесары на Акмолинск в 1838 г. было «найдено 9 человек убитых и почти до основания сожженных крестьян»[121]. Не случайны, конечно, систематическая посылка русских пленных хивинскому хану и бухарскому эмиру в качестве «подарков», издевательства и расправы над ними, возобновление работорговли. В письме к султану правителю Араслану Джантюрину Кенесары, противопоставляя русских и казахов, писал: «Зачем Вы, соединившись с неверными (т. е. русскими.— *Т. Ш.*), враждуете против мусульман?»[122].

Характерно, что, являясь союзником среднеазиатских владетелей и борясь против присоединения Казахстана к России, Кенесары не раз соглашался на капитуляцию перед царизмом и его администрацией при условии сохранения за ним ханских привилегий и восстановления средневековых феодальных порядков в Казахстане.

В феврале 1841 г. Кенесары писал генерал-губернатору Перовскому: «Проникнутый благоговением к повелениям и власти великого императора и шахиншаха (царя царей), я буду служить всем сердцем и душою и в отсутствие, везде, где буду находиться, и вдали и близко. Прибегаю к Вашему превосходительству с просьбой исходатайствовать мне соответственный чин и грамоту...»[123].

В другом документе, написанном Кенесары в 1845 г. в тот же адрес, говорилось: «Улутау на Тургае принадлежал нашим предкам; ежели бы Вы испросили у государя императора Улутау мне, то я не имел бы вражды ни к кому из верноподданных его величества»[124]. Позднее Кенесары умолял: «Но если Вы теперь, умилосердясь, исходатайствуйте нам Улутау, Сарысу и Учкингир до Еланчика и Тургая, то мы готовы принять клятвенное обещание и сдержать оное, в каком бы то роде предложение не было, чтобы никогда не вооружать против народа, подвластного государю императору»[125].

[120] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 2757, л. 165—166.
[121] Там же, д. 3108, л. 46—47.
[123] Там же, л. 907—908.
[123] Там же, д. 2756, л. 907—908.
[124] Там же, л. 878—881, 907—908.
[125] Там же, л. 887—888.

Но так как царское правительство взяло твердый курс на ликвидацию ханской власти в Казахстане, просьбы Кенесары остались без ответа. Уязвленный он с еще большим ожесточением стал расправляться со своими противниками.

В 1846 г. Кенесары вторгся в пределы Старшего жуза. Здесь он пытался привлечь на свою сторону султанов и биев жуза. Обращаясь к ним, он вновь взывал к реакционным традициям. «Мы испокон (со времени ваших дедов и прадедов) веков являемся вашими родоначальниками (главой ваших кочевий). Вы всегда являлись послушными нам, чтимыми любимыми султанами»[126]. Далее он говорил о своей ненависти к русским властям, лишившим его султанской власти и привилегий.

Киргизский народ, не желая подчиниться разбойнику, поднялся на борьбу против Кенесары. В этой борьбе в 1847 г. отряды Касымова были окончательно разбиты, а сам он захвачен в плен и убит. Так закончилось это реакционное феодально-монархическое движение, приверженцы которого стремились к укреплению патриархально-феодальных устоев, к реставрации ханской власти, к отходу Казахстана от России и русского народа.

---

[126] ЦГИА СССР, ф. 469, оп. 1, д. 1201, л. 151.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВХОЖДЕНИЕ СТАРШЕГО ЖУЗА. ЗАВЕРШЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ

После присоединения к России Младшего и Среднего жузов значительная часть казахских земель еще оставалась в зависимости от Хивы, Коканда, Бухары.

Отсутствие точно установленных границ между Россией и среднеазиатскими ханствами вело к постоянным пограничным спорам. Положение осложнялось тем, что многие казахские роды, зимовавшие в хивинских и кокандских владениях, на лето откочевывали в пределы России, где находились их пастбищные угодья, а осенью возвращались назад. Это давало повод каждому государству считать их своими подданными, облагать податями и налогами.

Политическая раздробленность Казахстана не только отрицательно сказывалась на жизненных интересах народа и тормозила социально-экономическое и культурное развитие казахского общества, но и шла вразрез с планами России.

За два десятилетия, предшествовавшие Крымской войне 1853—1855 гг., угроза английской агрессии на Ближнем Востоке, в Средней и Центральной Азии настолько усилилась, что Россия оказалась вынужденной

принять ряд мер по укреплению своих позиций в Средней Азии и Казахстане.

Как известно, в эти годы англичане активизировали разведывательно-диверсионную деятельность, осуществляя ее на территории от Черноморского побережья до Восточного Туркестана. Одновременно шла острая англо-русская дипломатическая борьба. Повсеместно Англия развертывала свое наступление, угрожая политическим и экономическим интересам царизма на Востоке.

Об острых противоречиях между Англией и Россией в течение десятилетий писал В. И. Ленин: «...Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»[1].

Среднеазиатские ханства, вдохновляемые английской агентурой, не жалевшей ни золота, ни оружия, совершали набеги на казахские земли от берегов Каспия до Семиречья включительно. Они захватывали и территорию казахов Среднего жуза. В своей внешней политике среднеазиатские ханства действовали интригами и обманом, вероломством и лестью, зверствами и подкупами, убийствами и поджогами. Царские власти были серьезно встревожены агрессивной политикой Хивы и Коканда, стремившихся не только захватить южную часть Казахстана, но и распространить свою власть на территорию Младшего и Среднего жузов. В связи с этим генерал-губернатор Западной Сибири П. Горчаков писал: «Утверждение кокандцев в Заилийском крае, по мнению моему, может вредить не только водворению спокойствия в Большой орде, но и упрочению нашего влияния на дикокаменных киргизов»[2].

Англо-русское соперничество обусловило необходимость строительства укреплений вокруг казахских земель, этих опорных пунктов с целью наступления на юг и юго-восток.

Таким образом, усиление происков Англии в Средней Азии, а также возросшая агрессивность среднеазиатских ханств в отношении казахских земель явились толчком для активизации действий царизма в Средней Азии и Казахстане.

У казахов не было достаточных сил и возможностей противостоять непосильным поборам и насилиям коканд-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 186.

[2] Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, т. XIV. Ташкент, 1915, с. 28—29.

ских беков и их нукеров. Ввиду этого уже в первой половине XIX века случались откочевки казахов из районов, находящихся под властью Коканда, на территорию, подчиненную России, под защиту русских крепостей. «Во время возмущения киргизов против кокандских властей,— говорится в одном документе,— вследствие насилий последних, перекочевало из Каратауских гор на реку Сарысу более 12 тысяч семей киргизских родов (бастамгалинский и др.)»[3].

У казахов Старшего жуза давно существовали торговые и политические связи с Россией, которая удовлетворяла потребности казахского населения Семиречья в продуктах промышленного производства, а главное — в хлебе. В свою очередь в 20-х годах XIX века Семиречье стало поставлять России дешевые продукты скотоводческого хозяйства.

Все это способствовало дальнейшему сближению казахов Старшего жуза с русскими и укрепляло их стремление принять российское подданство. Попытки войти в состав России предпринимались еще во времена Абулхаира влиятельным султаном Старшего жуза Жулбарсом. Русское правительство изготовило грамоты о присоединении Младшего и Старшего жузов. Однако грамота 1739 г. не была отправлена Жулбарсу в связи с временным захватом Старшего жуза Джунгарией. В 1818 г. султан Суюк Аблайханов из рода жалаир уведомил царское правительство о желании получить русское подданство. В том же году вместе с подвластным ему народом (66 тыс. человек) он принял русское подданство[4].

Этот шаг С. Аблайханова был одобрен русским правительством. Султану и его приближенным были вручены ценные подарки. Всего, по данным И. Крафта, России присягнуло 55 462 души обоего пола, имеющие 802 359 голов скота. В связи с этим Суюк был произведен в чиновники 8 класса[5].

Так, по ходатайству султанской верхушки в русское подданство были приняты казахи Старшего жуза, кочевья которых граничили на юге с Кокандским ханством.

Постепенно влияние России в Старшем жузе усилива-

---

[3] ЦГА КазССР, ф. 383, д. 81, л. 33.

[4] Узун-Агачское дело. Историческая справка к 50-летнему юбилею (1860—1910 гг.). Верный, 1910, с. 13—14; ГАОмО, ф. 3, д. 419, л. 32—34.

[5] *Крафт И. И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, с. 149.

ется. Россия приступила к проведению ряда мероприятий, имевших военное и политическое значение. Это — строительство укрепленных линий и крепостей, создание вдоль границы русских казачьих поселений, проведение административных реформ.

Как известно, в соответствии с «Уставом о сибирских киргизах 1822 года» казахская степь была разделена на аулы, волости, округа и области. Во главе аула стоял наследственный султан, во главе округа — ага-султан, избираемый старшинами и султанами на три года.

«Вы изволили писать о принятии намерения Российским правительством открывать у нас округ, — писал султан Суюк и. о. омского областного начальника С. Б. Броневскому,— с того времени я считаю себя довольным и ожидаю с удовольствием открытия этого округа единственно для спокойствия и тишины в наших волостях, и, тем более, что должна находиться у нас русская команда. Сейчас между усунцами и найманцами происходит великая вражда. Мы ждем русской команды, а потому и прошу Вас, хотя бы не для открытия у нас округа, но для поддержания возвращающихся и неблагонамеренных киргизов, невозможно ли будет прислать ко мне русских людей, по крайней мере 200 или 100 человек, которые могли бы поддержать и успокоить их, а то наши киргизы намерены откочевать в глубину степи, в то время не знаю на чем положиться мне, уйти ли вместе с волостями или одному оставаться при Каратале, прошу Вас в наши волости прислать русских людей к урочищу Каратал»[6].

Таким образом, судя по этому письму, казахи Старшего жуза признают себя подданными России и обращаются с просьбой о защите от нападения соседних стран и прекращений междоусобной борьбы. В 1824 г. Аблайханов специально приезжал в Омск по этому вопросу к С. Б. Броневскому.

В свою очередь Броневский предложил учредить на территории Старшего жуза внешний округ, на что султан дал согласие. Чтобы облегчить его создание, было намечено организовать в Семиречье пикет, который мог бы «при всяком разе показывать киргизам Большой орды в полной мере, что они суть подданные Российского престола, и этим самым приучаться сим быть более приверженными к нашему правительству»[7].

[6] ГАОмО, ф. 3, д. 419, л. 29—34.
[7] Там же, л. 298—299.

Фактически влияние царского правительства на дела Старшего жуза стало проявляться в 20-е годы XIX века. В это время Азиатский комитет рекомендовал генерал-губернатору Западной Сибири П. М. Капцевичу «для поддержания в своей силе права располагать и киргизами Большой орды... посылать в киргизские кочевья военные отряды, по мере требования самих султанов и старшин о защите их от взаимных распрей»[8]. В соответствии с этим генерал-губернатор в 1825 г. приказал Броневскому сформировать военный отряд для отправки в Старший жуз. Этот отряд состоял из 120 казаков при двух орудиях и находился под командой коменданта Ямышевской крепости подполковника В. К. Шубина. Ему предлагалось по прибытии в Юсунскую волость послать 50 человек к кочевьям «дикокаменных киргизов» и одновременно разведать торговые пути[9].

Прибыв в урочище Каратал 9 июля 1825 г., отряд разделился. Одна часть осталась в Каратале, а другая во главе с хорунжим Нюхалевым направилась дальше. О кочевавших здесь казахах лекарь отряда Зиббершштейн писал следующее: «От Каратала до Коксу кочует часть киргиз Джалаировской волости, ведения султана Суюка Аблайханова. Киргизы сии ведут спокойную жизнь и довольно смирны, и оттого не слышно, чтобы они когда-либо наносили обиду торговцам»[10]. Тактичное поведение подполковника Шубина еще более убедило казахов в правильности решения о подданстве, они укрепились в желании подчиняться новому порядку управления по Уставу о сибирских киргизах[11].

После ухода отряда Шубина султаны Старшего жуза отправили письмо на имя областного начальника, в котором сетовали, что «с отбытием подполковника Шубина с отрядом из кочевья наших мы лишились спокойствия... между уйсунцами и найманцами происходит барымта... от Вас ожидаем отряда»[12]. Воспользовавшись отъездом Шубина, в дулатский род из Коканда приехали сборщики налогов, но баи платить пошлины не решились[13].

---

[8] ГАОмО, ф. 3, д. 419, л. 59.

[9] Там же, л. 330.

[10] *Зиббершштейн.* Путевые заметки омского гарнизонного полка лекаря Зиббершштейна. — «Труды археографического сектора АН СССР», т. I. М.—Л., 1936, с. 237.

[11] Узун-Агачское дело, с. 13—14.

[12] ГАОмО, ф. 3, д. 419, л. 39—41.

[13] Там же, л. 292—293.

Русское правительство все больше стремится укрепить свои позиции в Старшем жузе. Полковник Броневский писал султану Суюку Аблайханову: «Желания Ваши исполняются, Вас помнят, любят и уважают как верного и усердного сына России»[14]. В других письмах он подчеркивал, что русское правительство охотно берет под свою защиту Уйсуновскую волость и просил, чтобы казахские владетели обеспечивали на территории Старшего жуза русским купцам безопасное продвижение.

В 1825 г. казахи Уйсуновской волости в количестве более 50 000 человек признали новое административное устройство и дали согласие на создание внешнего округа[15]. Таким образом, эта волость юридически приняла русское подданство.

Продвижение русских из казахских степей к границам Коканда усилило нападения кокандцев на казахские степи, жители которой добровольно принимали русское подданство. Казахи вынуждены были обратиться к русским властям с просьбой о помощи.

Заслуживает особого внимания послание Аблайханова к пограничному начальнику сибирских киргизов: «Я с подведомственными мне уйсуновскими киргизами поступил на верноподданство России и принял присягу, с того самого времени мы, султаны, старшины, баи и все казахи, просили высшее правительство учредить при реке Каратале окружной приказ, но таковой в настоящее время не построен, если же не учредить такового, то ташкентские владения и каракиргизы и др. соседние царства не дадут нам спокойствия, делая обиды и барамты, почему мы, султаны, баи и старшины, просим Вас, как начальника учреждения окружного приказа, учинить свое представительство к построению на реке Каратал, если же не будет возможно, то для ограждения нас от стеснения ташкентцев (кокандцев) и каракиргизов выслать отряд, продовольствие которого мы обязуемся содержать на свой счет»[16].

Просьбы султанов, ориентировавшихся на Россию, явились поводом для ускорения продвижения русских войск на юг. В пределы Большой орды, в Уйсуновскую волость был направлен военный отряд. По этому поводу западносибирский генерал-губернатор в письме Сую-

[14] ГАОмО, ф. 3, д. 419, л. 39—41.
[15] Там же, ф. 366, д. 103, л. 1.
[16] ЦГА КазССР, ф. 32, д. 27, л. 4—5.

ку Аблайханову подчеркивал, что присылкой воинского отряда русское правительство наглядно продемонстрировало готовность защищать интересы своих подданных — казахов — и выражал надежду, что теперь в лице солдат отряда подвластные султану получат надежную защиту от набегов извне[17].

В 1831 г. был образован внешний Аягузский округ*, а в 1842 г.— Кокпектинский окружной приказ. Казахи ряда волостей были освобождены от ясака[18].

На территории Старшего жуза учреждались новые округа. Для укрепления здесь русских позиций 4 июня 1846 г. в верховья р. Кызыл-Агач прибыл казачий отряд. В 1847 г. он основал укрепление Капальское[19]. С его образованием часть Старшего жуза, кочевавшая между реками Лепсы и Или, также признала подданство России. Кроме того, в 1847 г. с просьбой принять русское подданство обратилось к царской администрации 40 тысяч семей во главе с киргизскими манапами Джантаем, Джангаром и Урманом.

В соответствии с инструкцией об управлении казахами Старшего жуза 10 января 1848 г. сюда был назначен пристав[20], и началось обживание края. Уже в первой половине XIX века по инициативе русских военных властей в Казахстане на протяжении 3,5 тысячи верст было построено 45 городов и крепостей, 96 редутов, форпостов и укреплений, всего 141 укрепленный пункт.

Продвижение русских отрядов в сторону Хивы, Бухары и Коканда проходило через территории Младшего и Старшего жузов. Наиболее выгодными в экономическом и стратегическом отношении районами оказались Семиречье и Заилийский край, откуда «уже недалеко... от Западного Китая и Коканда...»[21]. Для получения более точных данных об этих районах в 40-х годах XIX века Россия стала производить топографические съемки Семиречья и Заилийского края.

В это время через Семиречье проходило пять караванных торговых путей, из них три шли от Семипалатин-

---

[17] ГАОмО, ф. 3, д. 419, л. 35—36.

* Переименован в Сергиопольский.

[18] ГАОмО, ф. 3, д. 2188, л. 2—3.

[19] ЦГА КазССР, ф. 374, д. 1669, л. 108.

[20] Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области за 1905 г. Летопись главнейших событий в истории Семиречья (с 1818 по 1904). Верный, 1905, с. 11.

[21] *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Сибирско-Киргизская степь, т. 3. М., 1867, с. 132.

ска в Восточный Туркестан и Коканд и два — из Петропавловска: один — в Кульджу, другой — в Ташкент, Коканд, Бухару. Контроль за торговыми путями повышал заинтересованность царизма в Семиречье, без подчинения которого нельзя было наладить бесперебойную и безопасную торговлю с Китаем.

При продвижении в Заилийский край царские власти опять столкнулись с кокандцами. Стремясь избавиться от разбойничьих набегов Кокандского ханства, поборов маньчжурских чиновников, а также от угроз Кенесары Касымова, султаны не раз обращались к царскому правительству с просьбой принять их в русское подданство. Что касается Кенесары, то Е. Е. Надзевецкий пишет следующее: «Для наблюдения за действиями Кенесары в апреле 1846 года из Аягуза был выслан отряд под командованием есаула Казачинина, который расположился в верховьях реки Лепсы на стоянку. Несмотря на это, Кенесары перешел с реки Чу на реку Или и, переправившись через нее, начал продвигаться к Аягузу. Узнав об этом, пограничный начальник генерал-майор Вишневский сам отправился в кочевки юсуновских киргиз (Старший жуз) и в июне 1846 г. прибыл на реку Лепсу. Сюда же, по его приглашению, прибыли все султаны, баи и старшины Большой орды родов дулат, албан, суан, чапрашты и жалайры и после небольших переговоров торжественно присягнули на верность России и обязались считать Кенесары своим врагом»[22].

Присоединение к России присырдарьинских казахов, оказавших поддержку русским войскам в борьбе с кокандцами, и продвижение русских отрядов в Семиречье явились крупнейшим шагом к воссоединению всех казахских земель с Россией. В зависимости от Коканда и других среднеазиатских ханств теперь оставалась сравнительно небольшая часть казахских родов.

Не ограничиваясь одними военными мероприятиями, царские власти для закрепления своего положения в Казахстане ввели новую систему колониального управления, регламентированную Положением 1854 г. Из прежней области сибирских киргиз была выделена Семипалатинская область во главе с генерал-губернатором, а на местах созданы приказы, руководимые русскими чиновниками, их помощниками были назначены казахские султаны.

---

[22] Узун-Агачское дело, с. 16.

Однако кокандцы, стремясь воспрепятствовать дальнейшему продвижению России, неоднократно пытались восстановить против русских казахское и киргизское население. В своем рапорте генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков особо указывал на враждебные «действия правителя ташкентского и вообще кокандцев, которые укрепляются в западной части Большой орды и стараются разными происками и силою склонить на свою сторону наших киргиз»[23].

С целью нормализации положения в крае царские власти приняли решительные меры для ликвидации наиболее активных участников борьбы с русскими. В частности было рекомендовано «строго наблюдать, чтобы в Семиреченском крае никто не проживал без законного вида, объявив также и старшим султанам, что если у кого из них будут находиться без виду люди, то они за это строго будут отвечать»[24].

Между тем войдя в контакт с некоторыми биями и султанами, в частности Тайчибеком, Керимом, Медеу, Камбаром, Ачикеем, Рустамом и др., недовольными появлением в Семиречье отрядов с севера, кокандцы совершили ряд нападений на русские укрепления.

После провала попытки организации «мятежа» против России, кокандцы переменили тактику, они обратились с письмом к казахам, находящимся в подданстве России, с призывом к борьбе против русских.

Учитывая все это, русское правительство потребовало от западносибирского генерал-губернатора активизировать действия против кокандцев. «Вытеснение же кокандцев из Заилийского края, где кочуют киргизы, признавшие уже владычество России, без всякого сомнения весьма для нас важно,— писали из Оренбурга,— ибо, иначе, если оставим их беспрепятственно там распоряжаться и усиливаться, дикокаменные киргизы будут совершенно от нас отрезаны и самый караванный путь в Кашгарию будет в руках кокандцев; кроме вредного влияния не могут иметь на наш Семиреченский край подобные с их стороны незаконные дерзости»[25].

Чтобы ускорить выполнение этой задачи, Горчаков распорядился исполняющему должность пристава Генерального штаба капитану Гутковскому с отрядом переправиться за Или, изгнать ташкентцев, разрушить

[23] Туркестанский край..., т. II, с. 82—83.
[24] ГАОмО, ф. 3, д. 2871, л. 6—7.
[25] Туркестанский край ..., т. II, с. 40—41.

укрепление Тайчибека и возвратиться в Капал. «Исполнено это долженствует быть с полной осторожностью, при внушении дикокаменным киргизам, что делаемое движение предпринимается единственно с целью изгнать их притеснителей»[26].

Кокандские власти по возможности избегали вооруженных столкновений. Это подтверждают многочисленные примеры. Вот один из них. Капитан Гутковский направил письмо начальнику гарнизона Аккуля такого содержания: «Будучи чиновником в службе его высокостепенства, вам должно быть известно о дружеском внимании великого повелителя нашего гос. императора к высокопоставл. хану Кокана, поэтому извещаю вас, что хотя я иду с сильным отрядом, но цель моя клонится не к нарушению дружественных отношений могущественной России к Кокану, а к устранению недоразумений, могущих во всяком случае быть пагубными вашему отечеству. Поэтому если вы пребываете в добром к нам расположении, с моей стороны встретите внимание и дружеский прием, в противном же случае я найдусь вынужденным увидеть в вас нарушителя общего спокойствия и поступить с вами, как с неприятелем не только России, но и самого Кокана»[27].

Из Аккуля был получен ответ, в котором говорилось: «Посланный вами объявил мне, будто бы места по эту сторону реки Чу ваши, а по ту — ташкентские, на это я скажу вам, что условия прежних ханов наших мест мы не знаем, теперь же время первых ханов прошло, наступило время кипчаков*, и утвердилась их династия, которая желает, чтобы все мусульмане были под ее влиянием, и чтобы влияние это распространялось в одну сторону до Баян (Баян-Аул), а в другую — до долины Джонке. Вот причины, по которым мы находимся здесь по повелению правительства.

Живите еще год. Поход, который мы должны совершить с помощью «бога» на долину Джонке, кончится разрушением вашего укрепления; отсюда правительство наше намерено отправить войско в Кокчетау, на место прежних кочевок Аблайхана; это есть также причина нашего здесь пребывания.

Не условившись с нашим правительством, ты первый с этой стороны пришел к нам, и я должен сказать, что

[26] Туркестанский край ..., т. II, с. 48—49.

* Один из крупных родов узбеков в Кокандском ханстве.

[27] Туркестанский край..., с. 50—52.

я не есть хан, но только его слуга, хан наш находится в городе Коканде, если нужно вам послать человека к нашему хану, то посылайте, я присоединяю к нему своего и правлю. Потому что все дела между двумя государствами должны быть известны только ханам, и что прикажет нам хан, то и будет исполнено.

Если же изложенное здесь не будет принято вами благосклонно и если вы имеете повеление своего государя биться с нами, мы готовы; умрем, получим мученический венец; устоим, останемся на своем месте и, во всяком случае, просим пожаловать»[28].

Кокандцы стали укрепляться в Заилийском крае. 5 июня 1850 г. Гутковский в своем рапорте командиру Сибирского корпуса писал: «... по последним сведениям из-за Или оказывается, что во время действий нашего отряда из Пишпека было отправлено кипчакам в Тайчибека укрепление несколько сот человек»[29].

Использовав слабые стороны в политике Коканда и противоречия среди верхушки заилийских казахов, русские отряды уничтожили Тайчибеково укрепление. Казахи Заилийского края вновь убедились в том, что, только войдя в состав России, можно спастись от несчастий, которые приносили им кокандские правители. Они поняли, что под защитой русских войск их положение стабилизируется и потому сознательно поддержали русских в борьбе с Кокандом. Достаточно сказать, что в боях с кокандскими отрядами при укреплении Тайчибека в составе русских войск сражались казахи Старшего жуза и понесли потери, погибло до 200 человек, среди которых были лучшие батыры[30].

Сложившиеся условия не благоприятствовали кокандцам. В это время обострилась их междоусобная борьба с бухарцами. Сильные противоречия были и среди казахов Заилийского края, в частности распри между родами. Капитан Перемышльский докладывал 22 августа 1850 г. командиру Сибирского корпуса: «Вчерашнего числа султан Суюк рассказал мне следующее: что у заилийских киргиз (казахов.— *Т. Ш.*) происходят распри с Тайчибеком за то, что он их возмутил против русских, следствием чего была драка, а сын Тайчибека всеми покинут, и при нем осталось не более 25 аулов... Бии, призванные к восстанию Тайчибеком, требовали с него

[28] Туркестанский край.., с. 56—57.
[29] Там же, с. 100.
[30] Там же, с. 78—79.

кун, т. е. уплату за казахов, убитых русскими в минувшую экспедицию, и вследствие отказа Тайчибека удовлетворить их претензию, разграбили аулы и заставили удалиться к вершинам реки Чу»[31].

Русское правительство стало готовиться к решительным действиям против кокандцев, чтобы ликвидировать их влияние на казахов.

Намереваясь захватить укрепление кокандцев на р. Или, русское правительство рассчитывало использовать это событие для налаживания торговых связей с Китаем. Так, по этому поводу Министерство иностранных дел России дало следующие указания приставу при киргизах Большой орды: «... экспедицию за Или против так называемого Тайчибекова укрепления предпринять ранею весною, если только он будет иметь для сего все нужные средства. Ускорение сей высочайше разрешенной экспедиции, кроме утверждения нашего влияния на Семиреченский край, может, по мнению Министерства иностранных дел, принести и другую пользу, так как в начале лета 1851 года будут у нас происходить переговоры с китайцами в Кульдже об установлении торговли на их западной границе, то успешное к тому времени окончание экспедиции в соседних местах могло бы значительно подействовать и на успех сих переговоров»[32].

Правительство России продолжало следить за действиями Коканда и приступило к организации новой экспедиции в Заилийский край для укрепления своих позиций в этом районе.

«Экспедиция за реку Или, — писал 9 февраля 1851 г. начальник штаба Сибирского корпуса,— будет предпринята осенью в конце августа месяца, и нынешние передвижения войск и другие распоряжения делаются особенно для того, чтобы войска, назначенные в экспедицию, могли бы быть в сборе к приезду на Капал генерал-адъютанта Анненкова»[33].

Готовя экспедицию против Коканда, русские власти привлекли к этому делу султанов и биев и получили от них транспорт для переброски всего необходимого. В рапорте 24 февраля 1851 г. к начальнику штаба Сибирского корпуса капитан Перемышльский писал: «...Султаны добровольно и охотно дадут 400 хороших верблюдов, а ежели употребить настояние, то сколько нужно

[31] Туркестанский край..., с. 122—123, 141—142.
[32] Там же, с. 126—127.
[33] Там же, с. 213.

будет верблюдов для отряда, столько их и можно иметь». И далее: «...для оказания содействия нашему отряду в экспедицию за Или, наиболее верными и надежными я считаю из рода жалаиров султана Джангозы и султана Джуче, из дулатов султана Иралы, сына старшего султана Или Аблеса, и бия Сары, из абданов султана Тезека и бия Жайка. За верность и преданность нам переименованных лиц я могу отвечать»[34].

Как указывает в своем рапорте начальник штаба Сибирского корпуса Яковлев, цель экспедиции состояла в следующем. «Для указания цели возлагаемого на Вас поручения долгом считаю изъяснить, что с поступлением в 1846 г. Большой орды в подданство России, владычествующие в Кокандском ханстве кипчаки усиливались приобрести в ней влияние и, привлекая к себе заилийские волости обольщениями и угрозами, успели занять небольшой гарнизон и привести в оборонительное положение укрепление, принадлежащее бию Тайчибеку и расположенное при впадении реки Алмата в Каскелен. 10 мая 1851 г. выступить с Капала к Тайчибеку укреплению и по достижении немедленно оным овладеть.

По овладении укреплением, оставив пехоту для совершенного разрушения оного, обязываетесь с легкими войсками приложить все возможные старания к захвату главных виновников восстания минувшего года, но отнюдь не распространять мщение на целые роды, воздержаться от нападения на аулы... наиболее виновными признаются бии Тайчибек, Ачике, Тлеуберген, султан Кудайменды и родовичи Рустема. Всеми мерами захватить их»[35].

Не считая казахов, в экспедиции насчитывалось 1371 человек. Руководителем был назначен командир 6-го казачьего полка подполковник Карбышев[36].

Прежде чем начать экспедицию за Или, пристав Старшего жуза пытался урегулировать ряд вопросов с кокандцами мирным путем. В частности, в одном из документов указывается, «кокандцы высказывают притязания на Илийский край, то Вы находили бы полезным, в ответ на официальную бумагу, присланную к помянутому приставу от ташкентского кушбека, послать через пристава же вразумление, что они — кокандцы — не

[34] ЦГА КазССР, ф. 2, д. 18а, л. 7, 13.
[35] Туркестанский край..., с. 68.
[36] ЦГА КазССР, ф. 2, д. 18, л. 29.

имеют никакого права приходить и тем более утвердиться в означенном крае построением каких-либо там укреплений, поскольку киргизы Большой орды находятся в подданстве России»[37].

Экспедиция за Или началась в середине мая 1851 г. Отряд прошел 30 верст, но ни казахов, ни кокандцев не встретил. В результате похода Карбышев выяснил, что «между реками Или и Чу нет ни кипчакских скопищ, ни кочующих казахов, которые частью добровольно, а частью по принуждению кипчаков откочевали далеко за реку Чу, почему подполковник Карбышев прекратил дальнейшие поиски и возвратился к месту Тайчибека укрепления, совершенно уже разрушенного пехотой, так что не осталось и следов его существования»[38].

Убедившись в гуманности русских отрядов, заилийские казахи, угнанные кокандцами за Чу, стремились возвратиться назад. Учитывая это, генерал-губернатор Западной Сибири дал указание «приставам поддерживать с этими казахами связи через родовичей их, по ту сторону Или кочующих, дабы удержать их в добром к нам расположении, и не лишать надежды на примирение с нашим правительством». И далее: «Весьма вероятно, что возвращением части заилийских казахов на их обычные кочевья, кипчаки возобновят свои происки и намерение утвердить влияние свое в сем крае». Пристав при киргизах Большой орды обязывался «иметь постоянное наблюдение за действиями кипчаков, собирать сведения о положении дел в Коканде и следить за отношениями к русским властям дикокаменных киргизов»[39].

Для подробного обозрения северо-восточных берегов озера Балхаш и изыскания места для учреждения пристани при устье реки Или был намечен конкретный план, который предусматривал: проложить удобный путь сообщения от пикетов Арганатинского и Джузагачского к озеру Балхаш; выбрать на Балхаше место, удобное для устройства пристани и небольшого населенного пункта из местных строительных материалов; собрать самые подробные сведения о состоянии глубины и возможности судоходства на озере Балхаш; разведать удобнейшие пути от вышеупомянутых двух пикетов к Каркаралинскому приказу[40]. К осуществлению этих за-

[37] ГАОмО, ф. 366, д. 246, л. 126.
[38] Туркестанский край..., с. 115.
[39] Там же.
[40] ЦГА КазССР, ф. 2, д. 9, л. 1—2.

дач местная русская администрация привлекла казахов. В частности, по приказанию пристава султан Джангозы из своей волости для отряда выделил «двух вожаков, две юрты, 5 верблюдов и 6 лошадей»[41].

О дальнейших планах России по отношению к Старшему жузу генерал-губернатор Западной Сибири в своем рапорте военному министру в феврале 1852 г. писал: «Большую орду, согласно с мнением министра иностранных дел, я полагал бы оставить в том положении как теперь, впредь, пока совершенное упрочение наше в Семиреченском крае и развитие в нем нашей промышленности дадут нам возможность дать сей орде лучшие виды продукции для правительства и для собственной пользы и устройства... В настоящее время каждый шаг, который бы клонился к тому, чтобы ввести между ними принятый в Средней орде образ управления, имел бы вредное влияние...»[42].

Осуществляя свою политику, царская Россия не забывала об одном из своих главных противников, стоявших на пути ее планов в Средней Азии,— Англии. Об этом свидетельствует доклад генерал-губернатора Западной Сибири военному министру от 9 июля 1852 г. о показаниях двух казахов Сибирского линейного казачьего войска, возвращенных из плена правителем Ташкента по просьбе генерал-лейтенанта Гасфорда.

Казахи сообщили, что англичане хотят организовать регулярные войска в Бухарии. «В 1844 г. вступил в службу хана англичанин с 20 человеками своих единоземцев, он управляет литейным и пороховым заводами и занимается всем, что до образования артиллерии относится»[43].

Зная, что Англия желает закрепиться в Заилийском крае, царское правительство ускорило продвижение на юг.

5 декабря 1852 г. генерал-губернатор Западной Сибири уведомлял министра внутренних дел: «На правом фланге сей степи* стоит 5 внешних окружных приказов и предполагается еще к открытию шестой приказ в Улутауске, станице, а на левом фланге — два приказа, Большая орда, Сергиопольское и Капальское укрепления.

---

[41] ЦГА КазССР, ф. 2, д. 9, л. 16.
[42] Туркестанский край.., с. 47.
[43] Там же, с. 132—133.
* Имеется в виду Средний жуз.

С усилением же наших военных поселений на левом фланге, с увеличением там числа войск, с постоянным расширением владычества нашего в Семиреченском крае, с упрочением влияния в Большой орде, недавно поступившей в подданство России, и развитием торговых отношений с Китаем и другими соседними владениями, пограничный начальник, чтобы иметь за всем этим наблюдение... по необходимости должен ослабить личный свой надзор на правом фланге степи. Между тем, Семиреченский, или левый фланг степи, столь важный в настоящем и будущем, в военном, политическом и финансовом отношении, призывает все внимание правительства»[44].

Далее подробно говорится о потенциальных возможностях края: «Богатая, плодородная почва этого края дает возможность, не ослабляя скотоводства, развить там хлебопашество и упрочить нашу оседлость, недра ее, заключая в себе золотые и другие руды и многочисленные камни, открывают важную горную промышленность, сопредельность с Китаем и большая часть торговых караванных путей, идущих через Семиреченский край, способствуют оживлению торговли»[45].

В результате вхождения северо-восточной части Казахстана в состав России часть казахов Старшего жуза и некоторая часть киргизов добровольно приняли русское подданство. Это способствовало укреплению левого фланга России на подступах к среднеазиатским ханствам.

В связи с этим в 1853 г. под руководством оренбургского генерал-губернатора была проведена операция по взятию крепости Ак-Мечеть. В этом же году Гасфорд предложил соединить Сырдарьинскую и Сибирскую линии. Предстояло преодолеть расстояние в 1000 километров в глубь казахской степи, что должно было привести к военным столкновениям с гарнизонами кокандских укреплений.

Предложение правительством было принято. 2 апреля 1853 г. генерал-губернатор Западной Сибири дал местным властям указание к весне 1854 г. подготовить все для строительства от р. Коксу до Или пикетов на 15 казаков каждый и одного усиленного пикета на реке

---

[44] Туркестанский край.., с. 171.
[45] Там же, с. 172.

Или на 40 или 50 человек пехоты и казаков для содержания переправы[46].

Осуществление этих мероприятий связано с движением русского военного заилийского отряда под командованием пристава Старшего жуза Перемышльского, который в середине 1853 г. в месте впадения р. Талгар в р. Или основал Илийский пикет*. Произведя рекогносцировку на реках Талгар и Алмата, выявив поблизости хороший строевой лес в предгорных районах и прекрасные сенокосные угодья, Перемышльский принял решение заложить в этом месте весной 1854 г. укрепление, назвав его Верное.

Укрепление Верное предполагалось превратить в центр административного управления Семиреченским краем. 2 июня 1855 г. Гасфорд предписал подполковнику Перемышльскому: «Обезопасить укрепление Верное и Алма-Атинских станиц от огня и иметь более удобный способ в обороне на случай неприятельских вторжений, желательно было бы, чтобы имеющие строиться в оных домах со службами и заборами были делаемы не из дерева, но преимущественно каменные из обожженного кирпича и плитняка или, по крайней мере, из сырцового кирпича»[47].

Основание укрепления имело немалое значение для казахов и киргизов, стремившихся обезопасить себя от набегов кокандских ханов и беков. В 1855 г. в связи с упрочением влияния России в Семиречье после постройки Верного киргизы рода бугу приняли подданство России, что имело далеко идущие прогрессивные последствия для киргизского народа. Как отмечает академик АН Киргизской ССР Б. Джамгерчинов, «присоединение к России ознаменовало собой важный этап и поворотный пункт в последующей истории киргизского народа»[48].

С основанием Верного началась колонизация его окрестностей. Казаки-поселенцы стали обзаводиться хозяйством. Под Верным был отведен специальный участок для разведения плодового сада и виноградников. Время от времени здесь оседали отдельные казахские семьи.

Первыми поселенцами Верного были сибиряки. В 1855 г. в район укрепления из Сибири прибыло 400 се-

---

[46] ГАОмО, ф. 366, д. 246, л. 156—159.

* Впоследствии его называли поселок Илийский.

[47] ЦГА КазССР, ф. 2, д. 32, л. 2.

[48] *Джамгерчинов Б.* Присоединение Киргизии к России. М., 1959, с. 345.

мей[49], которые образовали Большую Алма-Атинскую станицу[50]. В это же время были заложены станицы Лепсинская, Урджарская, Малая Алма-Атинская, Талгарская, Иссыкская и укрепления Узун-Агачское и Кастекское[51].

По существу Семиречье, центром которого стал Верный, превращается в главный опорный пункт распространения экономического и политического влияния России на казахов Чуйской и Таласской долин и на киргизов, томившихся под гнетом кокандского хана. Одновременно Верный становится культурным центром. Несмотря на оторванность от крупных центров России, сюда проникает прогрессивная русская общественная мысль. Здесь побывали замечательные русские ученые-путешественники П. П. Семенов-Тян-Шанский, П. М. Пржевальский, А. П. Федченко, И. А. Северцев и др. В 60-е годы в Верном жил первый казахский ученый Чокан Валиханов.

Итак, во второй половине XIX века Россия установила фактический контроль над большей частью территории Старшего жуза[52].

Кокандцы, обеспокоенные усилением влияния России в районе Семиречья, приняли меры по укреплению крепостей Пишпек, Токмак, Мерке и других[53]. В 1856 г. они произвели внезапный налет на район, где проживало принявшее русское подданство казахское население. Временно исполняющий обязанности пристава Старшего жуза полковник Хоментовский в своем рапорте сообщал, что 18 августа 1856 г. в 30 верстах от укрепления Верного кокандцы напали на два аула казахов, разграбили их, убили и взяли несколько человек в плен, угнали часть скота[54].

Получив сведения о налете, русские власти направили из Верного небольшой казачий отряд, которому было придано 40 казаков. Отряд отбил скот и пленных.

Отношения между Россией и Кокандом становились все более напряженными. Кокандцы усиливают антирусскую кампанию, причем не брезгуют никакими средст-

[49] Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1906 год. Верный, 1906, с. 17.

[50] ЦГА КазССР, ф. 44, д. 646, л. 17.

[51] Там же, л. 17—18.

[52] *Васильев В. А.* Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. СПб., 1915, с. 66.

[53] ГАОмО, ф. 366, д. 255, л. 4.

[54] Там же, л. 7—8.

вами, применяя и подкуп, и шантаж, и прямые угрозы. Умело пользовались они и противоречиями, возникшими из-за барымты между киргизами и казахами. В связи с вступлением рода бугу в русское подданство кокандцы стали натравливать другой киргизский род, сарыбагыш, находившийся в то время под их властью, на бугу и казахов, живших в этом районе.

«Сары-багышы, — читаем мы у П. П. Семенова-Тян-Шанского,— разбили вблизи реки Или русский транспорт, следовавший в укрепление Верное. Несколько солдат, прикрывающих этот транспорт, были захвачены в плен сары-багышами, которые два месяца спустя подвергли страшному разграблению аулы наших подданных киргизов Большой орды из племени дулатов»[55]. Пострадавшие дулаты, естественно, стали искать помощи у русских. Русские власти считали, что «предоставить дулатов собственной своей участи и оставить безнаказанным разбитие русского транспорта значило потерять сразу всякое нравственное значение в недавно занятом крае и открыть путь дерзким попыткам кокандских и кара-киргизских набегов к неокрепшему еще, но уже значительному русскому населению Верного»[56]. Полковник Хоментовский попытался сформировать отряд, чтобы с помощью вооруженной силы возвратить дулатам имущество, но по некоторым обстоятельствам это сделать не удалось.

В сентябре 1856 г. началась вторая рекогносцировка, в задачу которой входило «посмотреть, в каком положении находились кочевья сары-багышей и, по возможности, разузнать, какое нравственное впечатление произвело на них появление первого русского отряда в Чуйской долине»[57].

Желая привлечь на свою сторону казахов и киргизов, кокандцы скрывали от них свои неудачи в борьбе против русских. В прокламациях, автором которых был Суфи-бек*, говорилось, что «в один вечер и один день из двух тысяч кяферов досталась в наши руки одна тысяча; из них пощажены только те, кто принял нашу веру, не сделавшиеся же мусульманами истреблены острием сабель наших»[58].

[55] ГАОмО, ф. 366, д. 403, л. 1—2.

[56] Там же, л. 1—6.

[57] Там же.

* Суфи-бек командовал кокандскими войсками при нападении на Ак-Мечеть.

[58] *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии, т. I. СПб., 1906, с. 238.

В целях укрепления своих позиций в Казахстане и вытеснения кокандцев с казахских земель, царские власти вели в Заилийском крае работы по усилению его военного потенциала. Западносибирский генерал-губернатор требовал от местных военных властей привлекать к осуществлению этих важнейших мероприятий «приходящие караваны и других по разным случаям прибывающих из тех мест азиатцев...»[59]. Одновременно ведется сбор сведений о кокандских владениях, прежде всего о имеющихся там укреплениях, численности гарнизонов, состоянии путей.

В предписании давалось указание, как сформировать военный отряд и обеспечить его всем необходимым для организации выступления против Коканда. В нем говорилось о привлечении «к участвованию в этой рекогносцировке киргизов и батырей, преданность которых испытали наши дела»[60].

Во главе отряда, в состав которого входило 800 русских и 100 казахов, был поставлен войсковой старшина подполковник Шайтанов. Ему строго предписывалось избегать серьезных военных столкновений по ту сторону р. Чу. Рекогносцировка прошла удачно.

Отмечая храбрость солдат, западносибирский генерал-губернатор в своем приказе писал: «...Спасибо вам, ребята, вы достойны имени русских солдат»[61]. Была отмечена преданность казахов. В донесении начальнику Алатавского округа Колпаковскому принимавший участие в рекогносцировке географ В. И. Венюков писал: «Я осмелюсь представить особому вниманию начальства практика Суранчи-батыра, киргиза (казаха.— *Т. Ш.*), Коджаула Байсеркеева, батыра Чаяна Тюлибаева и бия Джайнака Караталова, как людей, наиболее выказавших усердие и преданность нашему делу»[62].

На обратном пути Шайтанов и Венюков оставили из отряда людей для постройки укрепления Кастек. Колпаковский в своем рапорте начальнику отдельного Сибирского корпуса генерал-майору Гинтову сообщал: «...Венюков уведомил меня, что с окончанием большой части топографических работ по вверенной ему рекогносцировке предстоит возможность распустить прикрывавший ее отряд, отделив из него часть для работы на Кас-

[59] ЦГА КазССР, ф. 3, д. 8, л. 1—4.
[60] Там же, д. 59, л. 1—8.
[61] Там же, л. 341—342.
[62] Там же, д. 59а, л. 1.

тек и для составления гарнизона в таможенном укреплении. Из оставшихся на Кастеке команд предстоит надобность сформировать и постоянный гарнизон»[63].

Военные власти возлагали большие надежды на Кастекское укрепление, которое благодаря своему расположению у горного прохода, позволяло контролировать северные предгорья. Это обстоятельство обусловливало ускоренное строительство данного укрепления. Здесь можно было разместить и дополнительные военные силы[64]. К ноябрю 1859 г. укрепление было сооружено[65].

Взаимоотношения между Россией и Кокандом все более ухудшались, хотя обе стороны еще пытались мирно урегулировать спорные вопросы. Об этом свидетельствуют два письма, которыми обменялись В. И. Венюков и начальник Пишпекского укрепления Атабек-датха.

«Из Вашего письма поняли,— писал Венюков начальнику укрепления, — во время русской экспедиции в верховьях реки Чу, что между нами и вами не должно быть вражды и что Вы сами сделали к тому первый шаг, распустив ваших дикокаменных по аулам. Вы упрекаете меня, Датха, в том, что я приходил на реку Чу, не известил Вас о том и не дал вам знать, зачем я пришел. Соглашайтесь, Датха, что в том, для Вас нет никакой обиды. Где же видно, чтобы люди с мирными намерениями, хотя и вооруженные, давали отчет иноземцам, зачем они ходят на своих землях, хотя бы и по соседству с чужими. Ваши зякетчики ходят же по разным землям и никто не упрекает их, а мы пришли даже не для сбора дани, да и владения каждого государства принято всегда считать там, где есть его люди; в настоящее время киргизы Большой орды и многие дикокаменные давно считают себя нашими подданными. Дружба между нашими народами могла бы успешно поддерживаться навеки»[66].

Атабек-датха ответил: «Вы написали нам письмо, говоря, что мы находимся в дружеских отношениях, но поступки, подобные Вашим, не подходят на такие отношения. Человек, приехавший по повелению государя, должен нас уведомить об этом, мы же, донеся о том нашему Великому хану, должны отвечать Вам, и затем уже вам следовало двинуться... Посылать киргиз и дико-

[63] ЦГА КазССР, ф. 3, д. 59а, л. 283—285.
[64] Там же, л. 387—388.
[65] Там же, л. 696.
[66] Там же, л. 379—380.

каменных не следует, они не пожелают спокойствия, а потому и верить им нельзя. Хорошо быть в мире двум странам. М-ца Зу-л-када в 18 день 1275 года»[67].

Кокандский хан, обеспокоенный опасностью окончательной утраты своего господства в Семиречье, прилагал все усилия, чтобы удержать казахов и киргизов под своей властью, увеличивал гарнизоны крепостей Аулиэ-Аты, Мерке, Пишпека, Токмака и др.

Осенью 1860 г. кокандский хан направил против укрепления Верного 20-тысячное войско, в составе которого находился со своим отрядом сын Кенесары Касымова, изменивший своему народу султан Садык. Сражение произошло в октябре 1860 г. в урочище Узун-Агач. Небольшой русский отряд под командой Колпаковского при поддержке казахских джигитов разгромил кокандское войско.

Победа в сражении при Узун-Агаче имела решающее значение для освобождения Семиречья от власти кокандского хана. Начался массовый уход казахов и киргизов из районов Аулие-Аты, Чимкента и Ташкента в районы, присоединенные к России.

В 50-е годы XIX столетия присоединение Южного Казахстана к России еще не было завершено. Между Сырдарьинской и Семиреченской укрепленными линиями оставалась территория, через которую продолжали проникать на север, в глубь Казахстана отряды хивинских и кокандских феодалов.

В конце 50-х — начале 60-х годов XIX века борьба между Англией и царской Россией за Среднюю Азию еще более обострилась.

Обстановка, сложившаяся в то время в среднеазиатских ханствах, благоприятствовала продвижению России в Среднюю Азию. Дело в том, что в господствующих феодальных группах Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств шла непрекращающаяся борьба за власть. Каждый хан и его окружение стремились захватить территорию соседа.

Особенно трудным было в то время положение Кокандского ханства. Казахские, киргизские и узбекские трудящиеся вели борьбу против феодального гнета. Воспользовавшись благоприятным обстоятельством, после нескольких разведывательных походов царское прави-

[67] ЦГА КазССР, ф. 3, д. 59а, л. 377—378. В переводе на григорианское летоисчисление: м-ца Зу-л-када 18 день 1275 г. соответствует 10 июня 1859 г.

тельство весной 1864 г. направило войска против Кокандского ханства. Они двигались с двух сторон — с Сырдарьинской линии из форта Перовского и от укрепления Верного. За короткое время им удалось овладеть всей Чуйской долиной и крепостями Мерке, Аулие-Ата и Туркестан. После первых успехов командующий одним из отрядов полковник Черняев решил идти дальше, к крепости Чимкент. Главой кокандского правительства в это время стал Алимкул, опекун малолетнего хана. Он развил энергичную деятельность: пытался заключить союз с Хивой и Бухарой, обратился с воззванием к феодальной верхушке казахского и киргизского населения, собрал многочисленное войско и пополнил запасы огнестрельного оружия. Под Чимкентом отряд Черняева встретил упорное сопротивление кокандских войск, поддерживаемых артиллерией, и вынужден был отступить.

Но вскоре Черняев вновь двинулся на Чимкент. Наступление велось с двух сторон: из Туркестана под командованием самого Черняева и из Аулие-Аты под командованием подполковника Лерхе. 22 сентября 1864 г. после непродолжительной осады Чимкент был взят штурмом[68].

Алимкул пытался насильно заставить казахов участвовать в борьбе с русскими войсками. Но казахские трудящиеся не поддержали его, они помогли русским войскам взять несколько городов, например, город Сайрам.

Отряд Черняева направился к крупнейшему торговому и политическому центру Средней Азии — Ташкенту. Несмотря на значительный численный перевес, кокандцы оказались не в состоянии противостоять русским войскам. В июне 1865 г. после трехдневного уличного боя город был взят. Ташкент был объявлен независимым от Коканда городом и вскоре присоединен к России.

В январе 1866 г. русские войска перешли Сырдарью и вступили в пределы Бухарского ханства. В ряде сражений они разбили войска бухарского эмира и заняли земли ханства, которые в 1867 г. вошли в Туркестанское генерал-губернаторство.

Попытка бухарского эмира в 1868 г. поднять народ под лозунгом «газавата» и вернуть утраченные земли окончилась неудачей. Его войска вновь потерпели поражение. Эмир вынужден был подписать мирный договор

---

[68] См. История Узбекской ССР, т. 2. Ташкент, 1968, с. 20.

с Россией. Он признал себя вассалом России и обязался уплатить большую контрибуцию. Русские купцы получили право свободной торговли в Бухаре. Вместе с узбекским населением российское подданство приняли казахи, жившие в северной части Бухарского ханства.

По мирному договору, подписанному в январе 1868 г., кокандский хан уступил России значительную часть своих владений, в том числе Южный Казахстан. В 1876 г. после подавления восстания против царских властей Кокандское ханство было полностью ликвидировано, а его территория вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Весной 1873 г. русские войска предприняли поход на Хиву. Хивинский хан капитулировал и по мирному договору уступил земли по правому берегу Амударьи и признал вассальную зависимость от России.

В декабре 1873 г., через несколько месяцев после занятия русскими войсками Хивы, английское правительство заявило, что завоевание Хивы угрожает «добрым» отношениям между Россией и Англией. Однако уже в том же 1873 г. Россия и Англия пришли к соглашению: в Хиве устанавливается протекторат России, Афганистан остается в сфере влияния английских капиталистов.

Таким образом, после поражения Коканда, Хивы и Бухары казахи смогли полностью войти в состав Российского государства. Эти события завершили длившийся более ста лет процесс присоединения казахских земель к России.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВХОЖДЕНИЯ КАЗАХСТАНА В РОССИЮ

После присоединения Казахстана к России в жизни казахов произошли значительные изменения. Вхождение Казахстана в состав России означало не только установление здесь политического влияния русского правительства, но и включение хозяйства края в экономику капитализирующейся Российской империи, уровень развития производительных сил которой был гораздо выше, чем в патриархально-феодальном обществе казахов, базировавшемся на натуральном кочевом хозяйстве. Вовлечение края в экономическую жизнь России расширяет сферу действия русского торгово-промышленного капитала в Казахстане, что ускоряет развитие здесь товарно-денежных отношений. Складываются более благоприятные условия для развития сельского хозяйства, ремесла и торговли.

Вхождение Казахстана в состав России ограждало казахов от нападений извне и сдерживало внутренние междоусобицы. В свою очередь царское правительство, учитывая интересы буржуазно-помещичьих кругов метрополии, стремится форсировать экономическое освоение края с помощью административных реформ и колонизации.

Характеризуя колониальную политику царизма на национальных окраинах, В. И. Ленин в 1899 г. отмечал, что их экономическое «завоевание» Россией «совершилось гораздо позднее, чем политическое, а вполне это экономическое завоевание не закончено и поныне»[1].

Среди административных преобразований по времени их проведения прежде всего нужно указать на изменение статуса султанов в Среднем и Младшем жузах. В соответствии с «Уставом о сибирских киргизах» (1822 г.) вместо ханской власти в первом была введена должность старших султанов, а во втором — султанов-правителей. Однако это нововведение существенно на патриархально-феодальный уклад жизни не повлияло. Господствовавшее на протяжении веков натуральное хозяйство являлось, по словам Маркса, «базисом застойных общественных отношений»[2]. Пережитки патриархально-родового быта сильно тормозили вызревание новых общественных отношений. И все же под воздействием русского капитала и мероприятий царской администрации усиливается процесс социальной поляризации, классовые отношения принимают все более открытые и острые формы. К началу второй половины XIX века казахское общество внешне изменилось мало: в основном оно осталось кочевым и полукочевым с низким уровнем производства. Но внутри аула уже происходит социально-экономическая дифференциация, следствием чего были, с одной стороны, разорение бедняцких и середняцких хозяйств, с другой — рост богатства в руках небольшой группы баев-полуфеодалов. «Киргизское общество,— как говорится в одной из докладных записок местной администрации,— разделилось на две полные части: на богатых киргизов и работников, первые владеют значительным количеством лошадей и скота»[3].

Массовое изъятие крупными феодалами и русскими колонизаторами казахских земель во второй половине XIX века привело к появлению большого количества безземельных и бесскотных казахов (джатаков). Последние, чтобы спасти свои семьи от голода, вынуждены были уходить в русские селения и города.

В отчете одного из уездных начальников говорится: «По своим социально-экономическим и культурным последствиям жизнь в городах и русских селениях для

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 594.
[2] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 360.
[3] ЦГА КазССР, ф. 369, оп. I, д. 7547, л. 52.

джатачества была более перспективной, чем среди своих сородичей»[4]. Оно постепенно порывает с аулом и в определенной части становится резервной армией рабочего класса.

Что касается тех, которые не уходили в промышленность, то они первыми переходили к оседлой жизни, но влачили жалкое существование. В то же время росло и крепло их доверие к русским крестьянам, что способствовало прочному оседанию джатаков. В отчете сибирских властей за 1840 г. отмечено, что казахи «от частого соприкосновения с русскими все более и более привыкают к оседлой жизни и подражают в этом жителям; многие строят себе дома и заводят хлебопашество»[5].

Для упрочения своих позиций в Казахстане и дальнейшего экономического его освоения царизм во второй половине XIX века проводит новые административные реформы. Для их подготовки в Казахстан была направлена специальная правительственная комиссия во главе с министром внутренних дел Н. К. Гирсом, в которую вошли служившие в Казахстане И. Проценко, К. Гутковский и полковник А. Гейнс. Предварительно члены комиссии должны были ознакомиться с постановкой управления в крае. В курсе деятельности комиссии был Ч. Валиханов, находившийся в дружеских отношениях с К. Гутковским.

Валиханов настойчиво выступал за проведение радикальных реформ, которые открыли бы дорогу общественному прогрессу, способствовали повышению материального благополучия народа. Он писал: «В наше время самым важным и близким для народа считаются реформы экономические и социальные, прямо касающиеся насущных нужд народа, а реформы политические допускаются как средства для проведения нужных экономических форм, ибо каждый человек отдельно и все человечество коллективно стремятся в развитии своем к одной конечной цели — к улучшению своего материального благосостояния, и в этом заключается так называемый прогресс. С этой точки зрения полезны только те реформы, которые способствуют улучшению быта человека, и вредны те, которые почему-либо мешают достижению этой цели»[6]. По глубокому убеждению Вали-

[4] ЦГА КазССР, ф. 25, 1898, д. 1496, л. 355.

[5] Там же, ф. 374, оп. I, д. 64, л. 45.

[6] *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах, т. I. Алма-Ата, 1961, с. 495.

ханова, принятие казахским народом русского подданства предопределило историческую общность судеб русского и казахского народов. Его взгляды на реформы разделяли и Гутковский, и Гейнс. Однако при подготовке реформ настроение широких масс не было принято во внимание. По существу комиссия учла пожелания только имущей верхушки. Ч. Валиханов писал: «Народ, т. е. небогатые, нечиновные и нетитулованные киргизы, в даче мнений в совещаниях по этому предмету участвовал очень мало, даже, можно сказать, вовсе не участвовал. Чтобы удостовериться в справедливости этого факта, стоит только посмотреть на печати и тамговые знаки, приложенные к познаниям: там все султаны и старшины»[7].

11 июля 1867 г. Александр II подписал проект Положения об управлении казахской степью, который был распространен на территории Туркестанского генерал-губернаторства, Семиреченской и Сырдарьинской областей. 21 октября 1868 г. согласно царскому указу были образованы Тургайская, Уральская, Акмолинская и Семипалатинская области. Они вошли в подчинение Степного генерал-губернаторства. Внутренняя (Букеевская) орда была включена в Астраханскую губернию. В свою очередь области делились на уезды, уезды — на волости. Последняя состояла из нескольких аулов, численностью от одной до двух тысяч кибиток[8].

Эта реформа была призвана закрепить политическое господство самодержавия в Казахстане и способствовать интенсивному экономическому освоению края.

Новое административное управление носило ярко выраженный военный характер. Областями руководили военные генерал-губернаторы, уездами — вице-губернаторы. Они были наделены большой военной и административной властью. Для удержания в повиновении народных масс в распоряжение уездных начальников были переданы полиция и военные команды.

Новая система управления расшатывала патриархально-феодальный уклад жизни казахов. Теперь администрация ограничивала власть султанов и родовой аристократии — биев и старшин, что соответствовало курсу царского правительства, желавшего укрепить свои позиции в Казахстане. Русская буржуазия рассмат-

---

[7] *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах, т. 1, с. 500.
[8] ЦГА КазССР, ф. 5, д. 1066, л. 66.

ривала реформу как средство освобождения казахского народа «от давления собственной аристократии»[9].

Введение реформ 1867—1868 гг. привело к тому, что султаны постепенно утрачивали свое влияние в обществе. Это отразилось на их политическом и экономическом положении.

Как показало статистическое обследование казахских хозяйств, уже в 1896 г. «потомки когда-то столь чтимых султанов» обеднели и лишились не только внешнего почета, но даже и права на лучший кусок за столом богатого казаха»[10]. В 1900 г. из 122 самых богатых казахских хозяйств Кокчетавского, Петропавловского и Омского уездов султанских было только одиннадцать[11].

Падение политического и экономического влияния султанов вело к исчезновению зависимых от них тюленгутов, которые смешались с простыми казахами.

По «Временному положению об управлении в степных областях» 1868 г.* и «Положению об управлении в Туркестанском крае» 1886 г. почти неограниченное и бесконтрольное право и власть над населением получили волостные управления и аульные старшины. По Положению 1891 г. споры по земельным вопросам между аульными общинами в пределах волости стали решать волостные съезды, а между владельцами кибиток — аульные. Решающее слово принадлежало управлениям и аульным старшинам. В связи с этим между общинами происходила жесточайшая борьба за проведение в волостные управления и аульные старшины своего кандидата, которого избирали на три года. Общины, потерпевшие поражение на выборах, как правило, оттеснялись на худшие участки земли, нарушались их права на выпасы.

В условиях концентрации пастбищных угодий в руках баев казахские общины стремятся перейти к оседлости, получить землю по нормам переселенческого хозяйства, выделиться в самостоятельный административный аул.

Неопределенная формулировка 145 статьи Положения 1891 г. о том, что распределение повинностей между

---

[9] «Биржевые ведомости», 1896, № 184, с. 169.

[10] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей под руководством Ф. Щербины. Оренбург, 1911, с. 71.

[11] Там же, с. 72.

* В 1891 г. «Временное положение» было утверждено в качестве постоянного.

аулами и кибитковладельцами должно производиться «по благосостоянию каждого кибитковладельца» давала имущей казахской верхушке возможность перекладывать большую часть налогов на хозяйства, находившиеся во враждебном отношении с волостным правителем. «Состоятельные члены общества обыкновенно уклонялись от соразмерного их имуществу несения общественных тяжестей, чему способствовало производство раскладок не действительными представителями обществ, а выборными от десяти и пятидесяти кибиток, которые легко поддавались влиянию богатых людей»[12]. Основной своей тяжестью налоги ложились на бедноту. По признанию Гейнса, «злоупотребления в сфере повинностей и сборов падают исключительно на беднейший и более запуганный класс»[13].

Согласно Положению 1891 г., волостной управитель обязан был следить за исполнением правительственных распоряжений и решений суда, присутствовать на аульных съездах во время выборов аульных старшин, пятидесятников (елубасы) или десятников (онбасы), вести учет населения волости. По предписанию министра финансов от 16 февраля 1896 г. волостной управитель должен был соблюдать правила торговли в степи, фактически получать «доходы» от купцов. Второе примечание к пункту первому 319 статьи паспортного устава возлагало на волостного управителя обязанность помогать в поимке бродяг, беглых дезертиров и т. п.

Все это наделяло волостных управителей неограниченной властью, властью, позволявшей обогащаться. В частности, они установили в свою пользу специальный налог «карачыгын», собиравшийся якобы на общественные нужды. Эта подать, как и фиксированные государственные налоги, целиком ложились на бедноту. Бедняки знали, что «в случае отказа платить «карачыгын», их заставят при помощи сложных исков и обвинений не только уплатить вдвое, но и отбыть за непослушание тюремное заключение»[14].

Введение двухстепенных выборов на основе «Временного положения» 1867—1868 гг. ограничивало роль

---

[12] *Крафт И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, с. 125.

[13] Мотивированная временная инструкция уездным начальникам Тургайской области. Оренбург, 1878, с. 71.

[14] *Пален К. К.* Переселенческое дело в Туркестанском крае (отчет по ревизии Туркестанского края). СПб., 1910, с. 108—109.

депутатов «голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством»[15].

Чокана Валиханова возмущал бюрократический подход комиссии к подготовке проекта реформы. Вместо того, чтобы изучить действительную обстановку в Казахстане, «Степная комиссия всю работу свела к обедам с баями, султанами. Вот почему стремление представителей байских группировок занять эту высокодоходную должность (волостного управителя.— *Т. Ш.*) не останавливало их ни перед какими средствами борьбы. Кроме всего прочего использовались подкупы избирателей и подкупы претендентов друг против друга»[16]. В 1883 г. ревизор Туркестанского края Гирс писал в официальном отчете, что борьба партий за своих кандидатов происходит с применением всех средств, они не брезгуют клеветой, доносами (большей частью ложными), подкупом избирателей, «при выборах иногда дело доходит до беспорядков»[17].

К выборам волостных управлений так или иначе становились причастными полицейские приставы, крестьянские начальники и даже губернаторы. Выборы превращались во всенародное бедствие. По подсчетам К. К. Палена в 80-х годах XIX века кандидат в волостные управители расходовал на подкуп, взятки, угощения до 7 тысяч рублей, а в начале XX века — до 40-45 тысяч рублей[18].

Наряду с реформой власти был модифицирован и суд биев. Если по законам адата бий являлся внешне независимым третейским судьей, к которому по обоюдному соглашению обращались обе стороны, то по царским законам бий оказывался выборным «народным судьей». Это нововведение также наносило удар по патриархально-феодальному укладу, поскольку биями становились лица, не только знатные по своему происхождению, но и поддерживаемые тем или иным баем. Их выдвигали по системе выборов волостных управителей. Хотя эти судьи и были «выборными», между тем все дела они решали по законам адата и толковали его, как им было угодно. Говоря словами Абая, в таком, с позволения сказать,

[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 35.

[16] *Южаков Ю. Д.* Итоги двадцатилетнего управления нашего Туркестанским краем. СПб., 1881, с. 25.

[17] *Гирс Ф. К.* Отчет ревизирующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника. СПб., 1884, с. 25.

[18] *Пален К. К.* Переселенческое дело в Туркестанском крае, с. 96.

суде «успеха добивается с трудом лишь тот, кто бая подкупил рублем, кто с ним успел увидеться тайком»[19].

Во второй половине XIX века ускоряется процесс оседания казахов. В бассейнах Урала и Тобола, где выпадало достаточно осадков, казахи распахивали степь сабанами (примитивными плугами), не прибегая к искусственному орошению. В других районах — на берегах Сырдарьи, Эмбы, Иргиза, Тургая, Сарысу, занимались поливным земледелием. В Восточном Казахстане в 1857—1860 гг. насчитывалось 2076 оседлых земледельцев, обрабатывающих 736 десятин земли. В Тургае в 1866 г. занимались хлебопашеством 900 казахских семей. Вдоль Оренбургской линии, по подсчетам офицеров Главного штаба, вспахивалось 15 тысяч десятин земли, дававшей до 1 миллиона пудов хлеба. На Сырдарье в начале 60-х годов засевалось приблизительно 58 тысяч десятин и собиралось около 1 миллиона пудов хлеба[20].

В известной мере развитие земледелия стимулировалось требованиями рынка. Сосредоточение в сырдарьинских фортах большого количества лошадей повысило спрос на фураж. Окрестные егинши стали в больших количествах заготовлять сено. Вокруг русских военных укреплений казахи выращивали для русского населения арбузы, дыни, лук и другие овощи. Однако собственных земледельческих продуктов, в частности хлеба, не хватало для степного населения, особенно в годы массового падежа скота. Поэтому ежегодно в Казахстан хлеб ввозился. По данным таможен, в начале 50-х годов XIX века сюда привозили из России более 600 тысяч пудов муки.

С ростом бедноты в казахских аулах меняется состав поголовья скота. Во многих районах быстро растет поголовье коров. Увеличивается и количество коз. «Коза — корова для бедняка»,— гласит казахская пословица.

Сужение района кочевок в связи с устройством казачьих военных линий, частый падеж скота во время джутов, а главное, разложение натурального хозяйства — все это подрывало кочевое хозяйство и вынуждало обедневшее население переходить к полуоседлому и оседлому образу жизни. Заниматься земледелием начинал обычно безлошадный казах. Имея 2—3 головы рогатого скота, он выбирал где-нибудь на берегу реки небольшой участок, на котором строил себе саманное

[19] *Абай Кунанбаев.* Избранное. М., 1945, с. 135.
[20] ЦГА КазССР, ф. 383, д. 166, л. 9.

жилище и засевал 1—2 гектара, которые и кормили его. Основными орудиями обработки земли были первобытные омач и мотыга. Сеяли казахи пшеницу, просо, а на юге и кукурузу. Неистощенная земля давала хороший урожай — от 150 до 200 пудов пшеницы с десятины.

Заводить посевы стали также баи-скотоводы, используя на земледельческих работах даровой труд джатаков. Сам бай со скотом и домочадцами с наступлением весны уходил на джайляу, оставляя на зимовке батраков для работы на пашне.

Неурожаев в этих местах не было. Но урожаи часто губила саранча, которая гнездилась в поймах рек и в камышовых прибрежных зарослях. Так, в 1849 г. почти все посевы на Сырдарье были уничтожены саранчой. В результате этого бедствия начался голод.

Мы не будем давать характеристику всем социальным категориям казахского общества XIX века. Рассмотрим лишь такие из них, как баи, джатаки-егинши и консы.

В XIX веке в общественном укладе казахов не произошло принципиально качественных перемен — новые классы не появились. В своей основе общественный строй остался прежним. Сохранение в хозяйстве казахов доминирующей роли экстенсивного скотоводства сдерживало развитие капиталистических отношений в ауле. Поэтому бай — это не буржуа в общепринятом смысле слова, а феодал. Но он уже эксплуатирует трудовой люд на основе не только патриархально-феодальных отношений, но и экономического принуждения. Зависимость трудового крестьянства от феодальных групп, в частности от байства, в значительной степени определялась тем, что земля фактически находилась в их распоряжении, хотя и считалась общинной. Общинная форма землепользования была выгодна байству. Бай, имея большие стада, предпочитал пользоваться всей общинной землей, а не каким-либо одним ограниченным земельным участком. 70—80 процентов скота кочевой общины принадлежали баю. Следовательно, ни о каком уравнительном землепользовании для всех «сородичей», для всех членов общины не могло быть и речи.

Формами эксплуатации общинников были так называемые ортачество и саун. Обычно бедняк, не имевший своего рабочего скота и семян, шел к баю, который давал ему одного-двух быков или верблюда. Бедняк обрабатывал определенное количество десятин земли

и осенью отдавал две трети или половину собранного урожая. Ортачество было фактически одним из видов издольщины. Под видом «оказания помощи» феодал обирал своих бедных сородичей. Всякого рода незаконные поборы с бедняков он прикрывал сауном. «При большом хозяйстве,— писал Л. Маковецкий,— многочисленных стадах киргизы не могут обходиться без рабочих. Часть их составляют воспитанные при богатых аулах сироты и бедные родственники, поселившиеся у богатого человека и состоящие под его покровительством. Остальные нанимаются из числа бедных лиц, не имеющих собственных средств для пропитания себе и семье»[21].

Кабальный характер носила и такая форма феодальной эксплуатации, как ат-майын беру — раздача лошадей беднякам для разъездов или для работы.

Естественно, бай, пользующийся даровой рабочей силой своих консы — обедневших малоскотных крестьян, обедневших сородичей, не нуждался в наемном труде. Все егинши-земледельцы были в большинстве случаев консы какого-либо бая или же работали на него за пользование скотом или землей.

Распространение товарно-денежных отношений меняет привычки и обычаи казахского населения. Если раньше для казаха основную ценность представлял скот, то теперь — деньги. Одновременно меняются условия экономической жизни; кочевое хозяйство все больше утрачивает натуральность, растет потребность в промышленных изделиях — в тканях, предметах домашнего обихода и т. д. Иметь деньги становится насущной потребностью. О том, к чему это привело, красноречиво писал известный исследователь казахской степи И. Крафт: «Деньги сделались кумиром в глазах кочевого народа; они уничтожают патриархальность отношений между людьми, создают «влияние» богачей среди должников. Стонет бедный народ, обираемый и угнетаемый богачами»[22].

Рост товарооборота дал толчок к дальнейшему расслоению казахского общества: обогащаются баи, разоряются и превращаются в наемных батраков бедняки аула. Некоторая часть байских хозяйств, применяясь к потребностям рынка, начинает использовать и наемный труд. Чтобы повысить рентабельность своего хозяйства,

---

[21] *Маковецкий П. С.* Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. 1, Омск, 1886, с. 56.

[22] Памятная книжка Тургайской области. Оренбург, 1891, с. 479.

баи приобретали сенокосилки, создавали конские заводы. Байское хозяйство все теснее смыкалось с рынком, постепенно принимая товарный характер.

Упрочение политических позиций России в Казахстане создавало благоприятные возможности для экономического освоения его, в частности по линии торгового капитала.

Однако в обстановке бурного роста капитализма караванная торговля, связывавшая Казахстан и Россию, не могла удовлетворить их выросших экономических потребностей. Дальнейшее развитие торговли было возможно лишь при наличии железнодорожного транспорта.

Как отмечал В. И. Ленин, в последней четверти XIX века русская буржуазия идет на восточные и северные окраины России, «где еще возможно «первоначальное накопление», дающее сотни процентов прибыли», «...предпринимает гигантские постройки железных дорог в свои колонии, создавая себе там рынок, неся в молодую страну прелести буржуазных порядков, выращивая с особенной быстротой и там промышленную и земледельческую буржуазию и бросая массу производителей в ряды вечно голодного безработного люда»[23].

Важное значение железных дорог в экономической жизни России с ее громадными территориями определялось тем, что они объединяли, концентрировали ее силы, рассеянные на огромном пространстве.

Как известно, строительство железных дорог в России началось в 30-х годах XIX века. Первая железная дорога была построена на Урале в 1834 г., но уже в 1895 г. Россия имела 37 058 километров железнодорожного пути[24].

Опыт Крымской войны показал, что русскую «армию погубили гигантские пространства империи, погубили продолжительные переходы к театру военных действий, — писал К. Маркс. — Необходимо было уничтожить эту отдаленность посредством сети стратегических железных дорог»[25]. Именно поэтому после Крымской войны и подписания тяжелого Парижского договора (1856 г.) царское правительство наметило обширную программу строительства таких дорог. Планы железно-

---

[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 324.

[24] *Хромов П. А.* Экономическое развитие России в XIX—XX веках. М., 1950, с. 88.

[25] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.*, Соч., т. 22, с. 450.

дорожного строительства распространялись и на Казахстан.

В записке от 13 декабря 1869 г. на имя военного министра Д. А. Милютина генерал-губернатор Н. Крыжановский доказывал, что «лучшего и наивыгоднейшего пути из России в Киргизские степи нельзя придумать, как через Самару и Оренбург»[26]. Этот путь, указывал далее Н. Крыжановский, соединит «наш промышленный центр Москву по кратчайшему направлению с центральным пунктом восточной части Средней Азии, то есть с Ташкентом»[27]. Он предлагал ускорить исследование Средней Азии, «чтобы иностранцы не завладели по этому пути главными рынками Средней Азии»[28].

В 1869 г. русское правительство приступило к составлению планов строительства железных дорог в Средней Азии и Казахстане. В 1875—1876 гг. была построена Оренбургская железная дорога от ст. Батраки до Оренбурга, протяженностью 512 верст и стоимостью 30 млн. рублей. Эта дорога обеспечивала вывоз продуктов земледелия и скотоводства на внутренние и заграничные рынки, способствовала распашке целинных массивов Оренбургской губернии и Гурьевской области, переселению в Казахстан крестьян из центральных губерний России.

Железная дорога оказала большое влияние на развитие производительных сил Тургайской области, которая в 1865 г. выделилась из Оренбургской губернии.

Только с 1875 по 1900 г. посевные площади в северных уездах Тургайской области увеличились с 17 тысяч до 182,4 тысячи десятин[29]. В последующие годы посевные площади и валовой сбор хлеба непрерывно возрастали. Если в 1898 г. было посеяно 106 976 десятин и собрано 4 978 842 пудов хлеба, то в 1905 г. — соответственно 323 330 десятин и 20 631 443 пудов хлеба[30]. Одновременно развивается сенокошение. Так, в 1898 г. было заготовлено 7 674 800 пудов сена, а в 1905-м — уже 21 297 054 пудов[31].

---

[26] ГАОО, ф. 6, д. 14199, л. 5.

[27] Там же, л. 49.

[28] Там же, л. 39.

[29] *Аксенов А. В.* Оренбургско-Ташкентская железная дорога и ее роль в развитии капитализма в Средней Азии. М., 1955, с. 6.

[30] Обзор Тургайской области за 1885 г. Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора за соответствующие годы. Оренбург, 1885, с. 30.

[31] Там же, с. 31.

Железная дорога сблизила рынки России, Казахстана и Средней Азии. Сократились время и стоимость перевозок товаров, ускорилось обращение капитала, расширился товарообмен. У населения Казахстана и Средней Азии возросла заинтересованность в производстве большего количества продуктов земледелия и скотоводства. Усилилась тенденция перехода кочевников на оседлость. Шире стало развиваться товарно-денежное хозяйство, которое начало перерастать в капиталистическое. Укреплялись хозяйственные и культурные связи казахского и русского населения.

О значении Оренбургско-Самарской железной дороги красноречиво писала газета «Оренбургский листок»: «Момент не только в истории нашего края, полтораста лет тому назад безмолвного и пустынного, но и в истории отечественного развития, безусловно, великий. Отныне блага европейской цивилизации поедут в данную часть азиатского материка. При посредстве Оренбургской дороги Европа теперь подает руку Азии и это — величайшее событие! Отныне кладется залог прочного экономического развития в наших степях, косневших доселе в мертвом застое. Отныне единение инородцев наших будет происходить с помощью просвещения, промышленности, торговли и неизбежного бытового сближения. Россия, двигаясь в Азию, ставит вокзалы и кладет для всех доступный рельсовый путь»[32].

Однако Оренбургская железная дорога, доведенная до правого берега Урала, не связала непосредственно европейскую часть России со Средней Азией. По-прежнему, чтобы достичь Оренбурга, торговые караваны преодолевали большие расстояния. Не была решена и военно-стратегическая задача: если бы английские войска вторглись в Среднюю Азию, то не было бы возможности ее эффективно оборонять. Вплотную Россия взялась за решение среднеазиатской проблемы лишь после русско-турецкой войны.

В обстановке обострения англо-русских противоречий в 1880 г. царские войска вторглись в Туркмению. За сравнительно короткие сроки были построены Ашхабад, Мары, Чарджоу. Одновременно началось строительство Закаспийской железной дороги (от Красноводска до Самарканда). В 1894—1899 гг. были построены новые линии: Мерв—Кушка, Самарканд—Ташкент (с ветками на Ходжент—Коканд—Маргелан—Андижан).

[32] «Оренбургский листок», 1876, № 44.

Таким образом, в короткий срок в исключительно трудных природных и климатических условиях была проложена железнодорожная магистраль протяжением 2800 верст, в том числе 2362 версты главных путей. Стоимость дороги со всем оборудованием, имуществом оценивалась в 1908 г. в 159 952 тысячи рублей[33].

Закаспийская железная дорога имела большое значение. Она, как писал В. И. Ленин, «стала «открывать» для капитала Среднюю Азию»[34]. Эта дорога дала выход среднеазиатскому хлопку и другим продуктам сельского хозяйства на рынки России, способствовала быстрому росту русской хлопчатобумажной промышленности. Если в 1888 г. было посеяно 68,6 тысячи десятин хлопка, то в 1900 г. уже 234,2 тысячи десятин. Вывоз хлопка в Россию увеличился соответственно с 873 тысяч до 4900 тысяч пудов[35]. В 1900 г. текстильная промышленность потребила 16 млн. пудов хлопка, из этого количества на долю среднеазиатского пришлось 5 млн. пудов, или 31,25 процента[36].

В 90-х годах железной дорогой были соединены Саратов и Уральск.

В связи с обострением русско-английских противоречий, промышленным и аграрным кризисом в стране, царское правительство поспешило с постройкой новых железных дорог, в том числе Оренбургско-Ташкентской. Строительство ее в 1902 г. было вызвано военно-стратегическими соображениями и «отчасти безусловной необходимостью хоть чем-нибудь «помочь» угнетенной промышленности...»[37].

Постройка дороги началась ранней весной 1901 г. На строительстве было занято до 50 тысяч человек. Это были русские рабочие и крестьяне, а также казахи, узбеки, таджики и др.[38] В 1906 г. строительство закончилось, дорога в 1736 верст обошлась государству в 130 млн. рублей.

С введением в строй Оренбургско-Ташкентской железной дороги образовалась единая гигантская система коммуникаций, в которую вошли как составные части

---

[33] ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 11, л. 5.

[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 82.

[35] См. Азиатская Россия, т. II. СПб., 1914, с. 278.

[36] *Демидов А. П.* Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли. М., 1926, с. 47.

[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 259.

[38] *Аксенов А. В.* Оренбургско-Ташкентская железная дорога..., с. 11.

Среднеазиатская, Закавказская железные дороги и Великий волжский путь. В этих районах позиции царской России значительно укрепились. Началось прямое регулярное военное, пассажирское и товарное движение от Петербурга до Кушки и Красноводска. Был нанесен удар происках английского империализма, стремившегося захватить Среднюю Азию и превратить ее в свою колонию.

Всего до Великой Октябрьской социалистической революции на территории Казахстана имелось 2365 километров железных дорог. Трудно переоценить ту огромную роль, которую сыграли железные дороги в развитии производительных сил края. Так, в Тургайской области площади посевов с 323 тысяч десятин в 1905 г. возросли до 827 тысяч десятин в 1913-м, из них 215 десятин засевали казахи[39]. Если земледелие отразилось на формах поселений, характере хозяйственной деятельности населения, на их отношении к земле, то железная дорога сыграла громадную роль в вовлечении кочевника-казаха в сферу товарно-денежных, а через них и капиталистических отношений. В крае стало развиваться не только сельское хозяйство, но и промышленность.

Освоение природных богатств края началось с развитием капитализма. В свое время еще Петр I, зная о наличии в Казахстане больших природных богатств, стремился употребить их на пользу Российского государства. В 1714—1720 гг. в Казахстан были посланы крупные экспедиции для поисков рассыпного золота (одна—Бухгольца вверх по Иртышу, вторая—Бековича-Черкасского в сторону Хивы и третья—Лихарева в Восточный Казахстан)[40].

В это же время исследованием края занимались местные энтузиасты. Почти все известные месторождения на Алтае были открыты в разное время простыми русскими людьми — охотниками, мастеровыми (Кудрявцев, Заливин, Мальцев, Зырянов, Шапкин, Литвинов и др)[41].

В начале XIX века изучение Казахстана продолжалось. Здесь побывали экспедиции под руководством Феофилатьева и Чекалова (1813—1814 гг.), Германа (1815 г.)[42], Набокова и Шаньгина. В результате были

[39] Обзор Тургайской области за 1913 год. Оренбург, 1913.

[40] См *Коцовский В. Д.* Золотопромышленные районы в Киргизской степи. Томск, 1904, с. 4.

[41] Нужды Алтайского горного дела.—«Сибирский вестник», 1890, № 28, с. 103.

[42] «Горный журнал», 1829, ч. I, кн. 3, с. 319, 332.

разведаны такие месторождения, как Бесчека, Кзылтау, Курпектау и др. Это дало толчок к поисковым работам частных предпринимателей[43]. Активно помогали русским разведчикам недр трудящиеся казахи, которые нередко при перекочевках наталкивались на выработки древних чудских копей[44]. Не случайно некоторые географические пункты, например, Кургаштау (Свинцовая гора), Мыстау (Медная гора) и другие имеют казахские названия.

К концу первой четверти XVIII века Россия стала ощущать острую нужду в меди. Предприимчивый горнопромышленник петровской эпохи Акинфий Демидов, стараясь найти более прибыльное применение капитала, устремляет свои взоры на Алтай, где в 1724—1744 гг. строит знаменитые Колывано-Воскресенские заводы. На этой экономической и технической базе Урала была основана горнозаводская промышленность Казахстанского Алтая. Мастеровые Урала стали первыми учителями алтайских рабочих. В связи с тем, что в рудах Алтая были обнаружены серебро и золото, алтайские горнорудные предприятия с 1747 г. стали собственностью императорской фамилии.

Правительство расширяло действующие предприятия и открывало новые. С 1764 по 1816 г. была построено 8 новых заводов. Стали эксплуатироваться рудники Риддерский, Зыряновский и др. Приступив к горным разработкам на Алтае, царская администрация начала вытеснять с этих мест кочевавших здесь казахов[45].

Царский двор требовал от администрации алтайских предприятий увеличить прибыль любыми средствами. Львиную долю ее давала добыча серебра и золота[46]. После резкого падения выплавки серебра в 1779—1784 гг. до 634 пудов, она вновь возросла в 1799—1806 гг. до 1154 пудов и выше этого уровня не поднималась. Начиная с 1806 г. вплоть до отмены крепостного права (1861 г.) серебро добывалось не более 1000 пудов в год. Характерно, что ни одно государство Европы не получало столько серебра. Что касается золота, то его добыча возросла с 1 пуда 4 фунтов в 1751—1761 гг. до 40 пудов

[43] «Сибирский вестник», 1823, т. IX, кн. I. Извлечение из описаний экспедиции, бывшей в Киргизской степи в 1816 г., с. 2.

[44] *Антипов И.* Отчет по разведке угля, открытого в восточной части Киргизской степи Оренбургского ведомства при колодцах Яр-Кус.— «Горный журнал», 1857, № 11, с. 147.

[45] ЦГИА СССР, ф. 469, оп. 428, д. 1559, л. 4—5.

[46] ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 317, д. 4289, л. 113—114.

в 1851—1857 гг. Но в последующие годы она постепенно снижалась[47].

Царский кабинет извлекал из горнозаводской промышленности Алтая высокую прибыль. В 1819—1848 гг. она колебалась от 141 до 317 процентов[48]. Эта высокая норма прибыли была достигнута в результате чудовищной эксплуатации занятых на рудниках людей и хищнической разработки чрезвычайно богатых по содержанию руд[49].

Положение рабочих на предприятиях Демидова было крайне тяжелым. В донесении, написанном в феврале 1747 г. одним из специалистов, работавших на алтайских заводах Демидова, Христиани, говорилось: «От них (Демидовых.— *Т. Ш.*) на заводской расход денег ничего не прислано и мастеровые люди жалованья немалое время не получали и терпят в пропитании нужду»[50]. Работать приходилось в исключительно тяжелых условиях. На каждом шагу рабочих подстерегала смерть от обвалов и взрывов. Если во всей горнозаводской промышленности России в год на 100 тысяч человек приходилось 30 погибших, то на Алтае —92[51].

О бедственном положении рабочих на горнозаводских предприятиях сообщал жандармский полковник Колчевский, совершивший инспекционную поездку на Урал и Алтай в 1832 г.: «Спустясь в преисподние ходы Змеевского рудника, я видел трудную работу рудокопов, а в заводах при плавильных печах изнурение недолговечных мастеровых, получающих в год 20 рублей и паек. При сих заводах мастеровые исправляют все те работы, для которых в Нерчинских рудниках и заводах употребляются каторжные в наказание за преступления»[52].

В результате непосильного труда и низкого уровня жизни возросли заболеваемость и смертность горнозаводских рабочих. Даже по официальным данным, в 1859 г. среди них было 16 682 больных, из которых 1651 человек умерли[53]. В докладной записке царю генерал

---

[47] Алтай. Историко-статистической очерк экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890, с. 382.

[48] ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 43, д. 794, л. 6.

[49] Там же, оп. 315/476, д. 810, л. 39.

[50] *Чупин П.* По поводу поездки на Урал и в Сибирь бригадира Бейера в 1744—1746 гг. Пермский край, т. I. Пермь, 1892, с. 119.

[51] *Юхнев П.* Очерки Алтайского края. Барнаул, 1925, с. 396.

[52] ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 43, д. 1118, л. 4.

[53] Там же, оп. 4/497, д. 12, л. 15.

Альдегонда 12 апреля 1835 г. вынужден был признать, что госпитали на Алтае «не имеют искусных медиков и хирургов», а «заводские крестьяне лишены вовсе врачебных пособий»[54]. На крупнейшем на Алтае Зыряновском руднике в 1880 г. имелось при госпитале всего два фельдшера.

На приисках широко эксплуатировался труд малолетних. Так, на 1 января 1858 г. на предприятиях Алтая работали 1857 детей и подростков[55].

Одним из крупнейших владельцев горнорудных предприятий в Казахской степи был сибирский купец Степан Попов. Правительство специальным постановлением от 3 ноября 1835 г. предоставило ему льготы и привилегии для изъятия в Каркаралинском и Баян-Аульском округах территории площадью 1300 кв. верст[56]. Он построил здесь Благодатно-Стефановский (1849 г.), Богословский (1859 г.) и Иоанно-Предтеченский (1860 г.) заводы. Техническая отсталость предприятий не мешала Поповым извлекать из них огромную прибыль. Так, Богословский завод, стоивший 2079 рублей, за 17 лет принес владельцам 1300 тысяч рублей прибыли[57]. Несколько позднее в Казахстане подвизалась компания горнопромышленников Ушакова — Рязанова. Ими был построен Спасский медеплавильный завод — самый крупный в степи. Первую плавку он выдал в 1868 г.

В казахстанской степи появляется еще несколько мелких предприятий цветной металлургии: в 1855 г.— Гульшадский, в 1866 г.—Владимирский заводы[58]. Спустя почти 30 лет в Бурлинской волости Актюбинского уезда начал действовать медеплавильный завод братьев Эмерик, но уже через два года, в 1894 г., из-за отсутствия у предпринимателей средств он был закрыт.

Сравнительно долго в казахской степи действовали мелкие, технически отсталые предприятия, хищнически перерабатывающие богатые руды. Не случайно горнозаводчики Казахстана считали лишь тогда производство прибыльным, когда руда содержала не менее 12 процентов металла, а для ее переработки имелись дешевое топливо и низкооплачиваемая рабочая сила.

---

[54] ЦГИА, ф. 468, оп. 315/476, д. 813, л. 15.

[55] Там же, оп. 334/494, д. 4, л. 6.

[56] *Сборовский А.* Материалы к изучению горного дела в степных областях Западной Сибири.— «Записки Западносибирского отдела РГО», т. 19. Омск, 1896, с. 18—19.

[57] Там же, с. 30.

[58] ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 332/493, д. 4, л. 7.

Всего в Казахстане с 1855 по 1893 г. было выплавлено 151 182 пуда свинца, 883 пуда серебра, 219 186 пудов черновой меди, 484 542 чистой меди[59].

Горная и горнозаводская промышленность Казахстана явилась первым и важнейшим очагом формирования местного пролетариата. К концу XIX века в ней насчитывалось около 19 тысяч рабочих[60].

Что касается данных о национальном составе горнозаводских рабочих, то сводных сведений, к сожалению, нет. Лишь отдельные отрывочные упоминания в различных источниках дают некоторое представление об этом. Так, в 1868 г. на 10 золотых приисках Кокпектинского округа из 1278 рабочих и служащих казахов было 1205, русских 70, татар 3 человека[61]. В 1893—1894 гг. на приисках Семипалатинской области около 90 процентов рабочих составляли казахи[62].

Характеризуя национальный состав рабочих золотопромышленности Казахстана, В. Д. Коцовский писал: «Рабочие на приисках Киргизской степи состоят исключительно из киргизов местных волостей, русские же, которых здесь сравнительно мало, занимают такие места, где необходимы профессиональные познания, както: кузнецов, плотников, шорников и т. п. В последнее время замечается и между киргизами стремление изучить ремесло, но таких, по крайней мере, на приисках очень мало, а если они и встречаются, то занимают места второстепенные, например, молотобойцев»[63].

Эти, хотя и отрывочные данные, позволяют сделать вывод, что примерно 90 процентов рабочих золотых приисков составляли казахи.

Вместе с тем мы должны отметить, что хотя в Казахстане задолго до Октябрьской революции и зародился пролетариат, но он не был еще пролетариатом в его классическом понимании. Рабочих горнозаводской промышленности края следует отнести к мануфактурному пролетариату, который был промежуточным звеном меж-

---

[59] ЦГА КазССР, ф. 10, оп. 2, д. 112, л. 143.

[60] *Рашин А.* Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940, с. 117.

[61] *Абрамов Н.* Золотопромышленность в Кокпектинском округе Семипалатинской области за 1866 г.— «Тобольские губернские ведомости», 1869, 20 ноября, л. 38.

[62] *Семевский В. И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. 2. СПб., 1898, с. 66.

[63] *Коцовский В. Д.* Золотопромышленные районы в Киргизской степи. Томск, 1904, с. 43.

ду ремесленниками и современным пролетариатом. Причиной этого была крайняя неустойчивость местной горной промышленности. Многие предприятия, возникнув, вскоре погибали. В степи же не было других промышленных очагов, где рабочие могли бы приложить свои руки, они вынуждены были возвращаться в аулы.

Характеризуя положение рабочих в капиталистическом обществе, Маркс выделял в особую группу тех, чья работа носила сезонный характер. Их он называет «бродячими» или «перехожими». По словам Маркса, они относятся «к слою населения, деревенскому по своему происхождению и большей частью промышленному по своим занятиям»[64].

Находясь в тесном контакте с русскими рабочими и пользуясь их дружеской помощью, рабочие-казахи успешно овладевали навыками промышленного труда. «Киргизская степная газета» писала, что казахи «поставляют хороших и способных рабочих, на приисках их очень ценят... Приисковый труд — слишком суровая школа. Выводы и наблюдения... доказали, что даже с тяжелым приисковым трудом киргиз может справиться»[65].

Развитие товарно-денежных отношений, занятие сенокошением и хлебопашеством, проникновение капитализма, создание отдельных промышленных очагов объективно играли прогрессивную роль в развитии производительных сил края и казахского народа. Исследователь Алтая В. Бернер в 1871 г. отмечал, что «уже в настоящее время заметна польза от водворения в степи горнозаводской промышленности. Дети работавших в прежнее время киргизов уже живут более на одном месте, вблизи завода, и постепенно перенимают язык и нравы русских, не изменяя притом своему главному достоинству — трезвости. В последнее время некоторые из них даже изъявили желание учиться читать по-русски»[66].

В Казахстане наряду с горнозаводской промышленностью развивалась и добыча соли. На Баскунчакском промысле в 1867 г. было произведено 54 847, в 1870 г.— 1 287 994, в 1880 г.—12 800 000, в 1900 г.—20 197 111 пудов соли[67].

Значительное место в народном хозяйстве Казахста-

---

[64] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 677.

[65] «Киргизская степная газета», 1894, 18 декабря.

[66] *Бернер В.* Медное производство Спасского завода.— «Горный журнал», 1874, № 4, с. 34.

[67] «Земледелие», 1916, № 1, с. 57.

на начало занимать рыболовство. Оно стало промыслом, главным образом, на реках Урал, Эмба, Иртыш, Бухтарма, Илек, Чу, Или, на Каспийском и Аральском морях, озерах Зайсан, Балхаш и др.

С 50-х годов XIX века возникает промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья. У казахов издавна были развиты такие виды промыслов, как выработка изделий из шерсти, кожи, кости, дерева, которые в основном шли на удовлетворение собственных потребностей. Они составляли неотъемлемую часть натурального хозяйства казахов со свойственной ему раздробленностью и рутиной.

Теперь домашние промыслы претерпели определенные изменения. Говоря о влиянии на развитие таких промыслов поселившихся на окраинах мелких промышленников и ремесленников, В. И. Ленин писал: «Центральные местности страны, обладающие вековой промышленной культурой, помогали таким образом развитию такой же культуры в начинающих заселяться, новых частях страны. Капиталистические отношения (свойственные... и мелким крестьянским промыслам) переносились таким образом на всю страну»[68]. Не выдержав конкуренции российских текстильных и промышленных изделий, домашний промысел постепенно стал приходить в упадок.

В связи с развитием русского товарного производства и расширением торговли Казахстана с центральной Россией все виды домашнего промысла со второй половины XIX века начали серьезно изменяться; деньгами стал оплачиваться труд казахов-ремесленников, причем часть из них, потеряв самостоятельность, превратилась в наемных рабочих.

В этот период возникает в Казахстане пароходное общество по организации судоходства на Иртыше, которое с 1870 г. осуществляет регулярные рейсы между Омском и Семипалатинском. Значительно оживляется и грузооборот на этой реке. В 1901 г. создается пароходное товарищество для налаживания судоходства по Черному Иртышу.

Известно, что осваивать Казахстан русский промышленный капитал стал более активно в период его монополистической стадии развития. В .И. Ленин указывал: «Империализм есть, между прочим, вывоз *капитала*. Капиталистическое производство все более и более уско-

[68] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 336—337.

ренно пересаживается в колонии»[69]. Между тем империализм России, опутанный густой сетью докапиталистических отношений, сам находился в большой зависимости от иностранного капитала. Промышленность Казахстана, особенно металлургическая, угольная и нефтяная, превратилась в объект устремлений иностранных капиталистов, которые, идя путем русских капиталистов, захватывали здесь месторождения, задолго до них открытые местным населением и русскими промышленниками.

Так, Спасско-Успенские, Атбасарские медные, Риддерские полиметаллические рудники, Карагандинские и Экибастузские каменноугольные копи, ряд нефтяных источников на Эмбе были проданы за ничтожно малые суммы и перешли в распоряжение англо-франко-американского капитала. Достаточно сказать, что накануне Великой Октябрьской социалистической революции общая сумма номинального капитала акционерных обществ в промышленности Казахстана составляла около 110 миллионов рублей, из них более трех четвертей приходилось на долю иностранных и только около одной четверти на долю русских вкладчиков. Доминирующее положение в дореволюционном Казахстане занимал английский капитал, который проявлял повышенный интерес к таким полезным ископаемым, как медь, свинец, цинк, нефть.

На территории Казахстана действовали два крупных общества: «Акционерное общество Спасских медных руд» и «Акционерное общество Атбасарских медных руд», фактическими хозяевами которых были иностранные финансовые дельцы. «... Мы, Рязановы и Козицины,— указывалось в договоре с агентом английских капиталистов, неким Фон-Штейном,— передаем (предприятия) в аренду Фон-Штейну сроком на три года, начиная средний срок с 1 июля 1904 года и кончая таковой 30 июня 1907 года, за арендную плату 60 000 руб. в год, а за все три года 180 000 руб., из которых 120 000 руб. уплачивается Фон-Штейном при подписании сего договора за два года вперед, а остальные 60 000 руб. не позже 1 июля 1905 года»[70].

Наряду с английскими капиталистами пайщиками «Акционерного общества Спасских медных руд» были и

---

[69] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 35.
[70] ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 21, л. 18.

французские буржуа. Держателями акций этого общества являлись также промышленники США (Ф. Вальтер), Германии (К. Кип), Швеции (Г. Джонсон), Австрии (И. Деппелей), Бельгии (Г. Игневос), Испании (Де-Канди Донна Мария) и многие другие[71]. Частично акции Спасского общества находились и в русских банках[72].

К началу деятельности Спасского акционерного общества (1904—1906 гг.) его основной капитал составлял 363 тысячи фунтов стерлингов, а накануне Великой Октябрьской социалистической революции уже 978,9 тысячи фунтов стерлингов[73]. В 1906 г. английский капитал арендовал Джезказганские месторождения и создал в Лондоне акционерное общество Атбасарских медных руд. В 1908 г. оно арендует Карсакпай и приступает к постройке завода. Таким образом, все наиболее крупные предприятия оказались в руках иностранных капиталистов (Спасско-Успенские медные рудники, Атбасарские медные рудники, Карсакпай, Экибастузские каменноугольные копи, Караганда и др.).

С конца XIX века иностранный капитал, в частности, французский, английский, бельгийский и шведский, только проникал в нефтяную промышленность Казахстана, но уже к началу XX века количество акционерных обществ в Урало-Эмбенском нефтяном районе достигает 400, а сумма их основных капиталов — 80 млн. рублей.

Однако промышленные предприятия, созданные в Казахстане иностранным капиталом, не оказали существенного влияния на развитие экономики края, ибо получаемая продукция и прибыль вывозились за его пределы и не использовались не только для развития самого района, но даже горных и горнодобывающих предприятий. Поэтому их существование было недолговечным.

В целом экономические последствия вхождения Казахстана в Россию были глубоко прогрессивными. Они изменили социально-экономический и культурный облик края, ускорили ломку патриархально-феодальных устоев, освоение природных богатств, создание очагов промышленности, развитие земледелия.

---

[71] ЦГИА СССР, ф. 1426, оп. 1, д. 48, л. 2, 49.
[72] Там же, д. 53, л. 372.
[73] Там же, ф. 23, д. 114, л. 99.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРОГРЕССИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ПЕРЕДОВОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вхождение Казахстана в состав более развитого государства создало реальные исторические условия для приобщения казахского народа к передовой демократической русской культуре и общественной мысли.

К. Маркс и Ф. Энгельс исключительно высоко ценили передовую русскую культуру. Так, в 1884 г. в письме к одной русской эмигрантке Энгельс отмечает: «Мне кажется, что Вы немного несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть еще кое-где блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только о революционных социалистах, действующих на практике, но также об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в этом отношении в Германии и Франции официальной исторической наукой»[1].

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 147.

Не случайно в дни празднования 60-летия республики и Компартии Казахстана член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана тов. Д. А. Кунаев подчеркнул: «Передовые сыны России всегда выступали в защиту угнетенных, решительно осуждая реакционную политику власть имущих. Еще великий русский демократ А. И. Герцен писал, что нельзя безнаказанно смешивать Россию с ее правительством, что Зимний дворец — это не вся Россия, даже не весь Петербург. Он говорил угнетенным народам: «Другая Россия приветствует вас своими братьями, протягивает вам руку...»[2]. Это была Россия великого русского народа, а также зарождавшегося и выходившего на арену мировой истории русского пролетариата.

Рассматривая влияние передовой русской культуры на развитие культуры казахов, следует, на наш взгляд, прежде всего показать ее благотворное воздействие на рост просвещения, которое до присоединения края к России находилось в зачаточном состоянии. Читать и писать умели, главным образом, служители культа (муллы и ходжи), а также представители знати. Что касается народных масс, то среди них грамотных насчитывались единицы.

По мере перехода от кочевого к полукочевому образу жизни и расширения экономических и культурных связей с соседями у казахского народа возросла необходимость в получении знаний. Вследствие этого в Казахстане стали открывать мектебе и медресе.

Обучение в этих школах проходило по книге «Шариат-ут-иман» («Условия веры»), которая содержала одни молитвы на арабском языке. Ученики заучивали их механически, не понимая смысла. Такое обучение не давало знаний.

Серьезной преградой на пути к овладению грамотой на родном языке была господствовавшая арабская письменность, в алфавите которой не было ряда букв, необходимых для передачи некоторых звуков казахского языка. Казахские мектебе и медресе проповедовали религиозный фанатизм, покорность властям. Они пользовались всемерной поддержкой мусульманского духовенства, а также султанов, баев и биев.

---

[2] *Кунаев Д. А.* Светлой дорогой Ленина. Доклад на торжественном заседании, посвященном 60-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана 29 августа 1980 года. Алма-Ата, 1980, с. 8.

С присоединением Казахстана к России в крае стали распространять и русское образование. Местная система школьного образования составляла неразрывную часть общероссийской школьной системы. Однако царское правительство, стремясь русифицировать народы национальных окраин, открывало школы и другие учебные заведения с целью подготовки кадров для своего колониального административного аппарата. Об этом, в частности, свидетельствуют заявления официальных органов власти. Как писало Министерство народного просвещения в 1870 году, «конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно должно быть обрусение их и слияние с русским народом»[3]. Эту же мысль высказывал и туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман: «Развитие народного образования в крае должно состоять в направлении русских интересов, которое заключается в развитии экономической жизни населения, его гражданственности и солидарности, его слияния с основами русской государственной жизни»[4]. Эти заявления исчерпывающе характеризуют политический курс царизма в данном вопросе.

Однако обучение казахских юношей в русских учебных заведениях имело и огромную положительную сторону — способствовало распространению просвещения в казахской степи. В русских школах, кроме практически ненужных дисциплин, ученики-казахи получали знания естественно-прикладного характера.

Совместное обучение в школах русских и казахов закладывало основу их дружбы. В одном из «Обзоров Тургайской области» говорилось: «Главнейшими задачами русско-киргизских школ являются не только обучение русскому языку и русской грамоте, но и объединение киргиз с русскими с помощью ознакомления с обычаями и мировоззрениями русских людей. Постоянные школьные сношения детей, воспринимающих быстро общее направление русской государственной жизни, к тому же способствуют уменьшению мусульманского фанатизма и противодействуют сепаративному началу киргизского населения»[5].

Но в русских школах учились казахские дети привилегированной части общества, обучение детей трудящихся

[3] История народов Узбекистана, т. II. Ташкент, 1947, с. 264.
[4] Там же.
[5] Обзор Тургайской области за 1899 год. Оренбург, 1900, с. 26.

не соответствовало планам русской администрации. Такая постановка образования шла вразрез с насущными духовными запросами самого народа. Ему были нужны учебные заведения, в которых обучение велось бы на родном языке. Это обязывало представителей русских колониальных властей и казахской правящей верхушки организовать школы, где могли учиться дети русских и казахов.

Вследствие этих причин в казахской степи стали создавать русско-казахские или «инородческие» школы. «Отличие инородческой школы от неинородческой,— писал один из либеральных педагогов,— заключается лишь в том, что в одной из них (великорусской) узаконено преподавание на родном языке, а в другой — воспрещено. В первой школе, т. е. великорусской, принципы национальной педагогики, хотя и не всегда, но все-таки пользуются правом некоторого относительного гражданства; в другой — инородческой школе — требование учащихся и общества, чтобы преподавание было понятным, чтобы были использованы наблюдения самих детей, их способности и силы, звучит уже, как нечто противозаконное»[6].

Первая русская школа на территории Казахстана была открыта на Змеиногорском руднике в 1761 г. К 1849 г. на Алтае было уже 16 горных школ, в них обучалось 1804 ученика. 12 апреля 1835 г., например, горный чиновник граф Альдегонда сообщал императору, что «на Алтае обучается лишь восьмая часть мальчиков школьного возраста»[7]. Со времени открытия школ в них учились дети до 10-летнего возраста, причем только зимой, в течение четырех месяцев, а с 1828 г.— до 12-летнего возраста[8].

Первое русское учебное заведение для казахов, так называемая «азиатская школа», была организована в Омске в 1789 г. В нее принимались дети из имущих слоев казахского населения. В 1836 г. школа была закрыта, а учащиеся переведены в училище Сибирского казачьего войска. Позже для детей казахов было открыто Омское училище, готовившее переводчиков и писарей. В 1813 г. в Омске создается войсковое училище, преобразованное в 1845 г. в Сибирский кадетский корпус, в котором с 1847 г. по 1853 г. учился Чокан Валиханов.

---

[6] ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 336/456, д. 83, л. 51.
[7] Там же, оп. 315/476, д. 813, л. 14.
[8] Там же, л. 18.

В начале 1825 г. в Оренбурге организуется военное училище, в 1844-м оно становится кадетским корпусом.

Учебный план школ был довольно обширен. На азиатском отделении Оренбургского кадетского корпуса, например, преподавались, кроме военных дисциплин, русский язык, история, география, математика, минералогия, зоология, ботаника, лесоводство, землемерное и топографическое дело, восточные языки.

Как отмечалось в указах об образовании этих учебных заведений, они должны были «способствовать сближению азиатов с русскими, внушать первым любовь и доверие к русскому правительству и доставлять краю просвещенных деятелей»[9]. В этом плане неплохо работала первая русско-казахская школа, открытая ханом Джангиром Букеевым в Ханской ставке в 1841 г.

Непосредственные контакты и взаимные деловые связи русских и казахов требовали взаимного овладения языками. Это диктовалось также полной зависимостью Букеевской орды от царских властей. Не случайно даже Джангир ставил получение должности в зависимость от знания русского языка. В письмах, адресованных родоуправителям, Джангир писал: «Без познания русской грамоты быть хорошим должностным чиновником в орде, а именно родоуправителем или депутатом, невозможно... Незнание русской грамоты замедляет течение как судебных, общественных, так и частных ваших исков в обиде». «Я уверен,— писал он далее,— что вы употребите надлежащее старание к вразумению родных и друзей ваших и всех, кого следует, что безграмотных и по-русски не знающих вовсе не будут определять в родоначальники и другие должности»[10].

В русско-казахскую школу в Букеевской орде, как и в другие школы края, принимали главным образом детей господствующих классов, которых готовили для дальнейшего обучения в Неплюевском кадетском корпусе в Оренбурге и других учебных заведениях.

Среди окончивших школу было много способных. Некоторые из них потом стали учителями. Инспектор Оренбургского учебного округа В. В. Катаринский хорошо отзывался, в частности, об успехах учащихся Таловской одноклассной школы и их учителе Карабаеве. «Учитель школы киргиз Карабаев,— писал он,— один из лучших

---

[9] Цит. по: История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата, 1957, с. 366.

[10] «Журнал Министерства народного просвещения», 1904, № 7, с. 30—31.

учителей в Орде, по своему усердию и добросовестному отношению к учебному делу... Из его школы вышло много хорошо обученных по-русски киргиз, которые теперь служат переводчиками и писарями в Орде. Он довольно хорошо умеет вести учебное дело»[11].

Основываясь на опыте работы школ в Ханской ставке, царская администрация стала открывать русско-казахские школы в других губерниях и областях края.

Во второй половине XIX века в Казахстане усиливается влияние мусульманского духовенства. По словам попечителя Казанского учебного округа В. А. Попова, некоторые реакционно настроенные татарские элементы самовольно, несмотря на запрещение, селились в Букеевской орде. «Многие из татар,— указывал Попов,— попав в степь под видом торговцев, сбрасывают там с себя личину и становятся учителями и распространителями ислама и татарского языка»[12]. Они разжигали антирусские настроения. «В татарских школах,— писал А. Н. Харузин,— преподают детям татарскую грамоту и магометанскую религию. Нет никакого сомнения, что такие рассадники татарской, враждебной для русских, культуры, кроме вреда, нам ничего не приносят. Воспитывать киргизов на традициях магометанства, создавать и усиливать, таким образом, татарскую национальность не может входить в цели нашего государства»[13].

В связи с этим ставилась задача принять радикальные меры по пресечению татарско-магометанского влияния на казахов. В докладной записке в Министерство народного просвещения попечитель Оренбургского учебного округа предлагал не брать преподавателями в мусульманские школы и русские классы татарских мулл, «дабы училища под влиянием татарских мулл не сделались рассадником магометанского фанатизма среди киргиз»[14].

Это предложение было поддержано инспектором В. В. Катаринским. «Киргизы,— писал он,— со своей стороны ничем не выразили особенного желания учиться в ставочном татарском училище и в русском или при нем классе, а по-прежнему продолжают охотно учиться в своих русско-киргизских школах с интернатами»[15]. По

---

[11] ЦГИА СССР, ф. 170, д. 893, л. 11.
[12] Там же, ф. 733, оп. 172, д. 295, л. 7.
[13] *Харузин А.* Киргизы Букеевской орды, т. I. СПб., 1889, с. 115.
[14] ЦГИА СССР, ф. 170, д. 893, л. 14.
[15] Там же, ф. 733, оп. 172, д. 295, л. 23—25 и об.

его мнению, «только построение православных храмов, назначение способных священников, знающих киргизский язык, перевод православных священно-богослужебных книг, заведение церковно-приходских училищ и, наконец, поощрение русских к поселению во Внутренней Букеевской Орде — можно признать существенно государственными мерами, имеющими весьма серьезное значение в деле сплочения и слияния Киргизского края с общим отечеством»[16]. В то же время, как писал Катаринский, «введение преподавания магометанской религии в правительственных русско-киргизских школах вселит среди киргизов доверие к мероприятиям правительства, успокоит киргизов относительно посягания на их религиозную совесть, и до известной степени, облегчит этим самым задачи православно-миссионерского дела»[17].

В. Катаринский возражал против введения преподавания ислама в русско-казахских школах, ссылаясь на то, что за время существования в Букеевской орде русских школ с 1868 г. «магометанское вероучение никогда не преподавалось, и киргизы никогда не заявляли об этом. При этом нужно заметить, что начальные сведения по мухаммеданству, достаточные для простого магометанина, киргизы приобретают в своих аульных школах у мулл еще до поступления в русские школы, в возрасте от 7 до 10 лет, а потому и нет особой нужды обучать их вероучению в наших школах»[18].

Мнение В. Попова о запрещении татарам селиться в Казахстане и казахам учиться в татарских школах разделял и В. Катаринский. Однако Министерство внутренних дел, основываясь на сообщении астраханского губернатора о том, что в последние годы татары не селятся в Букеевской орде, не приняло это предложение. Но «шакирдам» и муллам из Казани жить в Букеевской Орде было запрещено[19].

Официальные круги утверждали, что школьное дело в Казахстане следует сочетать с православно-миссионерской деятельностью, которой отвечала система Н. И. Ильминского. Ее они считали «мощным пособником дела

---

[16] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 172, д. 295, л. 7—8.
[17] Там же, л. 9—10.
[18] Там же, л. 7—8.
[19] «Народное образование», 1899, кн. 14, с. 97.

распространения и упорядочения христианства и русской культуры в среде инородцев»[20].

В результате осуществления этой политики число мусульманских мектебе и медресе сократилось, а русско-казахских школ увеличилось. Так, если в 1872 г. в Казахстане было 154 мусульманских мектебе и медресе, в которых обучалось 3821 учащийся[21], то к 1899 г. их число уменьшилось до 60, а количество учащихся — до 1679[22].

В 1850 г. при Оренбургской пограничной комиссии открылась школа, в задачу которой входила подготовка лиц из казахов для выполнения обязанностей письмоводителей и других канцелярских работ при султанах-правителях и дистаночных начальниках в Орде.

Вот как описывает открытие школы инспектор: «Школа при Пограничной комиссии была открыта 22-го августа 1850 года в торжественной обстановке, при участии всех почтеннейших киргиз, родителей учащихся и их прочих родственников, их угощали обедом в школе, на котором присутствовала вся знать гор. Оренбурга; 23-го было устроено народное увеселение для киргизов за городом, сопровождавшееся скачками, борьбою, бегом и разными угощениями; к ночи зажжен был фейерверк, на который степняки смотрели с изумлением»[23].

В школу принимались дети лишь тех казахов, которые «оказывали услуги правительству или же известные по своей особенности оному преданности»[24]. В соответствии с программой предусматривались изучение учащимися русского и татарского языков, географии, арифметики, мусульманского вероучения, составление деловых бумаг на русском и татарском языках, а также практическая подготовка учащихся в зависимости от их способностей. В первый выпуск, состоявшийся в 1857 г., школу окончили 20 человек; в их числе был Ибрай Алтынсарин, закончивший курс с отличными результатами.

В связи с открытием в 1868 г. в Оренбурге гимназии царское правительство сочло «обременительным» для казны содержание школы и закрыло ее, ученики же были

---

[20] «Астраханский вестник», 1899, № 2964.

[21] «Народная жизнь», 1883, № 9—10.

[22] «Астраханский вестник», 1899, № 3024.

[23] *Васильев А. В.* Исторический очерк народного образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896, с. 37—38.

[24] Там же.

размещены «для слушания гимназического курса во вновь открытых классах гимназии, сообразно возрасту и познаниям, которые они окажут на приемном в гимназию испытании, с устройством и приготовительного класса для киргизских пансионатов, если это окажется необходимым»[25].

Если рассматривать вопрос о качестве преподавания, то лучше всего оно было организовано в Омском кадетском корпусе, где в свое время учился Чокан Валиханов, и в школе для казахских детей при Оренбургской пограничной комиссии, питомцем которой был Ибрай Алтынсарин.

Для обучения детей казахов в 1857 г. была открыта школа в Омске. Она готовила главным образом переводчиков. В 1881 г. школа преобразуется в пансион для десяти казахских и десяти русских мальчиков, воспитанники которого впоследствии должны были стать учителями в казахской степи.

В 1865 г. в Омске создается вторая школа для детей казахов. В 1869 г. при Оренбургской гимназии открывается отделение по подготовке переводчиков восточных языков и писарей военных округов. В 80-х годах XIX века в Омске были организованы мужские и женские интернаты, преобразованные в 1885 г. в сельскохозяйственные школы, в которых дети казахов содержались за счет средств казахских общин.

Наряду с русско-казахскими школами, в Оренбурге, Омске, Актюбинске, Кустанае, Петропавловске были организованы курсы учителей, или, как они назывались, учительские семинарии. Существовали также сельскохозяйственные и фельдшерские училища.

Уровень учебно-воспитательной работы, квалификация учительских кадров и материальная база школ в казахской степи в целом были довольно жалкие. Большинство учителей не были знакомы с методикой преподавания, плохо знали русский язык. Знаток народного образования в казахской степи Н. Леванов писал: «Безграмотные в высшей степени, не имея даже самых элементарных сведений в области науки, эти учителя теряли свое реноме, авторитет учительский как в глазах детей, или обучаемых, так и в глазах родителей тех детей, а также всего народа»[26].

---

[25] ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 336/456, д. 84, л. 13.

[26] *Леванов Н.* Киргизские школы в Букеевской орде.— «Народная школа», 1883, № 9, с. 24.

К этому можно добавить, что обучение велось в совершенно непригодных помещениях, при отсутствии учебников и учебных пособий. Тот же Н. Леванов сообщал, что начальник Внутренней орды, ревизовавший школы в 1872 г., доносил генерал-губернатору: «Я был поражен отсутствием каких-либо учебных пособий!... В ставочной школе нет ни атласов, ни глобусов, никаких руководящих пособий и таблиц наглядного обучения»[27].

По мнению Н. Леванова, учащиеся этих школ «не могли иметь таких знаний, чтобы быть вполне грамотными и, в известной степени, развитыми людьми. Выучившись кое-как по-русски читать и писать, они поступали в писари к правителям, старшинам, во Временный совет и уже там, на службе, более или менее знакомились с русским языком и становились переводчиками, хотя и не совсем пригодными, но за неимением лучших они были необходимы... Помимо того, что было плохое содержание школ, плохи учителя, за школами не было хорошего надзора, у учителей не было смыслящих в педагогике руководителей. Что мог знать Временный совет Орды, состоящий из чиновников, совершенно не знакомых с делами школы? Какую пользу могли принести правители частей — киргизы, которым вверен был непосредственный надзор над школами!? Все эти лица, заправляющие школами, требовали лишь одного: писарей для себя. Выпускает школа умеющих писать по-русски, хотя бы даже без малейшего понятия о самом языке — и ладно, о большем они не заботились, хотя знали о целях и видах правительства, хотя и проповедовали о том, что им мешают мектебе и медресе. Беспорядок был невообразимый. В иных школах, зачастую по долгим месяцам, не производилось учение: учителя нужны были или правителям для переписки, или сами они по своему желанию не занимались, взявшись за постороннее, материальную выгоду приносящее дело»[28].

И все же, при всех недостатках, присущих постановке народного образования в Казахстане, с присоединением к России в деле просвещения казахского народа произошли существенные сдвиги. Лишь с вхождением Казахстана в состав России можно говорить о зарождении здесь собственной местной школы, притом, что весьма

---

[27] Цит. по: *Тажибаев Т.* Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алма-Ата, 1962, с. 117.

[28] Там же, с. 118.

важно, строившейся на принципиально новой основе и выгодно отличавшейся от учебных заведений, издавна функционировавших в Средней Азии.

Культурное общение Казахстана с Россией шло не только посредством создания в крае школ, но и путем изучения русскими учеными природных условий края, исторического прошлого, быта и языка казахов.

В 1810 г. появился «Проект Азиатской академии», написанный С. С. Уваровым* и ориенталистом Клапротом. Авторы проекта доказывали, что Россия больше, чем другие страны, заинтересована в изучении восточных народов и в тесном сближении с ними. В 1817 г. в Петербурге началось преподавание арабского и персидского языков. В первом уставе русских университетов (1804 г.) предусматривалось учреждение кафедр восточных языков. Несколько позднее были созданы специальные классы татарского, арабского, турецкого языков при Казанской гимназии и других восточных языков при Тифлисской и Иркутской гимназиях. Русская ориенталистика быстро оформилась в особую отрасль науки, имеющую кадры исследователей.

Передовые представители русского общества с большим интересом изучали историю и культуру казахского народа, с глубоким сочувствием относились к его борьбе против царских колонизаторов.

Большое культурное влияние на казахский народ оказала русская литература, знакомство с которой началось в связи с обучением казахских детей русской грамоте. Постепенно круг людей, интересующихся литературой, расширялся. Культурная взаимосвязь русского и казахского народов выразились и в том, что жизнь и быт казахского народа вошли в тематику русской литературы.

В произведениях передовых русских поэтов, писателей и публицистов стали освещаться многие стороны жизни и быта казахов. Побывавшие в крае представители передовой русской литературы с глубоким интересом относились к устному творчеству казахов, тщательно записывали народные произведения, а потом издавали их в оригинале и в переводе на русский язык.

Глубокий гуманизм и демократичность передовой русской литературы, ее лучшие представители завоевали себе искреннюю любовь у других народов, в том числе и у казахского народа.

---

* Министр народного просвещения России.

А. С. Пушкин, собирая материалы для «Истории Пугачева», в 1833 г. совершил поездку в Оренбург и Уральск и побывал в ряде казахских аулов. Во время этой поездки поэт познакомился с жизнью казахов и проявил большой интерес к их преданиям, песням, легендам. По совету А. С. Пушкина был записан вариант народной поэмы «Козы-Корпеш и Баян-слу». Глубокий лиризм поэмы, трагическая судьба ее героев не могли не взволновать поэта.

В 30-х годах XIX века появилась повесть В. А. Ушакова «Киргиз-кайсак», получившая положительную оценку В. Г. Белинского. Отмечая ее историко-литературное значение, великий критик подчеркнул стремление автора «сблизить роман с действительностью»[29].

Ряд тем из жизни казахского народа был затронут известным русским фольклористом В. И. Далем. В 1838 г. вышла его повесть «Бикей и Мауляна», в которой с большой теплотой даны образы Бикея — умного, прямодушного, честного джигита и Мауляны — девушки, самоотверженно отстоявшей свою любовь и свою честь. Мауляна и после гибели Бикея продолжает бороться. Она убегает от отца, лично обращается к губернатору с просьбой решить вопрос о ее судьбе согласно русскому закону, заявив, что она не может стать женой убийцы ее возлюбленного.

Автор, правдиво изображая быт и патриархально-феодальные нравы, царившие в Казахстане, в то же время описывает изменения в экономике и сознании известной части казахского народа, общавшейся с русским населением.

Произведения В. И. Даля «Майне» и «Полуношник» также были посвящены казахской тематике.

Находясь в сибирской ссылке в качестве «политического преступника», польский поэт Густав Зелинский побывал в казахской степи, где познакомился с жизнью населения. Им была написана поэма «Киргиз», высоко оцененная его современниками. С 1842 по 1924 г. она выдержала ряд изданий на польском, немецком, французском, итальянском, английском, чешском и русском языках. Поэма вызвала большой интерес у широкой публики правдивым описанием быта казахов.

В мае 1847 г. великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко за революционную деятельность был выс-

---

[29] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. XI. М., 1956, с. 138.

лан в Казахстан в отдельный Оренбургский корпус рядовым солдатом. Царь Николай I написал на его деле: «Под строжайший надзор» и «с запрещением писать и рисовать». До 1850 г. Шевченко отбывал ссылку в Оренбурге и Орске, а с 17 октября 1850 г. по август 1857 г.— в Новопетровском укреплении (ныне г. Шевченко Мангышлакской области). Однако ни тюрьма, ни десятилетняя ссылка не сломили Т. Г. Шевченко. Он продолжал писать и рисовать.

Шевченко призывал к единству и братству угнетенные народы. В своем «Завещании» он выразил это ярко:

Похоронив меня, вставайте,
Цепи разорвите.
И злодейской вражьей кровью.
Волю окропите...

В картинах «Казахская семья», «Казах на лошади», «Баксы», «Байгуши» он правдиво запечатлел быт и униженное положение простых казахов. В ряде произведений поэт-демократ высказывает свое отрицательное отношение к национально-колониальной политике царизма.

Борясь с растущим революционным движением в России, царизм установил во всей империи военно-полицейский режим. Лучшие представители русского народа — революционные демократы подвергались казни, ссылались на каторгу, отправлялись в долголетнюю ссылку в отдаленные районы, в том числе и в Казахстан. Это усиливало распространение революционных идей на окраинах России.

Политические ссыльные на местах продолжали свою революционную деятельность, пропагандировали демократические и революционные идеи. Русские революционеры, противники царизма и крепостничества, с сочувствием и любовью относились к угнетенным колониальным народам. Русские революционные демократы во главе с Н. Г. Чернышевским проблему национальных отношений и положение подчиненных «малых» народов понимали как проблему широкого общественного значения. Известная статья Н. Г. Чернышевского «Национальная бестактность», опубликованная в 1861 г. в «Современнике», являлась выражением решительного протеста против национально-колониальной политики царизма.

Самодержавный режим прилагал все усилия, чтобы не допускать общения ссыльных русских революционеров с местным населением. Когда Н. Г. Чернышевский воз-

вращался из далекой Якутии, то последовало специальное распоряжение строго соблюдать тайну его следования с тем, чтобы в населенных пунктах, городах, на железнодорожных станциях народ не услышал, кого везут под конвоем.

В 50-х годах XIX века в Омске, в Семипалатинске отбывали каторгу и ссылку петрашевцы С. Ф. Дуров и Ф. М. Достоевский, последователь Чернышевского Е. П. Михаэлис, народник Никонт Долгополов, польский революционер Северин Гросс. Великий поэт казахского народа Абай Кунанбаев установил дружеские отношения с Михаэлисом, Долгополовым и Гроссом, с их помощью изучал русскую классическую литературу и знакомился с политической жизнью русского общества. В свою очередь, Абай помогал им узнать историю и быт казахского народа.

Так, в разных городах и селах Казахстана русские политические ссыльные устанавливали связь с передовыми представителями казахского народа. Их личное общение, литературные и научные труды имели огромное значение для общественно-политического развития казахского общества.

Под влиянием передовой русской демократической культуры в XIX веке формировалось мировоззрение первых казахских ученых просветителей Ч. Ч. Валиханова, И. Алтынсарина и Абая Кунанбаева, активно боровшихся за сближение казахского народа с русским, впитавших в себя передовую мысль и духовные ценности демократической общественности России, с одной стороны, и прогрессивные традиции казахской общественной мысли и родной культуры, с другой.

В XIX веке Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов и другие представители русских демократов занимались разрешением такого сложного вопроса, каким является национальный вопрос. Разрабатывая идеологические основы содружества народов России, они проделали значительную работу по ликвидации недоверия между различными народами России, которое столетиями насаждал царизм.

В противовес колонизаторской политике царизма, его великодержавному шовинизму, демократы и их последователи, в частности петрашевцы, пропагандировали идеи содружества русского народа с казахами и тем самым способствовали их сближению. В этом отношении заслуживает внимания деятельность петрашевцев, поэтов А. П. Беласогло и Д. Д. Ахшарумова, начальника от-

деления при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел И. М. Дебу, занимавшегося делами казахской степи.

Наибольшее внимание из них изучению Востока, в частности Казахстана, уделял поэт А. П. Беласогло. Занимаясь по службе систематизацией архивных документов Востока, он все больше убеждался в том, что правящие круги царской России не считались с интересами коренного населения. Привлеченный к ответственности по делу петрашевцев, он показал на следствии, что «гр. Нессельроде целые 35 лет своего управления министерством не видел или не хотел видеть целого Востока и столь тесно соприкосновенной с ним огромнейшей половины России»[30].

Неослабный интерес к событиям в Казахстане и к продвижению России в Среднюю Азию проявлял М. В. Петрашевский. Являясь опытным пропагандистом, он использовал неудачный хивинский поход Перовского (1839—1840 гг.) для обличения царизма. По мнению Петрашевского, главная роль в деле ликвидации отсталости национальных окраин России, в том числе и Казахстана, должна была принадлежать представителям русской демократической общественности. Он считал, что ввиду своего «нравственного и общественного» превосходства Россия должна приблизить малые народности к науке и цивилизации и помочь им стать равными в кругу «общечеловеческого общения»[31]. Удовлетворить нужды народов Казахстана и Средней Азии Петрашевский считал возможным посредством строительства здесь промышленных предприятий.

Несомненный интерес представляет переписка между петрашевцами А. И. Макшеевым и Н. А. Момбели, продолжавшаяся значительное время. В письме от 15 апреля 1849 г. А. И. Макшеев описал Аральскую экспедицию во главе с А. И. Бутаковым и охарактеризовал безрадостное и нищенское положение казахов-кочевников.

В письмах Макшеева дана характеристика взаимоотношений казахского народа с русскими, а также с восточными соседями. В одном из них приводится интересная деталь, свидетельствующая о заинтересованности казахов в русском подданстве: «Киргизов встретили только в одном месте. Они выражали свое неудовольствие к хивинскому правительству, завидовали участи ордын-

[30] Дело петрашевцев, т. II. М.—Л., 1937—1951, с. 207—208.

[31] *Семевский В. Н.* М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири.— «Голос минувшего», 1915, № 8, с. 211.

цев, находящихся в подданстве России и изъявляли желание перекочевать в нашу степь»[32].

Идейно петрашевцы оказали большое влияние на формирование мировоззрения выдающегося казахского просветителя и ученого Чокана Валиханова. Они помогли ему в освоении идей русских революционных демократов по различным вопросам общественной жизни, в том числе и по национальному вопросу. Хотя в силу объективных условий тогдашней действительности он не смог подняться до его научного понимания.

Надежды царизма на то, что ссылка петрашевцев в Казахстан положит конец их революционно-пропагандистской деятельности не оправдались. Более того, находясь в ссылке, петрашевцы глубже узнали жизнь народов национальных окраин России и повели просветительскую работу среди них. В разных местах Казахстана или в сопредельных с ним районах отбывали ссылку П. Г. Шапошников, В. Головинский, поэты А. Н. Плещеев и С. Ф. Дуров, А. В. Ханыков, Н. А. Момбели. Несколько позднее здесь побывали поддерживавшие контакты с петрашевцами М. И. Венюков, Е. П. Ковалевский, П. П. Семенов-Тян-Шанский.

«Декабристы и петрашевцы,— писал Г. Н. Потанин,— несомненно, подготовили новое поколение в Сибири, которому она обязана своим общественным пробуждением...»[33].

Мы уже говорили, что большой вклад в изучение Казахстана внес петрашевец Алексей Иванович Макшеев (1822—1892 гг.). Свои исследования края он начал после окончания Академии Генерального Штаба. Результаты его научных изысканий описаны в таких работах, как «Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских» (1890), «Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю» (1896) и др. В 1848 г. Макшеев участвовал в Аральской экспедиции А. И. Бутакова, а в 1853 г.— в походе на Ак-Мечеть. Плоды своих научных изысканий во время экспедиции в Туркестанском крае в 1867 г. он обобщил в статье «Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае». В этой работе на основе расспросов на местах он впервые в литературе описал племенные группы казахов, проживавших в Туркестан-

---

[32] Дело петрашевцев, т. I. М.—Л., 1937—1951, с. 214.

[33] Цит. по: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в пяти томах, т. IV. Алма-Ата, 1968, с. 652.

ском крае, с обозначением численности семей. Макшеев был одним из первых, кто высказался за создание органов казахского самоуправления, использование казахского суда, формирование городских центров и т. д.

Прогрессивная общественная мысль России оставляет глубокий след в культурной жизни Казахстана, она содействует появлению в ней новых, невиданных прежде сил. Именно под влиянием передовой русской культуры в крае начали формироваться местная демократическая интеллигенция. Один из ее представителей — выдающийся ученый, просветитель и демократ Чокан Валиханов. Он страстно любил свой народ и выступал горячим поборником передовой демократической русской культуры, призывая к тесной дружбе с великим русским народом. Его деятельность — кульминационный пункт в истории русско-казахских общественных отношений в 40—60-х годах XIX века. В Омске Ч. Валиханов общался с демократически настроенной интеллигенцией, познакомился с С. Ф. Дуровым и Ф. М. Достоевским.

«Из немногих посещавших нас,— говорит близкий друг Ф. М. Достоевского А. Е. Врангель,— помню между прочим, что заехал проездом, чтобы повидать Ф. М. Достоевского, молодой премилый офицер-киргиз, воспитанник Омского кадетского корпуса, внук последнего хана Средней орды Мухаммед-Ханафия Валиханов (имя Валиханова упоминается в последних письмах Достоевского ко мне). Он познакомился с Федором Михайловичем в Омске у Ивановых и очень полюбил его»[34].

На идейное формирование Ч. Ч. Валиханова оказал огромное влияние С. Ф. Дуров. Об этом свидетельствуют воспоминания Г. Н. Потанина, писавшего о том, что политические убеждения Валиханова сложились под влиянием Дурова[35].

После окончания в 1853 г. кадетского корпуса Чокан Валиханов сопровождал генерала Гасфорта в поездке по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю. Во время этой поездки Чокан записал много исторических преданий, легенд и песен. С этого путешествия он начинает глубокое научное изучение истории казахского народа и его быта.

Даже генерал Гасфорт вынужден был признать спо-

[34] *Врангель А. Е.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири, 1854—1856 гг. СПб., 1912, с. 94; *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в пяти томах, т. IV, с. 592.

[35] *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах, т. IV, с. 549; *Айдарова Х. Г.* Чокан Валиханов. Алма-Ата, 1945, с. 40.

собности молодого Валиханова и представить его к награде. В частности, Гасфорт писал: «В числе представляемых заключается, между прочим, состоящий при мне корнет султан Валиханов, который, хотя и состоит на службе не более 2-х лет, но при совершенном знании оной, киргизского языка, а также и местных киргизских обычаев, он, сопровождая меня в степь, принес большую пользу... Он получил основательное образование в Сибирском кадетском корпусе и поступил в военную службу, а потому и в видах поощрения такого полезного начинания и развития в киргизах желания к отдаче детей своих в нашу службу и через то большое сближение их с нами, я нахожу необходимым поощрение Валиханова всемилостивейшей наградой, тем более он пользуется особым между киргизами уважением»[36].

В 1856 г. Чокану был присвоен чин поручика, впоследствии в связи с успешным завершением экспедиционных работ в Киргизии и Восточном Туркестане — чин штабс-ротмистра[37].

В 1856 г. Чокан Валиханов участвовал в первой русской научной экспедиции в районе озера Иссык-Куль. За два месяца он успел обследовать северную часть озера и снять в двухверстном масштабе карту местности по его северному берегу до р. Аксу, по южному — до р. Зауке.

Во время экспедиции он записал ряд сказок, песен, а также произведений казахского героического эпоса, в частности, «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», «Смерть Кукотай-хана и его поминки», собрал также несколько десятков замечательных преданий и составил записку о «Дикокаменных киргизах»[38]. Чокан Валиханов первый со слов киргизских певцов-сказителей записал отрывок известного киргизского эпоса «Манас» и, по существу, открыл его для науки. К сожалению, значительная часть собранных Чоканом фольклорных материалов не сохранилась.

В этом же году Валиханов три месяца прожил в Кульдже. Обстоятельным отчетом об итогах Иссык-Кульской и Кульджинской научных экспедиций Валиханов обратил на себя внимание великого русского ученого-

---

[36] ЦГВИА СССР, ф. 395, оп. 162/550, д. 18, л. 2 и об.
[37] ЦГАВМФ, ф. 4, оп. 23, д. 24, л. 10—15.
[38] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в пяти томах, т. I, Алма-Ата, 1961, с. 301.

го географа П. П. Семенова-Тян-Шанского, проездом побывавшего в Омске. Встреча с русским ученым имела важное значение для дальнейшей научной деятельности Валиханова.

27 февраля 1857 г. 22-летний Чокан Валиханов по рекомендации П. П. Семенова-Тян-Шанского был избран действительным членом Русского Географического общества.

28 июня 1858 г. Ч. Валиханов отправился в прославившее его имя путешествие в Кашгарию (Южный Синьцзян), доступ в которую для европейцев был закрыт. Чокан посетил ее под видом купца из Средней Азии. В 1859 г., после успешного завершения экспедиции, он представил полный отчет о своей поездке Русскому Географическому обществу. Результатом экспедиции явились напечатанные еще при жизни Чокана Валиханова в 1861 г. труды: «О состоянии Алты-Шара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 годах», «Выписка из отчета о путешествии в Кашгарию поручика Валиханова», а также неопубликованные путевые дневники 1854—1859 гг. и др.

Значительным вкладом в историографию Казахстана и Киргизии явились работы Ч. Ч. Валиханова «Аблай», «Очерки Джунгарии», «Записка о судебной реформе у киргизов Сибирского ведомства», «Следы шаманства у киргизов», «Вооружение киргизов в древние времена и их военные доспехи», «Киргизское родословие», «О кочевках киргиз» и неопубликованные рукописи «Родоподразделение у казахов и других среднеазиатских народов в древние времена», «О Западном крае Китайской империи и городе Кульдже (1856 г.)»,

В 1865 г. работа Чокана Валиханова «Очерки Джунгарии» была издана в Лондоне. Благодаря путешествию в Кашгарию имя его стало широко известным в ученом мире. В «Известиях» Географического общества в 1863 г. отмечалось, что «Валиханову принадлежит честь быть первым образованным, посетившим эти страны»[39].

После возвращения из поездки в Кашгарию Чокан Валиханов жил в Петербурге, выступил в Русском Географическом обществе и слушал лекции в университете. Болезнь заставила его покинуть столицу и возвратиться в Казахстан. Он решил «посвятить себя работе на поль-

[39] Архив МИД, ф. IV—3, д. I, л. 77—92.

зу соотечественников, защищать их от чиновников и деспотизма богатых киргизов»[40] и выставил свою кандидатуру на выборах на должность султана Атбасарского округа. Однако в угоду реакционным казахским элементам, ненавидевшим всех тех, кто защищает права народа, местные власти не утвердили его кандидатуру.

Незадолго до смерти Чокан Валиханов участвовал в подготовке судебной реформы в казахской степи, отстаивал интересы жителей Семиречья, где, как известно, проживало много национальностей. В 1864 г. участвовал в военной экспедиции генерала Черняева, но затем оставил армию, поселился в ауле вблизи Верного, где вскоре и умер 30 лет отроду.

На примере жизни и деятельности Валиханова видно животворное воздействие культуры русского народа на развитие демократического направления в общественной мысли Казахстана.

Валиханов — верный последователь русских просветителей. По его утверждению, «на мнения... привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают большею частью враждебны интересам массы, большинства»[41]. Стоя на этой позиции, Валиханов вел борьбу с баями и феодалами, которые по его образному определению, вместе с царскими колонизаторами терзали казахские аулы. Через все произведения ученого-просветителя проходит мысль об исторической необходимости единения казахского народа с русским. Ч. Валиханов выступал с критикой феодально-байской ориентации на восточные ханства, разоблачая реакционную сущность ислама. Он писал, что казахи «считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно»[42], и утверждал, что «интерес целой нации, по строгой справедливости, должен предпочитаться выгодам отдельного сословия»[43].

Лучшие представители передовой русской культуры высоко ценили Валиханова. Ф. М. Достоевский писал Чокану: «Не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который растолковал в

---

[40] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в пяти томах, т. IV, с. 63.
[41] Там же, т. I, с. 495.
[42] Там же, с. 499.
[43] Там же, с. 499—500.

России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатаем за нее у русских. Вспомните, что Вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце. Нельзя, нельзя отставать, настаивайте, старайтесь... А ведь возможно, будьте уверены. Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе вашей, мой дорогой Валихан. Я так Вас люблю, что мечтал о Вас и судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы первый из вашего племени, достигший образования европейского... Но вот еще один совет (вообще) менее забывайтесь и мечтайте, а больше делайте. Хотя с чего-нибудь да начните, хотя что-нибудь да сделайте для разрешения натуры своей. Прощайте, дорогой мой, и позвольте Вас обнять и поцеловать 10 раз. Помните меня и пишите чаще»[44].

Воспитанный в традициях русской демократической культуры, Ч. Валиханов прекрасно понимал великое значение содружества казахского народа с русским и всячески ратовал за него. Чокан считал приобщение казахского народа к русской культуре единственным выходом из вековой темноты. Он писал: «Мы связаны с русскими историческим и даже кровным родством»[45].

Ч. Ч. Валиханов за короткую жизнь сделал многое для своего народа, для развития его национального самосознания. Однако он остался на позициях просветительства, не поднявшись до уровня русских революционеров-демократов 60-х годов.

Другой, не менее интересной личностью во второй половине XIX века в крае был выдающийся педагог в казахской степи, один из основоположников народного образования, просветитель и общественный деятель Ибрай Алтынсарин (1841—1889 гг.).

Окончив в 1857 г. семиклассную русскую школу в Оренбурге, он в 1859 г. поступает в Оренбургское областное правление, где, наряду с исполнением служебных обязанностей, читает книги и статьи на русском языке, расширяя свои знания.

Н. И. Ильминский так пишет в своих воспоминаниях

---

[44] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в пяти томах, т. IV, с. 88—91.
[45] Там же, с. 499.

об Алтынсарине: «В. В. Григорьев собственно имел в виду образование Алтынсарина, пользуясь его неутомимой любознательностью. Он назначил его состоять при себе, как толмача (переводчика. — *Т. Ш.*), когда являлись по делам службы или с просьбами киргизы. Алтынсарин каждый день с 9 часов до 3-х находился в приемной комнате (в зале) квартиры управляющего; за этой комнатой был кабинет В. В. Григорьева — обширный, с большими по стенам полками, уставленными массою книг. У него была богатая библиотека и немало было книг на русском языке. Григорьев давал Алтынсарину книги, и он по целым утрам читал их, отрываясь лишь редкими случаями посещения киргизов или русских чиновников: о последних он должен был докладывать управляющему, а киргизам служил переводчиком. Читая русские книги, Алтынсарин, по совету В. В. Григорьева, писал в особую тетрадь неизвестные ему русские слова, представляя эту тетрадь В. В-чу, который вписывал к каждому слову значение — кратко и точно. Так продолжалось несколько дней. Но неутомимый Алтынсарин добывал себе литературные журналы, читал их по целым ночам, выбирая неизвестные слова, и через неделю преподнес В. В-чу толстую тетрадь, исписанную словами, почти все иностранными, которыми преизобилует новая журналистика»[46].

Алтынсарин пришел к убеждению о необходимости усвоения казахским народом русской культуры и решил распространять ее в народе посредством педагогической деятельности. Он стал ездить по казахским аулам, записывать и изучать памятники казахской литературы, сообщать сведения об истории казахов и агитировать за обучение детей в русских школах.

Об этом Алтынсарин писал: «Все возможное счастье для киргизского народа я вижу в дальнейшем времени только в нравственном слиянии с русским народом и в духовном, экономическом развитии его посредством русско-киргизского образования»[47]. И далее: «Молодое поколение киргиз (казахов. — *Т. Ш.*) будет смотреть на язык и грамоту русскую, как на единственный язык культуры и знания, пристрастится к нему и будет развиваться...»[48].

---

[46] *Ильминский Н.* Воспоминания об Алтынсарине. Казань, 1891, с. 20—21.

[47] ЦГИА СССР, ф. 733, д. 156976а, л. 160.

[48] Там же, л. 159.

Являясь прямым последователем педагогической системы Ушинского, Ибрай Алтынсарин разработал совершенный для того времени проект об образовании в условиях казахской степи и затратил много сил, чтобы внедрить его в жизнь. Он считал, что «школы — это главные пружины образования казахов... На них и в особенности в них надежды, в них же будущность казахского народа». «Настоящее положение дел в степи такое, что надобно теперь уже установить и направить школьное дело на должный путь»[49].

Трудясь над организацией школьного дела, выдвигая задачи в области образования и воспитания детей казахов, Ибрай Алтынсарин поднялся до уровня революционно-демократических идей просветителей и классиков русской педагогики.

Через всю педагогическую систему Алтынсарина проходит высокая оценка культуры и исторического опыта русского народа. Он был глубоко убежден в том, что лишь благодаря приобщению к прогрессивному движению русского народа возможно экономическое и нравственно-духовное развитие казахского народа. Учащиеся должны получать реальные знания — в этом видел Алтынсарин основную задачу школы. Преподавание в школе естественных дисциплин Алтынсарин считал весьма важным для популяризации естественно-научных знаний о явлениях природы и для борьбы с предрассудками. Он выступал против миссионерской деятельности царизма по распространению в школе христианства и одновременно резко осуждал насаждение магометанства.

Алтынсарин предложил новые типы учебных заведений, которые были удобны для детей казахов. По его инициативе создаются русско-казахские школы, первые народные школы в Казахстане.

Центральное место в системе просвещения, разработанной Алтынсариным, занимало двухклассное центральное училище. В первые же годы его деятельности они были созданы во всех четырех уездах Тургайской области. Одновременно с открытием этих училищ Алтынсарин разрабатывает тип волостных и аульных школ, с помощью которых он хотел сделать образование подлинно массовым, доступным для всех. «Устройство этих школ, — писал Алтынсарин, — должно быть применено к бытовым условиям этого народа, ввиду чего школы

[49] Цит. по: *Ильминский Н.* Воспоминания об Алтынсарине, с. 229, 261.

эти должны зимовать с киргизами, когда киргизы зимуют, и кочевать, когда киргизы кочуют»[50].

Приобщение девочек-казашек к учебе — одна из важнейших заслуг И. Алтынсарина. Благодаря его настояниям организуются первые школы для казашек. «Желаю, чтобы дело, начатое Вами, шло так же успешно, как началось, и пробудило бы в киргизском населении, особенно между женщинами, сознание личной пользы и охоту к знаниям и труду»[51], — писал по поводу открытия женской школы в Иргизе военный губернатор Тургайской области Я. Ф. Барабаш инспектору школы Алтынсарину.

Алтынсарин положил начало в казахской степи профессиональному образованию. Он открыл ремесленное училище в Тургае, а затем организовал первую женскую ремесленную школу и ремесленные классы при двухклассных училищах.

Он добивается того, чтобы в каждом уезде организовалось по одному училищу, а в волости — по одной волостной школе. «Народ киргизский сам по себе представляет благодатную почву для образования,— писал Алтынсарин,— но грустно иногда бывает, как подумаешь о несочувственном отношении к делу образованных-то людей»[52]. В другом письме он сетует: «Трудна борьба со злом, пустившим уже глубокие корни в киргизском народе, но еще труднее и опасно иметь дело с административными властями, готовыми из-за простого даже каприза погубить честного человека»[53].

Несмотря на серьезные преграды, которые ставили Алтынсарину местные колониальные власти, ему удалось преодолеть предубеждения родителей против обучения своих детей в русско-казахских школах и создать ряд русско-казахских школ, которые выпускали относительно грамотных и образованных людей. После смерти И. Алтынсарина русско-казахские школы, организованные по его методу, получили распространение в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах. С именем Алтынсарина связано начало педагогического образования в Казахстане. Невежественных мулл, по мысли Ал-

---

[50] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. I, д. 2283, л. 267—268.

[51] Цит. по: *Ситдыков А. С.* Педагогические идеи и просветительная деятельность И. Алтынсарина. Алма-Ата, 1949, с. 56.

[52] *Алтынсарин И.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1957, с. 359.

[53] Там же.

тынсарина, должны были повсюду заменить образованные учителя.

Много сил отдал он пропаганде идей дружбы казахского народа с великим русским народом, широко пропагандировал классиков русской литературы и сам перевел некоторые произведения, например, ряд басен И. А. Крылова.

Весьма примечательна характеристика, данная Алтынсарину газетой «Оренбургский листок». «Алтынсарин, — писала газета, — был первом апостолом, вышедшим из среды киргиз, призывавшим к свету цивилизации, к любви и дружбе с Россией...»[54].

Особое место в истории общественной мысли Казахстана занимает выдающийся поэт-просветитель, основоположник казахской письменной литературы, казахского литературного языка Абай Кунанбаев.

Когда Абаю исполнилось десять лет, его отвезли в Семипалатинск и отдали учиться в медресе. Нудное заучивание исламского вероучения тяготило мальчика, время пребывания в медресе скрашивало чтение классиков литературы Востока — Фирдоуси, Низами, Физули, произведения которых оказали большое влияние на будущего поэта.

Через три года, в 1858 г., тринадцатилетний Абай по требованию отца вернулся в родной аул, — отец хотел сделать сына своим помощником и стал знакомить с делами в роду. Это помогло юноше приобрести практический опыт в решении сложных, подчас запутанных вопросов в жизни казахского аула того времени. Очень скоро Абай стал весьма популярным в тобыктинском роде, чему в немалой степени способствовали его находчивость, ораторские способности.

В 1875 г. Абай был назначен аркатским волостным управителем. Действуя в соответствии со своими убеждениями, он принимал все меры по пресечению взяток, межродовой вражды, раздоров, барымты, боролся с захватом угодий и скота, требовал от баев гуманного отношения к чабанам, прислуге, сторожам и другим представителям беднейших слоев казахского общества. Это был честный и неподкупный родовой управитель. Идеи Абая шли вразрез со взглядами его отца, в результате между ними в 1873 г. произошел полный разрыв.

Действия Абая вызвали недовольство баев, предста-

[54] «Оренбургский листок», 1889, № 41.

вителей клерикальных кругов и их сторонников. На него посыпались доносы. В 1883 г. на Абая царскими властями было заведено следственное дело, но за отсутствием улик оно было прекращено[55].

Участие в разбирательстве дел и в различных семейно-бытовых и народных празднествах, близкая связь с акынами и теми, кто прекрасно знал устное народное творчество, увлечение классической литературой Востока, наконец, непосредственная связь с народными массами,— все это обогащало и расширяло кругозор Абая и способствовало формированию его общественно-просветительских взглядов.

Отлично понимая значение и место лирической песни в жизни казахского народа, Абай в одном из стихотворений называет ее «вечным спутником радостей земли».

В 1886 г. Абай был избран членом Семипалатинского областного статистического комитета[56]. К этому времени поэтическое творчество становится главным в его жизни.

Решающее влияние на формирование взглядов и развитие литературно-общественной деятельности поэта оказали передовые представители русской демократической культуры. Являясь продолжателем дела Чокана Валиханова и Ибрая Алтынсарина, Абай Кунанбаев борется за приобщение казахского народа к передовой русской демократической культуре.

Сам Абай прекрасно знал русский язык и русскую литературу. От русских революционеров, сосланных в Казахстан, Абай узнал правду о русском народе, благодаря им получил возможность читать в подлиннике Пушкина и Лермонтова, Салтыкова-Щедрина и Льва Толстого, Чернышевского и Добролюбова. Абай писал: «Человек, который познакомил меня с произведениями известных русских писателей Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Салтыкова, Белинского, Добролюбова и Писарева — был Михаэлис, именно он сделал для меня больше, чем родной отец, открыв мне глаза на мир»[57].

В отзыве Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества по поводу научной деятельности Е. П. Михаэлиса, данном 28 октября 1929 г., гово-

---

[55] Друг Абая — Е. П. Михаэлис (воспоминание дочери).— «Прииртышская правда», 1945, 1 августа.

[56] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. I, д. 961, л. 17.

[57] *Абай.* Соч. СПб., 1909, с. 109; *Сильченко М. С.* Абай. Алма-Ата, 1945, с. 13.

рится: «Е. П. Михаэлис — крупный научный работник Западно-Сибирского и Семипалатинского края—открыл в казахской степи крупный поэтический талант в лице казахского поэта Ибрагима (Абая) Кунанбаева, воспитанием которого Михаэлис занимался в течение нескольких лет. В результате казахский народ в лице Кунанбаева получил блестящего поэта, талантливыми произведениями которого, оригинальными и переводными (перевел на казахский язык басни Крылова, некоторые произведения Пушкина), зачитывалась вся степь»[58].

Абай неустанно ратовал за дружбу казахского народа с русскими. «Помни, — писал он,— что главное — научиться русской науке... Для того, чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую литературу. Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза... Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни»[59].

Даже семипалатинский уездный начальник был вынужден отметить, что «в суждениях своих во время беседы Кунанбаев обнаружил полное понимание интересов и правильные взгляды на цивилизаторскую миссию России в азиатских владениях и с негодованием осуждает попытку мусульман-фанатиков»[60].

Абай Кунанбаев был популярным в народе. Он защищал слабых и обездоленных и прослыл как правдивый и гуманный человек. «В прежнее время, — говорится в секретном донесении семипалатинского уездного начальника, — Кунанбаев пользовался громадным влиянием среди киргиз как Семипалатинского, так и соседних уездов, неоднократно был выбран от уездов «тюребием», т. е. примирителем в спорах междууездных, что считается между киргизами высшим почетом и доверием к честности избранного судьи»[61]. Это, естественно, не могло не привлечь внимания царской администрации. Немало беспокойства доставляла ей переписка Абая с передовыми представителями русской, казахской и татарской интеллигенции, дружба с политическими ссыльными. Его переписка проходила через цензуру семипалатинского военного губернатора. Дело дошло до того, что в 1903 г. Абая обвинили в распространении антиправительственных листовок. В секретном предписании полицмейстеру

[58] *Сильченко М. С.* Абай, с. 26—27.
[59] *Абай Кунанбаев.* Избранное. М., 1945, с. 286.
[60] ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 2, д. 399, л. 42.
[61] Там же, л. 85—86.

семипалатинский военный губернатор 18 апреля 1903 г. писал: «Ввиду производящегося ныне дознания по поводу распространения среди киргизского населения противоправительственных прокламаций и необходимости обнаружения содержания как упомянутого письма, так вообще корреспонденции Ибрагима Кунанбаева, предлагаю вашему благородию тотчас же... отправиться по месту жительства названного Кунанбаева, произвести у него тщательный обыск»[62]. 25 апреля 1903 г. у Абая был произведен обыск, в результате которого была изъята большая переписка Абая с друзьями и знакомыми.

В советское время Абай получил всенародное признание, а с помощью русских переводов стал известен не только народам нашей страны, но и за ее пределами. Его творчество пронизывала вера в человеческий разум, который, по его мнению, следовало употребить на благо народа.

Большое значение в деле распространения русской культуры в Казахстане имела деятельность передовых русских ученых: географа П. П. Семенова-Тян-Шанского, зоолога А. Н. Северцова, востоковедов Н. А. Аристова, В. В. Вельяминова-Зернова, путешественника Н. М. Пржевальского, писателя В. И. Даля и других. Все они, в отличие от реакционных ученых, с большой любовью отзывались о казахском народе и искренне желали развития просвещения в крае. Деятельность их утверждала в казахском народе желание к упрочению дружбы с русскими. Это стремление отразилось в народном поэтическом творчестве. Например, еще и сейчас в народе сохраняются и бытуют рассказы о поэтическом состязании (айтысе) акына Утебая, главной темой песен которого была дружба с русским народом.

В произведениях акынов первой половины XIX века довольно часто воспевалась борьба народных масс против гнета. Особенно четко идеи эти проявились в произведениях выдающегося народного акына Махамбета Утемисова (1804—1846 гг.). В своих песнях и призывах Махамбет ярко и правдиво передал сущность крестьянского восстания, стремление повстанцев получить землю и одержать победу над ханом Джангиром. По идейному содержанию произведения Махамбета знаменуют собой новый этап в развитии казахского народного творчества. До конца жизни Махамбет оставался верным делу борьбы против ханов и султанов.

[62] ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 2, д. 399, л. 42.

Все лучшее из наследия крупнейших акынов впитало в себя творчество Джамбула Джабаева. В ряде песен еще молодого Джамбула звучали острые социальные мотивы. В его произведениях образно показана тяжелая доля бедняков. Часто обличал молодой Джамбул взяточничество чиновников. Однако подлинного расцвета творчество Джамбула достигло только при Советской власти.

Наиболее талантливыми представителями музыкального искусства Казахстана в первой половине XIX века были выдающийся домбрист и автор многих классических произведений Даулеткерей Шигаев и блестящий композитор, достигший замечательного мастерства в игре на домбре, Курмангазы Сагырбаев. Проникавшая в это время в Казахстан музыка русских композиторов обогащала казахскую музыку новыми средствами музыкальной выразительности.

Лучшие произведения деятелей казахского народного музыкального искусства упомянутых нами Даулеткерея Шигаева, Курмангазы Сагырбаева, а также Биржансала Кожагулова, Абая Кунанбаева, Ихласа Дукенова, Мухита Мералиева, Балуана-Шолака, Жаяу-Мусы Байжанова, Ахан-сере Кораисина, Естая Беркимбаева и многих других получили широкое распространение. Проявила себя талантливым композитором и исполнителем народных кюев последовательница Курмангазы Дина Нурпеисова.

В развитии культуры Казахстана огромное значение имели города, особенно Оренбург, Омск, Семипалатинск. В 1868 г. были открыты отделы Западно-Сибирского отделения Русского Географического общества в Омске, Оренбурге и Семипалатинске. Во всех городах Казахстана шло школьное строительство. К концу XIX столетия в некоторых из них открылись средние учебные заведения — мужские и женские гимназии, учительские семинарии. Росло городское население, часть казахов становилась горожанами.

Во второй половине XIX века успешно развивалась русская наука, что имело большое положительное значение и для Казахстана. Русские ученые изучали производительные силы края, а также историю и культуру казахского народа.

В многочисленных трудах П. П. Семенова-Тян-Шанского имеются сведения о естественных богатствах Казахстана, истории и быте казахского народа. Один из круп-

ных ученых И. В. Мушкетов написал геологические очерки Казахстана; он создал целую школу геологов, в числе которых был В. А. Обручев, много сделавший в изучении природных богатств Казахстана.

Большая научная работа велась русскими учеными в области изучения истории, культуры и языка казахского народа. Известный востоковед И. Н. Березин в многочисленных трудах по классификации тюркских языков высказал соображения об образовании казахского языка. Востоковед В. В. Радлов в течение 10 лет путешествовал по Сибири, Алтаю и Туркестану, занимался этнографией и археологическими раскопками. По его инициативе был организован русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии. В его фундаментальное сочинение «Образцы народной литературы тюркских племен» вошли некоторые казахские сказания. Большую работу по изучению этнографии Казахстана проделал Г. Н. Потанин.

Во второй половине XIX века значительно продвинулось изучение истории Казахстана. Исследования В. В. Бартольда, В. В. Вельяминова-Зернова, Л. М. Мейера, М. Красовского, И. А. Добросмыслова, Н. А. Аристова, Н. Н. Харузина и многих других значительно обогатили историческую литературу о крае.

После присоединения Казахстана к России здесь появляются первые медицинские учреждения. В 1855 г. во Внутренней орде была учреждена должность постоянного врача.

Оренбургский генерал-губернатор, по представлению Пограничной комиссии 16 июня 1858 г., «изволил разрешить отправить в лазарет форта № 1 небольшое количество медикаментов для подания необходимой помощи заболевшим киргизам, их семействам, кочующим вблизи форта, с тем, чтобы отпуск оных производить безденежно собственно только тем киргизам, которые не имеют средств к приобретению медикаментов, но отнюдь не долженственным состоятельным киргизам»[63].

Положением от 29 мая 1897 г. «О преобразовании врачебной части в уездах областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской» была введена так называемая земская (гражданская) медицина[64], которая со-

[63] ЦГА КазССР, ф. 383, оп. I, д. 39, л. 5 и об.
[64] Там же, ф. 64, оп. I, д. 3406, л. 56.

держалась частью на земские средства, а когда их было мало, на сборы от населения.

Однако здравоохранение в дореволюционном Казахстане развивалось очень медленно. Достаточно сказать, что до Октябрьской революции здесь было всего лишь 98 учреждений стационарной врачебной помощи и 196 врачей, которые обслуживали главным образом имущие классы. К 1913 г. в крае было всего пять врачей-казахов с дипломами об окончании Томского университета, среди них Божей Мынгатов, и один ветеринар — Бейсембай Тойсарин, окончивший ветеринарный факультет того же университета. Они работали в Дагандинской волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области. Основная масса казахских трудящихся была лишена медицинской помощи. На 10 тысяч населения Казахстана приходилось 0,4 больничной койки, а на 25 тысяч человек — один врач. Так, в Иргизском и Тургайском уездах один врачебный участок практиковал на территории 87,5 тысячи квадратных километров. Социально-бытовые болезни — туберкулез, трахома, чесотка, эпидемии оспы, тифа, дизентерии и т. д. — были бичом казахского народа. Место врачей занимали знахари, баксы и муллы.

В конце XIX — начале XX века начинают выходить на казахском языке первые газеты и книги. Казахские писатели и передовые русские ученые использовали страницы печати для описания жизни и быта казахского народа.

Первый казахский прогрессивный журнал «Айкап» вышел в 1911 году. Его основателем был представитель казахской демократической интеллигенции М. Сералин, который в течение пяти лет в очень трудных материальных условиях издавал свой журнал.

Журнал «Айкап» оказал значительное влияние на формирование казахского литературного языка и развитие публицистики на казахском языке. Журнал распространялся среди аульной интеллигенции, мугалимов. В нем активно участвовали поэты, писатели, передовые сельские учителя, среди корреспондентов журнала были и женщины. Поднимая актуальные для казахского народа общественно-политические вопросы, журнал способствовал росту национального самосознания казахского народа, хотя не всегда был последователен в своих идейных позициях.

По своему идейному содержанию казахская национальная литература, как и казахская культура вообще, развивалась в двух направлениях: народно-демократическом и буржуазно-реакционном. Встав на путь социалистического развития, казахский народ, отбросив реакционное, сохранил все ценное из духовного наследия прошлого.

Таким образом, добровольное присоединение Казахстана к России создало условия для проникновения в край русского просвещения, передовой демократической русской культуры и общественной мысли, которые сыграли огромную роль в формировании мировоззрения первых казахских просветителей, появлении здесь демократической идеологии, в повышении национального самосознания казахского народа.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ КАЗАХСТАНА ПРОТИВ ЦАРИЗМА И ФЕОДАЛЬНО-БАЙСКОГО ГНЕТА

Царизм, проводя колонизаторскую политику в крае, опирался в первую очередь на казахских феодалов. Трудящиеся казахи оказывались под двойным гнетом: царизма и своих феодалов. Согласно введенным в 1868 г. царским правительством «Временным правилам по управлению Киргизским краем» все земли, занимаемые кочевьями, а также леса объявлялись государственной собственностью. Это царской администрации послужило основанием для массового изъятия земель у трудящихся казахов под предлогом освоения края.

В статье «Переселенческий вопрос» В. И. Ленин писал: «Как известно, на переселение крестьян правительство и контрреволюционные партии возлагали особенно большие надежды. Оно призвано было, по мысли всех контрреволюционеров, если не разрешить радикально, то, по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос. Вот почему переселение особенно стало рекламироваться и всячески поощряться именно при приближении, а затем при развитии крестьянского движения в Европейской России»[1].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 325.

Первые переселенцы-крестьяне оседали в казахской степи на арендных условиях. Они селились на свободных казахских землях, зачастую отводимых им самими казахскими общинами. На основе добровольного соглашения крестьяне-казахи отдавали свободные участки; по истечении срока переселенцы продляли аренду и постепенно осваивали район. «Пустив корни в занятую землю, — писал «Оренбургский листок», — переселенцы продолжают некоторое время жить в своих домах и сохранять с киргизами те же коммерческие отношения. Эти отношения могут быть названы даже полувассальными: переселенцы исправно вносят киргизам установленную плату и покорно отбывают барщину, обрабатывают и засевают в пользу владельцев установленное число десятин земли. Переселенцев еще немного. Но... они вызывают и переселяют к себе других крестьян»[2].

В конце 80-х годов XIX века крестьяне из Тобольской и Томской губерний стали заселять Кокчетавский уезд. В последующее десятилетие в Акмолинскую, Тургайскую и Уральскую области начали прибывать крестьяне из центральной России. По данным переписи 1897 г., в переселенческих селах Казахстана (без Букеевской орды) проживало 150 тысяч человек. В их пользовании было почти 1,4 млн. десятин земли. Кроме того, крестьяне-переселенцы арендовали у шаруа более 88 тысяч десятин земли[3].

Все увеличивавшийся наплыв переселенцев из центральной России стал вызывать беспокойство местной администрации, ибо «занятием удобных для переселенцев и, стало быть, лучших степных участков» можно было «подорвать благосостояние кочевников»[4]. Подобные опасения властей меньше всего были вызваны истинной заботой о кочевниках-казахах. В действительности власти опасались, что изъятие в массовом масштабе земли вызовет недовольство, возникнут беспорядки.

Не отказываясь от взятого курса, правительство все же было вынуждено учитывать обстановку. С 90-х годов оно решило придать переселению некое подобие организованности. В марте 1893 г. при комитете Сибирской железной дороги были созданы так называемые переселенческие партии по заготовлению участков, просуществова-

---

[2] «Оренбургский листок», 1892, № 42.

[3] *Турсунбаев А. Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950, с. 29.

[4] ЦГА КазССР, ф. 25, д. 1000, л. 28—29.

вавшие до образования в 1904 г. переселенческого управления.

Эти партии стали организовывать различного рода экспедиции в колониальные окраины, в частности в Среднюю Азию и Казахстан, с целью выявления земельных участков, пригодных для переселения русских крестьян в эти районы. Наиболее значительной из них была экспедиция в 1895 г. под руководством Щербины, которая на основе формальной регистрации свободных земель по квадратным верстам отнесла к пригодным земельным участкам «65 млн. дес. земли в Степном крае»[5]. В их число были включены и абсолютно негодные для земледелия участки. В. И. Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» подверг такие «методы» выявления свободных земель резкой критике[6].

В результате русские крестьяне-поселенцы оказывались в невыносимо тяжелых условиях. Даже такой верный слуга царизма, как генерал-лейтенант Кондратович, обследуя состояние переселенческих дел в Семиречье, с возмущением писал: «Переселенческие организации занимаются в области не тем, чем нужно, а именно, — не выяснив действительного количества свободных земель, их пригодности... распространяют как среди населения, так и в глазах начальства, что в области миллионы (десятин) свободных земель»[7].

В связи с этим необходимо коснуться и вопроса об отношении царских колонизаторов из переселенческого ведомства к землеустройству оседающих казахов, ибо колонизационный фонд в основном создавался за счет обжитых земель в казахской степи.

Заведующий Сырдарьинским переселенческим управлением Сахаров писал производителю работ по устройству русских поселений Звягинцеву: «...в счет киргизской земельной нормы необходимо вводить... и каменистый выгон, который... может быть прекрасно использован для скотоводства... При этом нам надлежит вводить такие зачеты каменистого выгона, какие окажутся необходимыми сделать...»[8].

Представители местного казахского населения не раз

---

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 224.

[6] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 224—231.

[7] ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 3, д. 484, л. 64 и об.

[8] Переселенческое дело в Сырдарьинской области. Ташкент. 1913, № 40. с. 103.

писали властям о возмутительном отношении чиновников к выявлению земельных «излишков». Показательна в этом отношении жалоба казахов аула № 3 Каратургайской волости Актюбинского уезда. «Тургайские переселенческие партии, — указывается в жалобе, — незаконно и бесконтрольно отобрали все наши необходимые для скотоводства земли под переселенческие участки, оставив нам гористые и солончаковые места. Мы находимся в крайней нужде, лишены средств к жизни, не имеем возможности заниматься скотоводством и земледелием»[9].

Критикуя хищнические методы отчуждения земель, даже такая газета, как «Новая Русь», была вынуждена признать, что «под переселенческие участки отбирают все площади, мало-мальски пригодные для земледельческого хозяйства»[10]. И как результат, в Уральской области у казахов было отобрано 20 млн., в Семиреченской — 3,5 млн., в Сырдарьинской области — 0,5 млн. десятин лучших земель[11].

Изъятие у казахов земель в так называемый «переселенческий фонд» подрывало их натуральное кочевое хозяйство, ускоряло разложение родовой земельной общины, разоряло огромную массу общинников.

Одновременно для создания надежной опоры среди байской верхушки царское правительство наделяло ее дарственными землями родовых общин, что ущемляло интересы маломощных кочевых хозяйств и еще больше укрепляло экономическое господство феодалов. Только с конца 70-х годов XIX века до 1902 г. (за 20 лет) количество скота на одну кибитку уменьшилось в Верненском уезде с 11,2 до 8,3 головы[12]. В Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях в среднем на каждую семью приходилось 8 голов крупного рогатого скота и 20 мелкого. «В то же время у небольшой части киргиз скот считается большими стадами, а несравненно большее количество кочевников не имеет совсем скота или имеет одну — три головы и живет в работниках у более зажиточных»[13].

Разорение мелких кочевых хозяйств привело к тому, что появилось такое количество бесскотных кибитковла-

---

[9] ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 3, д. 484, л. 53.
[10] «Новая Русь», 1910, № 83, с. 53.
[11] ЦГИА СССР, ф. 391, оп. I, д. 135, л. 4.
[12] «Вопросы колонизации», 1907, № 1, с. 41.
[13] «Киргизская степная газета», 1894, № 7.

дельцев, которые были вынуждены искать средства к существованию вне системы кочевого хозяйства. «Дикая сила кочевников дрогнула, — писал А. Е. Алекторов,— потеряв скот и огромные луговые пространства, они целыми массами отрываются от скотоводства и оставляют степь. Не имея возможности перейти к земледелию и заняться какими-либо другими отраслями независимого промышленного труда, бывшие номады являются на рынках труда в качестве работников, свободных, как птица, и способных ко всякой тяжелой работе»[14].

В книге «Советский Казахстан» тов. Д. А. Кунаев отмечает, что «усиление национально-колониального гнета самодержавия ускорило процесс массового обнищания аульной бедноты, часть ее уходила на заработки в города, где на промышленных предприятиях вместе с казахскими трудились русские, украинские, татарские и башкирские рабочие. Таким образом, объективно рабочий класс Казахстана рос и мужал в сложной борьбе за свои права как интернациональный отряд российского пролетариата. Вместе с тем массовое переселение русского крестьянства в конце XIX и начале XX века привело к расширению разнообразных трудовых связей между казахским и русским крестьянством»[15].

Таким образом, одно из последствий колонизации казахской степи — это разрушение векового уклада кочевников, резкие сдвиги в социальном составе. С 90-х годов XIX века в аул проникают капиталистические отношения. Казахские баи начинают заниматься земледелием, нанимая рабочих и применяя простейшие сельскохозяйственные орудия. Однако развитие капиталистических отношений в казахском ауле шло крайне медленно. Наемные рабочие, используемые в байском хозяйстве, не были пролетариями в полном смысле слова: они не утратили окончательно своей хозяйственной самостоятельности, но поскольку они были не в состоянии обеспечить собственными силами прожиточный минимум, то вынуждены были работать издольно у богачей.

Земельный голод, который испытывала основная часть тружеников аула, заставлял превращать в «пахотные угодья» даже летовочные пастбища. Так, документы сообщают, что «аксакалы аулов, а в Акмолинском уезде — аульные сходы регулируют пользование летов-

[14] «Киргизская степная газета», 1894, № 7.
[15] *Кунаев Д. А.* Советский Казахстан. Алма-Ата, 1980, с. 13.

кой между пашней и летним пастбищем; через известные промежутки времени пашни переносятся на пастбищную целину, а пастбища — на залежь и т. д.»[16]. Чтобы как-то свести концы с концами, бывшие кочевники, лишенные скота, переходят к оседлости и начинают обрабатывать карликовые наделы.

В Актюбинском уезде, как свидетельствуют некоторые документы, между русской и казахской беднотой наблюдались «супряги» по обработке земли.

Наряду с джатачеством широкое распространение в крае получает уход из аулов разорившихся общинников на отхожие промыслы, В этом отношении характерен отчет степного генерал-губернатора за 1886 г., в котором говорится: «Бедняки киргизы (джатаки) занимаются поденной работой, нанимаются на Колбинские прииски и на рудники Алтайского горного округа, а во время жатвы и сенокоса массами отправляются в ближайшие крестьянские деревни Томской губернии, где киргизы, как дешевые работники, в большом спросе. О размерах таких отхожих заработков можно отчасти судить по количеству выданных билетов. Всего (только в Семипалатинском уезде) в 1886 году взято билетов 22 942»[17].

В. И. Ленин характеризовал промыслы как «*явление прогрессивное*», ибо неземледельческий отход «...вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности»[18].

Часть бывших общинников приобщается к занятию ремеслом, ставшим для них основным источником существования. Только в Семипалатинской области в 1886 г. насчитывалось 5310 ремесленников[19]. Немало работников, порвавших с общиной, переходит на положение пролетариев, занятых в горной промышленности. По сообщению семипалатинского вице-губернатора, в 1901 г. на шахты Экибастуза «рабочие стали сами являться на заработки, иногда партиями даже по 100—200 человек, частью с семьями, так что не встречалось уже необходимости в рассылке агентов»[20]. К осени в Экибасту-

---

[16] ЦГА КазССР, ф. 38, оп. 1, д. 57, л. 71—72.
[17] «Альманах Казахстана», 1947, № 7, с. 47.
[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 576—577.
[19] «Альманах Казахстана», 1947, № 6, с. 85.
[20] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 5621, л. 13.

зе оказалось 5000 разоренных и голодных людей, тщетно пытавшихся найти здесь работу. Подобное положение наблюдалось и в других местах.

В начале XX века в крае имелось уже 12 тысяч горняков, в том числе в Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах Семипалатинской области — 2864, на риддерских, зыряновских и других предприятиях Алтая — до 8500. Больше половины горнорабочих составляли казахи[21].

Однако предприятия обрабатывающей промышленности, возникавшие в Казахстане, в основном были мелкие. По данным А. Ф. Якунина, всего в Казахстане рабочих было столько, сколько на одной текстильной фабрике Морозова в Орехово-Зуеве[22].

Казахские рабочие использовались на самых разных работах (на ряде предприятий их насчитывалось 60—70 процентов). По признанию царских чиновников и предпринимателей, рабочие казахи «благодаря своей приспособленности и знанию дела, а также нетребовательности быстро вытеснили русских пришлых рабочих»[23]. Квалифицированными рабочими были по-прежнему русские, которых привлекали сюда с Урала и других промышленных центров России. Они помогали казахским рабочим в овладении профессиями, пробуждали в них классовое самосознание.

Положение рабочих, в особенности казахских, было очень тяжелым, что вызывало их протест. В 1888 г. казахские рабочие на прииске горнопромышленника Москвина в Усть-Каменогорском уезде выступили против невыносимых условий работы, созданных хозяином. «Дошло известие,— писала газета «Сибирский вестник»,— о бунте рабочих киргизов... управляющий вызвал на Зайсан военную силу для усмирения»[24]. В 1890 г. был убит смотритель на прииске Асташево (Алтай), а в 1895 г.— управляющий Николаевского прииска.

В начале XX века борьба рабочих Казахстана приобретает более зрелые формы. На предприятиях возникают стачки, вызванные ухудшением и без того тяжелого положения рабочих в связи с промышленным кризисом 1900—1903 гг. Наиболее крупными были забастовки на Успенском руднике в 1901—1903 гг., а в 1902—1903 гг.—

---

[21] ЦГА КазССР, ф. 10, оп. 1, д. 1692, л. 200—222.

[22] *Якунин А. Ф.* Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России. М., 1949, с. 623.

[23] Обзор Уральской области за 1915 год. Уральск, 1916, с. 69.

[24] «Сибирский вестник», 1889, № 51, с. 117.

в Экибастузе и Караганде. Рабочие выдвигали чисто экономические требования — повысить заработную плату, улучшить условия труда и быта.

Большая забастовка рабочих-казахов началась 20 декабря 1903 г. на Спасском медеплавильном заводе Рязановых. Управляющий заводом Сухоруков сообщал начальству: «В означенный день большинство старалось повлиять на тех рабочих, которые не присоединились к ним»[25]. Забастовка продолжалась три дня. Рабочие выставили экономические требования.

Подобные забастовки были стихийными. Только позднее, с развитием революционного движения в России и распространением его влияния на окраины, выступления пролетариата в Казахстане стали принимать более широкий и организованный характер.

Расстрел рабочих 9 января 1905 г. в Петербурге положил начало первой русской революции. На борьбу с самодержавием поднялись и угнетенные народы окраин. «За Петербургом,— писал В. И. Ленин,— последовали окраины, где национальное угнетение обострило и без того невыносимый политический гнет»[26].

Революционные выступления казахского народа в 1905—1907 гг. тесно связаны с революционной борьбой русского народа. В городах Казахстана на собраниях рабочих и интеллигенции выносились резолюции протеста против расстрела безоружных рабочих в Петербурге, собирались средства в помощь семьям убитых. На предприятиях городов, на Среднеазиатской и Оренбургско-Ташкентской железных дорогах проходили забастовки рабочих и служащих. В феврале 1905 г. забастовали железнодорожники Перовска, Туркестана, Челкара[27]. В Петропавловске рабочими железнодорожного депо была организована политическая забастовка. Упорными были стачки речников Павлодара и рабочих Перовска. Рабочие уральской типографии провели первомайскую политическую демонстрацию.

В декабре 1905 г. департамент полиции извещал царскую администрацию в Казахстане, что «на случай всевозможных столкновений с киргизами при пехотных частях организуются военно-охотничьи команды, так

---

[25] ЦГА КазССР, ф. 5449, оп. 2, д. 209, л. 68.

[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 313.

[27] Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958,, с. 345—346.

как для действия в степи пехотные части мало пригодны»[28].

Казахский рабочий класс уже на заре своего становления проникался идеей братской дружбы с русским рабочим классом, сознанием того, что только эта дружба может обеспечить победу над общим врагом. Ярким примером этого служит создание в декабре 1905 г. рабочими Успенских рудников «Русско-киргизского союза».

«Мы, рабочие и служащие Успенского медного рудника горнопромышленника К. Э. Карно — французского гражданина,— говорилось в первом пункте требования организаторов союза,— сплотившись между собой для борьбы с капиталом, на общем собрании 6 декабря 1905 года пришли к тому заключению, что исполнять свои обязанности при существующих условиях жизни на руднике можно лишь в том случае, если эти условия будут улучшены».

В своей петиции рабочие требовали:

«1. Немедленного понижения цен на все продукты, отпускаемые в плату.

2. Повышения заработной платы месячным, поденным и подрядным.

3. Снабжения непромокаемой одеждой и обувью рабочих.

4. Устройства в непродолжительном времени русско-киргизского училища.

5. Немедленного улучшения помещений—казарм для киргиз-рабочих.

6. Уволить служащих Успенского медного рудника — фельдшера К. Э. Костенко, конторщика М. А. Ивченко, как не согласных с требованиями рабочих.

В случае неудовлетворения наших требований или промедления с ответом, объявляем с 12 декабря полную всеобщую русско-киргизскую забастовку»[29].

К забастовке успенских рабочих 10 декабря присоединились рабочие карагандинских копей. Местная уездная администрация послала на Успенский рудник карателей, но рабочие твердо отстаивали свои требования. Администрация сначала отказалась удовлетворить их, но потом, когда забастовка приняла затяжной характер, вынуждена была пойти на уступки.

---

[28] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. I, д. 112, л. 10.

[29] Там же, ф. 14, д. 182, л. 28—29.

Рабочие приисков, в том числе рабочие-казахи, в Усть-Каменогорском и Акмолинском уездах, на Экибастузских каменноугольных копях и в Перовском уезде на разработках саксаула примкнули к революционной борьбе. 1 мая 1905 г. они провели политическую забастовку.

Организованно проходили выступления рабочих и служащих Иртышского пароходства. В декабре 1905 г. были выработаны и предъявлены пароходовладельцам требования, в том числе о 8-часовом рабочем дне, увеличении заработной платы. Был избран стачечный комитет, которому рабочие поручили связаться с речниками других портов для совместного обсуждения требований к пароходовладельцам Западной Сибири и координации стачечной борьбы.

Царское правительство было сильно обеспокоено ростом революционного движения в Туркестане и Казахстане. Председатель Совета Министров Витте в шифрованной телеграмме в декабре 1905 г. предлагал туркестанскому генерал-губернатору ввести «военное положение и решительно покончить с забастовками, иначе кончится тем, что мы потеряем престиж у туземного населения и подготовим восстание»[30].

Рост революционного движения в Казахстане способствовал распространению идей марксизма-ленинизма, созданию социал-демократических организаций. В казахскую степь эти идеи принесли русские политические ссыльные, которые и явились создателями первых марксистских кружков, социал-демократических групп и организаций. Сюда стали проникать нелегальные брошюры, отдельные ленинские работы, которые доставлялись политическими ссыльными, молодежью, учившейся в конце 90-х годов в Казанской и Омской учительских семинариях, через Сибирский социал-демократический союз.

Огромную роль в пропаганде идей революционного марксизма в Казахстане сыграли ленинские работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Что делать?». Они вооружили одиночек-пропагандистов и группы сочувствующих социал-демократов пониманием происходящих в России событий, дали толчок к активным действиям. «Марксистские кружки, социал-демократические группы и организации в годы первой русской революции широко распро-

[30] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. I, д. 486, л. 5.

страняли среди трудящихся края великие идеи В. И. Ленина, большевистской партии, организовывали совместные революционные выступления трудящихся всех национальностей, сплачивая их вокруг русского пролетариата во главе с партией подлинных революционеров, созданной Владимиром Ильичем Лениным»[31].

Как мы уже отмечали, большую роль в создании первых в Казахстане социал-демократических групп сыграли политические ссыльные, многие из которых по своим убеждениям принадлежали к социал-демократам. Социал-демократическую пропаганду в 1894—1897 гг. в г. Верном (ныне Алма-Ата) вела политическая ссыльная А. С. Кочаровская, которая в то время работала учительницей в Кастеке и стала впоследствии видной большевичкой[32].

В 1902 г. в Уральске была создана социал-демократическая группа, возглавляемая типографским рабочим газеты «Уральск» С. Алексеевым. 1 мая 1903 г. она отметила организацией политической стачки рабочих местной типографии. Это была первая в крае политическая стачка. Она имела большое значение — впервые в казахской степи было открыто поднято знамя международной пролетарской солидарности[33].

Деятельность социал-демократической группы в Петропавловске, возникшей в начале 1905 г. и входившей через Омский комитет РСДРП в состав «Сибирского союза РСДРП», оживилась после приезда в город в 1906 г. В. В. Куйбышева. Он помогал местным социал-демократическим группам в исправлении ошибок и учил, как нужно сочетать легальные формы борьбы с нелегальными[34]. В Верненской гимназии в этот период начинает социал-демократическую деятельность М. В. Фрунзе. «Первое знакомство с революционными идеями,— писал в автобиографии М. В. Фрунзе,— получил еще в бытность в гимназии, где участвовал в кружках самообразования»[35].

ЦК РСДРП(б) во главе с В. И. Лениным большое внимание уделял вопросу укрепления связей с местными партийными организациями. Эта связь с партийными

---

[31] *Кунаев Д. А.* Советский Казахстан, с. 13—14.

[32] См. «Большевик Украины», 1931, № 23—24, с. 94.

[33] Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1963, с. 21.

[34] См. *Пахмурный П. М.* Большевики Казахстана в революции 1905—1907 годов. Алма-Ата, 1976, с. 29, 72.

[35] *Фрунзе М. В.* Избранные произведения, т. I. М., 1957, с. 69.

организациями Сибири, Урала, Поволжья и Оренбурга осуществлялась через созданное в Самаре Восточное бюро при ЦК РСДРП[36].

В 1903 г. Сибирский социал-демократический союз, стоявший на позициях ленинской «Искры», в «Воззвании к обществу» указывал на авангардную роль русского рабочего класса в предстоящей революции. «Россия переживает тревожное время,— говорилось в «Воззвании».— Не сегодня — завтра грянет гром, и перед царским самодержавием, залитым с ног до головы кровью народа, предстанет его грозный судья — восставший русский народ. И каждый теперь же обязан способствовать приближениию этого великого дня. Каждый обязан быть готовым как следует встретить его»[37].

Большую роль в распространении революционных прокламаций в крае накануне революции 1905 г. сыграл Омск. Степной генерал-губернатор Сухотин в письме к министру внутренних дел сообщал, что глухой и далекий город с проведением Сибирской железной дороги «вдруг оказался переполненным массой всякого рода неблагонамеренных людей, до политических ссыльных разных категорий включительно, которые распространяют противоправительственные прокламации и ведут революционную агитацию среди рабочих и местного населения»[38]. Он просил не высылать сюда политических ссыльных и разрешить ввести в Омске и Петропавловске усиленную охрану.

По признанию местной администрации, основная роль в развитии революционного движения в крае принадлежала социал-демократам. На митингах с участием рабочих-казахов по всей линии Оренбургско-Ташкентской железной дороги (на станциях Туркестан, Перовск, Джусалы, Казалинск, Челкар) выдвигались требования о созыве Учредительного собрания, о провозглашении демократической республики.

При аресте одного из членов стачечного комитета на ст. Джусалы полиция отобрала у него брошюры В. И. Ленина, Программу РСДРП, прокламации ЦК Бакинского комитета, Ташкентской партийной группы и другую нелегальную литературу[39].

[36] Годы борьбы. Из истории областной партийной организации, 1905—1925 гг. Вып. 1. Оренбург, 1959, с. 10.

[37] ЦГА КазССР, ф. 369, д. 846, л. 29.

[38] Там же, ф. 64, оп. 1, д. 5638, л. 6—9.

[39] *Пясковский А. В.* Революция 1905—1907 годов в Туркестане. М., 1958, с. 332.

Листовки выпускались и социал-демократами Казахстана. В них они призывали казахских трудящихся бороться против царизма в братском содружестве с русскими рабочими и крестьянами. В связи с этим сырдарьинский генерал-губернатор писал: «Распространяющаяся деятельность революционных партий проникла в последнее время и в киргизскую степь. Полученные сведения указывают, что пропаганда агитаторов среди киргизского населения Тургайской, Оренбургской и Акмолинской областей производит некоторое волнение умов темного, невежественного населения»[40].

Напуганное размахом революции в России и на окраинах, царское правительство стало лавировать, пытаясь путем политических комбинаций приостановить народное возмущение. Указом от 19(6) августа 1906 г. царь объявил о созыве совещательной думы.

Но революционное движение в России продолжало нарастать. Разоблачая маневры царизма, революционные социал-демократы Казахстана призывают трудящихся не поддаваться обману властей и продолжать борьбу. Например, семипалатинская социал-демократическая организация в январе 1906 г. обратилась к трудящимся с такой прокламацией: «Граждане! Царское правительство обмануло народ. В чахлом манифесте 17 октября оно посулило Конституцию, но направило против нас пулеметы и ружья, нам обещали свободу, а сажают людей по тюрьмам. Подлые палачи самодержавия исполняют работу: гонят свободную мысль, расстреливают восставший народ. Правительство в своих предсмертных судорогах залило кровью Россию.

Поднимайтесь! Встанем дружной ратью против наших врагов. Пусть наше красное Знамя восстания, знамя Великой революции тесней объединит восставших на защиту прав человека и гражданина.

Присоединяйтесь к нам, вставайте в наши ряды, в ряды социал-демократии, партии рабочего класса! Свергнем мы тяжкое царское иго, бремя фабрикантов, купцов и всех кровопийц народа! Долой их! Мы вступили в борьбу с самодержавием и всех, кому дорог народ, зовем к бою! Кроме когтей двуглавого орла нам терять нечего, приобретем же свободную жизнь!»[41].

Вслед за выступлением рабочих на заводах и рудни-

---

[40] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 324, л. 16.
[41] ГАОмО, ф. 270, оп. 1, д. 169, л. 9.

ках на борьбу за свои права, за лучшую жизнь поднялось сельское население, особенно в связи с изъятием земель в переселенческий фонд.

Ход событий убедил казахских трудящихся в том, что местные власти выполняют лишь волю царского правительства. От просьбы «установить справедливость» они перешли к вооруженной борьбе.

Жители отдельных аулов Тургайского уезда в телеграмме от 7 февраля 1907 г. писали Столыпину: «Комиссия переселенческой организации постановила отобрать у киргизов самые лучшие земли для переселенцев. Киргизы, забитые, боятся слова сказать, крестьянские начальники держат в своих руках местные киргизские власти. Работа этой партии ведет киргизов к разорению. Ваше превосходительство, избавьте нас от таких врагов, желающих силой отнять у нас землю, в противном случае киргизы не будут терпеть и дремать, а будут защищать себя от этих врагов»[42].

Столыпин через тургайского губернатора ответил: «Благоволите объявить киргизам указанных аулов, что всякое их сопротивление работам переселенческих партий будет подавляться военной силой»[43].

Факты вооруженного сопротивления казахов действиям землеотводных партий были в Темирской и Джиренкулинской волостях Уральской области, в Хобдинской и Караторгайской волостях Актюбинской области и в других районах Казахстана[44].

Активную пропаганду за единство рядов казахских и русских трудящихся в борьбе с царизмом вела и казахская демократическая интеллигенция, вышедшая из трудового народа, по преимуществу учителя. Они во многом способствовали пробуждению самосознания казахской трудовой массы.

Растет и крепнет дружба между руководителями революционного движения русских и казахских трудящихся. В частности, акмолинский губернатор в ответ на ходатайство местных властей об изоляции руководителей восстания братьев Сартыбаевых от крестьян-переселенцев писал: «Признавая со своей стороны означенное хо-

---

[42] ЦГА КазССР, ф. 25, д. 331б, л. 28.

[43] Там же, ф. 102, д-во 79, ч. I, л. 3.

[44] ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 3, д. 455, л. 90. Местные землеотводные партии отрезали здесь переселенцам свыше 20 тыс. десятин лучших лугов, ранее принадлежавших казахам. Это вызвало вооруженное нападение казахов на чиновников переселенческой комиссии.

датайство заслуживающим уважения, я разрешил выдворить названных киргиз в Семипалатинскую область, подальше от крестьянских поселений и по возможности, вразброд, чтобы и там не могли организовать шайку, сроком на 5 лет каждого»[45].

В объединении и сплочении русских и казахских трудящихся в борьбе с общим врагом—царизмом—инициатива и руководящая роль принадлежала социал-демократическим группам и организациям. В этом отношении заслуживает внимания работа Кустанайской группы РСДРП, созданной в мае 1905 г. Она развернула активную революционную пропаганду среди трудящихся города и уезда и была связана с социал-демократическими организациями Оренбурга, Уфы, Челябинска и Омска.

После приезда в 1906 г. в Кустанай большевика И. Ф. Голованова социал-демократы, порвав с эсерами, образовали самостоятельную группу. Революционная пропаганда в городе и уезде имела столь положительные результаты, что военный губернатор Тургайской области сообщал департаменту полиции: «Сознавая полную беспомощность местной полиции в борьбе с ...проявлением... освободительного движения... признаю... безотлагательное учреждение при Кустанайском уездном управлении конной стражи в составе хотя бы 50 человек»[46]. Кустанайский уездный начальник настаивал на введении жандармского отделения, на присылке сотни казаков, однако ни того, ни другого не добился. Обозленный неудачами, он решил спровоцировать погром интеллигенции, отчасти сочувствующей, отчасти принимавшей участие в революционном движении. С этой целью полиция распространяла среди горожан слухи о готовящихся в городе поджогах.

По этому поводу Кустанайская социал-демократическая группа выпустила напечатанное на гектографе воззвание к городскому населению. В нем говорилось: «По городу ходят слухи о подготовке бунтов, о каких-то бунтовщиках, устраивающих за городом сходки. Не трудно догадаться, что эти нелепые слухи — от полиции, и распространяются ее прислужниками — провокаторами. Запуганное, униженное, порабощенное население полиция решила разбить на части, натравить одну часть на другую, посеять вражду, ввести военное положение, навод-

[45] ЦГА КазССР, ф. 25, д. 427, л. 1.
[46] ЦГА КазССР, ф. 25а, д. 4, л. 15 и 16 об.

нить город войсками, а затем уже подавить в народе пробуждающееся сознание... Полиции невыгодно, когда народ сознает, что она служит не ему, а кучке дармоедов, полиции не хочется, чтобы народ, из которого она теперь пьет кровь, стал над ней хозяином... Российская полиция — самая гнусная, преступная армия защитников произвола. Она не гнушается услугами врагов, мошенников, спаивает их, подкупает и натравливает на народ, на тех граждан, которые стоят за уничтожение полицейского царства, за народную волю...». Воззвание заканчивалось словами: «Долой насильников и грабителей народа! Долой самодержавное полицейское правительство — правительство помещиков и капиталистов!

Да здравствует учредительное собрание!»[47].

Настойчивой борьбой против самодержавия и его прислужников на национальных окраинах социал-демократы показали себя подлинными защитниками интересов народных масс. В то же время казахские буржуазные националисты предавали кровные интересы народа. Так было во время выборов в первую Государственную думу, проходивших в разгар первой русской революции. Большевики Казахстана, как и всей страны, бойкотировали выборы в первую Думу. Но буржуазные националисты послали туда своих четырех представителей, одним из них был националист А. Букейханов. В кулуарах сговорившись с кадетами, они намеревались усилить эксплуатацию казахского народа.

Выборы во вторую Государственную думу проходили в обстановке черносотенного террора. В этих условиях большевики решили принять участие в выборах Думы, используя ее как трибуну для разоблачения реакционной политики царизма. Большевики, не вступая в блок с другими партиями, самостоятельно выставили свои кандидатуры. В своем сообщении в Петербург губернатор Акмолинской области 30 января 1907 г. подчеркивал, что во время выборов во вторую Государственную думу серьезным противником блока кадетов и эсеров «была социал-демократическая рабочая партия, не пожелавшая вступить с ними в соглашение и самостоятельно выставившая своих кандидатов, агитируя за них конспиративно»[48].

Во вторую Государственную думу от русской части населения Казахстана прошли 8 депутатов, из них че-

[47] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. I, д. 968а, л. 14.
[48] Там же, ф. 64, оп. 1, д. 3685, л. 108.

тыре от социал-демократической организации. От казахского населения депутатами были избраны три кадета и два беспартийных, представлявших буржуазно-националистическое крыло казахской интеллигенции.

Во второй Государственной думе в защиту казахской бедноты выступали депутаты от социал-демократической организации края. С трибуны Думы они говорили о причинах тяжелого положения трудящихся Казахстана и доказывали невозможность разрешения земельного голода путем усиления колонизации окраин.

На весть о разгоне второй Государственной думы и аресте членов социал-демократической фракции казахской степи наиболее сознательные трудовые массы ответили митингами протеста и требованиями освобождения социал-демократических депутатов. По поводу одного из таких митингов, состоявшегося в Кустанае 13 июля 1907 г., кустанайский уездный начальник в рапорте писал: «Как указывает практика, все бывшие до сего времени в Кустанае митинги — есть сплошная ругань и клевета против правительства, развращающим образом действующие на население... Митинги наполняются, главным образом, беднотой, ожидающей от перемены государственного строя великих и богатых милостей или, другим образом, воображающей себя вершителями судеб России»[49].

Революционное и национально-освободительное движение трудящихся Казахстана в 1905 — 1907 гг. развертывалось под влиянием революционной борьбы русского рабочего класса как составная часть общероссийской революции. Ленинская идея национального освобождения угнетенных народностей России, пропагандировавшаяся большевиками, сыграла огромную роль в мобилизации масс и пробуждении их классового и национального самосознания.

Русский пролетариат горячо поддерживал национально-освободительное движение, отстаивая право наций на самоопределение, решительно боролся против великодержавно-шовинистической политики царизма и господствующих классов, стремившихся расколоть единство революционных действий народов России.

Большевики вели непримиримую борьбу с буржуазными националистами, воспитывая массы в духе пролетарского интернационализма, разъясняя, что нацио-

[49] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 794, л. 28—29.

нальный гнет может быть уничтожен только в результате совместной революционной борьбы трудящихся всех национальностей.

Национально-освободительная борьба трудящихся казахов острием своим была направлена против колониального гнета царизма, в первую очередь против отчуждения земель и переплеталась с борьбой против местных эксплуататоров-баев. Однако вспышки аграрного движения в Казахстане, как и во внутренних губерниях России, носили стихийный, неорганизованный характер. Они подавлялись царскими властями, а также местными феодалами, защищавшими свои земельные владения и сословные привилегии.

* * *

После поражения первой русской буржуазно-демократической революции по всей стране свирепствовал террор черносотенной реакции.

Из Петербурга шли грозные директивы, касающиеся борьбы с революционным движением и на окраинах. В них предлагалось ни перед чем не останавливаться. В одной из них предписывалось: «В случае малейших враждебных выступлений туземного населения немедленно подавлять таковые самым беспощадным образом, дабы уничтожить движение в самом корне, дать нарушителям порядка и их единомышленникам спасительный урок и этим внушить всем прочим правильное представление о нашей силе»[50]. Для этого в Казахстане, как и в других национальных окраинах, царское правительство ввело институт становых и урядников. Окраины были почти лишены права посылать своих депутатов в Государственную думу III созыва.

Царскому правительству стало ясно, что былая наивная вера крестьянства в «царя-батюшку» подорвана, поэтому, продолжая расправу с революционным движением в стране, царизм решил опереться на кулаков. 9 ноября 1909 г. Столыпин подписал положение о выделении крестьян из общины на хутора. Эта мера способствовала разрушению общинного пользования землей. Маломощные крестьяне, не имея возможности вести хозяйство, продавали свои наделы кулакам.

Такая же политика проводилась и на национальных окраинах. Столыпин всячески поощрял крестьянское

[50] ЦГИА СССР, ф. 400, д. 168, л. 12.

переселение. В секретном письме, адресованном тургайскому военному губернатору Ломачевскому, он писал: «...переселение крестьян центральных губерний на свободные казенные земли Азиатской России приобретает первостепенное государственное значение. Этим путем, с одной стороны, достигается увеличение и усиление в восточных областях коренного русского элемента, столь необходимого как для укрепления начал русской государственности в среде местных инородцев, так и в целях политических, а с другой, переселение является одним из наиболее целесообразных способов... к успешному разрешению особенно обострившегося в настоящее время аграрного вопроса. Поэтому ближайшая задача правительства состоит отнюдь не в сокращении переселения, а, напротив, в возможно широком его развитии»[51].

Как шло развитие «начал русской государственности» и усиленное их насаждение на территории Казахстана в местной среде свидетельствуют следующие данные. Только с 1906 по 1912 г. в переселенческий фонд было изъято более 17 млн. десятин против 4 млн. десятин за 12 предыдущих лет[52]. Если с 1896 по 1905 г. в Акмолинскую, Семипалатинскую, Уральскую и Тургайскую области переселились 294 296 человек, то с 1906 по 1910 г.— свыше 770 тыс. человек[53].

В связи с этим В. И. Ленин с возмущением писал: «Переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все того же националистического принципа „русификации окраин"»[54].

Одобренный 9 ноября 1909 г. третьей Государственной думой закон о хуторах, отрубах и выделении из общин крестьян с правом приобретать землю в частную собственность был сильнейшим ударом по крестьянской земельной общине: он ускорил процесс ее разрушения, дав кулачеству неограниченные возможности для скупки у бедноты ее карликовых земельных наделов. «Третья Дума и столыпинская аграрная политика,— указывал В. И. Ленин,— есть вторая буржуазная реформа, проводимая крепостниками. Если 19-ое февраля 61-го года было первым шагом *по пути* превращения чисто крепостни-

---

[51] ЦГА КазССР, ф, 14, оп. 1, д. 1217, л. 2—3.

[52] История Казахской ССР, т. I, Алма-Ата, 1957, с. 519.

[53] *Турсунбаев А. Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950, с. 34.

[54] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 330.

ческого самодержавия в буржуазную монархию, то эпоха 1908—1910 годов показывает нам второй и более серьезный шаг *по тому же пути*»[55].

Сообразно этому в хозяйстве и быте казахов произошли немаловажные перемены. Нововведения осуществлялись с учетом специфики экономики Казахстана. Царское правительство во главе волостей и аулов поставило не старейшин рода, а баев, чем значительно укрепило их экономическое и политическое господство.

Баи не пострадали при изъятии земельных «излишков» у казахских трудящихся. В инструкции землеустроительных партий в Казахстане от 9 июня 1909 г. о порядке дальнейшего изъятия сказано: «В случае обнаружения... отдельных хозяйств с большим количеством скота и крупными размерами запашек и укосов, в пользовании группы могут оставаться сверх причитающегося обеспечения земельные площади в меру действительной потребности»[56]. Например, в Уральской области султану Каратаеву было отведено 3,5 тыс, десятин, волостному управителю Галиеву —1417 десятин[57]. Таких примеров было немало.

Настолько огромен был приток русских переселенцев в Казахстан, что только в Акмолинской области в 1910 г. среди них насчитывалось около 107 тысяч неустроенных[58]. Крайне тяжелое положение большинства переселенцев усугубилось в связи с тем, что в 1909 г. в ряде уездов Степного края был неурожай. Степной генерал-губернатор писал царю, что почти все переселенцы живут в «шалашах из ветвей», «в связи с недоеданием развиваются разного рода заболевания, уносящие немало жертв. Особенно велика смертность среди детей»[59].

После введения в начале 1913 г. «Временных правил» о сдаче в аренду в Сибири и Степном крае казенных участков земли в Казахстане появляются русские помещики, насаждаются кулацкие хозяйства. В результате здесь возникают крупнейшие латифундии таких помещиков, как князь Кочубей, граф Медем, князь Касаткин-Ростовский и многие другие, которые стали владельцами больших коневодческих и овцеводческих земель, не говоря о купцах, которые на основе арендного права завели крупные посевы.

---

[55] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 178.
[56] История Казахской ССР, т. I, с. 522.
[57] Там же.
[58] «Вопросы колониализма», 1910, № 7, с. 491.
[59] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. I, д. 5938, л. 3.

Земельный вопрос, имевший первостепенное значение в жизни трудящихся казахов и русского крестьянства, объединил их для совместной борьбы против царизма и собственных эксплуататоров.

В. И. Ленин в 1913 г. указывал, что «борьба с аграрным кризисом пятого года в России посредством переселений вызвала *отсрочку* кризиса лишь на самое короткое время и притом ценою несравненно большего обострения и расширения арены кризиса к переживаемому нами времени»[60].

Крах переселенческой политики царизма подтверждают и цифровые данные о переселении крестьян в Сибирь и Казахстан. Как писал В. И. Ленин, «... число переселенцев возросло, но ничтожно: с 190 тысяч (1911 г.) до 196 с половиной тысяч в 1912 г. Число же ходоков возросло сильно: с 36 тысяч (1911 г.) до 58 тысяч (1912 г.)»[61].

Естественно, что как вернувшаяся на родину, так и поселившаяся на новых местах беднота была недовольна политикой царизма. Политические события в России вызвали на окраинах подъем новой революционной волны. В декабре 1910 г. В. И. Ленин писал: «Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема... Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции»[62].

Застрельщиком этой борьбы выступил рабочий класс, который рос и в Казахстане. Так, в 1913 г. только на Спасском медеплавильном заводе, Карагандинских шахтах, в Риддере и Экибастузе, на предприятиях акционерного «Урало-Каспийского нефтяного общества» работало 6948 рабочих[63], из них более половины — казахов. Они стали главной силой нараставшего революционного движения в крае.

«Ленский расстрел,— писал В. И. Ленин,— явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс»[64]. В период революционного подъема в Казахстане, как и по всей стране, возросла большевистская агитация. В частности, в станице Пресногорьковской среди трудящихся были распространены прокламации, которые звали беднейшее казачество на

---

[60] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 104.
[61] Там же, с. 153.
[62] *Ленин В. И.* Полн, собр. соч., т. 20, с. 74—75.
[63] ЦГА КазССР, ф. 678, оп. 1, д. 77, л. I—II; д. 80, л. 1—6.
[64] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 340.

борьбу с казачьей верхушкой[65]. На нефтепромысле Доссор в июне 1913 г. пять дней длилась забастовка рабочих буровых предприятий, организованная бакинскими рабочими, приехавшими на промысел. В этом же году происходили забастовки на промышленных предприятиях Чимкента, Спасска, Актюбинска.

Ухудшилось положение в аулах. Кочевники, загнанные в горы и пустыни, не могли заниматься даже скотоводством. По признанию генерала Куропаткина, «среди других народностей, населяющих Туркестанский край, киргизское население, составляющее до 2615 тысяч душ, является наиболее бесправным относительно пользования землей. По существующему закону, земли, которые ныне обеспечивают существование киргизского населения при кочевом образе жизни, признаются государственной собственностью и излишки их могут поступать в распоряжение казны. Слишком широкое толкование о размере этих излишков, особенно с 1904 г., повело к тому, что у киргизского населения были отобраны огромные площади земли, частью ему жизненно необходимые, для образования русских селений, казенных скотоводческих участков и казенных лесных дач... Это явление было отмечено уже при ревизии сенатора графа Палена, но на него не было обращено должного внимания. Но и на той земле, которая оставлена киргизскому населению в постоянное пользование, это население оттеснено в распоряжении этой земли лесной стражей... Старшие чины лесного ведомства признают наличность этих злоупотреблений, но ... не видят возможности прекратить притеснения и поборы, чинимые лесной стражей, даже на землях, оставленных в пользовании кочевого населения»[66].

Поэтому те незначительные изъятия земли, которые были произведены в 1915 и 1916 гг., до крайности обострили обстановку. К этому надо добавить и непомерные поборы на «военные нужды», которыми было обложено казахское население.

В свою очередь, имущая верхушка местного населения использовала налоговую политику царских властей для собственного обогащения. Казахи были недовольны самоуправством и поборами своих волостных управителей, «недовольны и своим народным судом биев»[67].

---

[65] ЦГИА СССР, ф. ДП, IV д-во, д. 80, ч. 2, л. 1—2.

[66] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960, с. 95.

[67] Там же.

Конец 1915 г. для казахов памятен тем, что в Государственной думе, в буржуазной печати, в том числе на страницах органа казахских буржуазных националистов газеты «Қазах», обсуждался проект закона о привлечении на тыловые работы «инородцев». В одной из передовых статей газета «Қазах» писала: «... Приказ царя — истина, и ему возражений быть не может. Как говорится, «приказ тверд — на душе сладко». Поэтому приказа не можем не выполнить»[68].

Казахские рабочие Экибастузских угольных копей в ответ на это заявление ответили забастовкой, Большевики Кустаная выпустили прокламацию на казахском языке под заголовком: «Баи в союзе с русским царем готовятся к пролитию казахской крови»[69]. В прокламации разоблачалась предательская роль казахских буржуазных националистов и их печатного органа «Қазах», возглавляемого матерым националистом А. Букейхановым.

Под влиянием рабочего движения в центральной части России «пришли в движение и угнетенные нации. В середине 1916 г. вспыхнуло восстание в Средней Азии и Казахстане, охватившее миллионы людей. Налицо было явное назревание революционного кризиса»[70].

Как и во всей стране, в Казахстане в 1916 г. росло забастовочное движение. По всему краю вспыхивали волнения городской и деревенской бедноты. Под руководством большевиков рабочие Оренбурга весной 1916 г. провели многолюдную политическую демонстрацию. Волновалось русское крестьянство Тургайской области. Тургайский губернатор в ноябре 1916 г., в момент наивысшего подъема восстания, писал в департамент полиции, что настроение русского крестьянства внушает ему опасения за дальнейшее сохранение спокойствия в области.

Поводом к массовому восстанию «инородцев» в Казахстане, как и в Средней Азии, явился указ царя от 25 июня 1916 г. о мобилизации в армию на тыловые работы казахов, киргиз, узбеков, таджиков, туркмен, дунган и уйгур[71], причем они привлекались не для службы в армии, а для производства работ[72]. Дела о сопротивлении властям передавались на рассмотрение военного

[68] «Қазах», 1916, 8 июля.

[69] ЦГА КазССР, ф. 17, оп. 1, д. 11, л. 256.

[70] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1977, с. 179.

[71] Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел I. СПб., 1916, ст. 1747.

[72] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 28.

суда. В одном из постановлений генерал-губернатор Степного края Н. А. Сухомлинов «разъяснял» казахскому населению, что «по законам военного времени лица, виновные в вооруженном сопротивлении властям, будут наказываться смертной казнью»[73]. В очередном циркуляре от 21 июля 1916 г. говорилось о запрещении стачек и забастовок[74].

Указ о мобилизации распространялся на трудовое население и не касался имущих классов. Их поддержка нужна была царскому правительству для удержания в повиновении масс. К тому же зажиточная часть населения смогла откупиться от мобилизации деньгами. Она нанимала бедняков, которые вместо нее направлялись в армию на тыловые работы. Эти действия были узаконены 2 июля 1916 г. постановлением специального совещания при туркестанском генерал-губернаторе. От участия в тыловых работах освобождались все баи, волостные управители, старшины, писари, переводчики.

Мобилизация на тыловые работы переполнила чашу терпения народа. Начались массовые выступления трудящихся.

Руководитель повстанцев Семиречья Нуке Сатыбеков на вопрос следователя о причине восстания отвечал: «Ты спрашиваешь, зачем я восстал? ... Я восстал потому, что больше не было сил терпеть. Каждый из нас носил на своей шее по два ярма. Одно надели наши же баи, другое — начальники царя. У нас отобрали хорошие земли, но мы стерпели. Нас обложили податями, мы не наедались досыта, но терпели. Бии судили в пользу богатых, мы платили штрафы и продолжали терпеть. Мы чуть не превратились в верблюдов, которые падают от непосильной ноши и умирают. Но все же мы люди и всякому терпению приходит конец. Вместо терпения в наших сердцах появилась ненависть к палачам»[75].

Архивные документы изобилуют донесениями царских властей о повсеместном активном сопротивлении трудящихся царскому указу. Так, в рапорте туркестанского генерал-губернатора по поводу Семиреченского восстания говорится: «В действиях киргизских шаек замечалась некоторая организованность, часть их имела особые значки-знамена; у некоторых бунтовщиков на шапках были

[73] ЦГА КазССР, ф. 64, д. 2696, л. 247.
[74] Там же, л. 251.
[75] Восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, 1947, с. 123.

надеты однообразные металлические бляхи; применялась сигнализация для передачи сведений о движении наших войск»[76].

Восстание охватило в основном сельскую местность, но в нем принимали участие и рабочие. На заводах Спасска и Карсакпая, рудниках Успенска, Джезказгана и Риддера, в копях Караганды, на нефтепромыслах Эмбы и других предприятиях края большинство рабочих казахов бросало работу и примыкало к восставшим[77]. В октябре 1916 г. к восстанию присоединились 550 шахтеров семипалатинских угольных копей, часть грузчиков казахов Иртышского пароходства и Омской железной дороги[78]. Однако из-за разобщенности и недостаточной сознательности казахских рабочих восстание не обрело пролетарской организованности, не изменило своего крестьянского, стихийного характера. Более того, в ряде случаев руководство восставшими захватили в свои руки представители байской верхушки, которые стремились направить волну стихийного гнева в нужное им русло.

В решениях VI Конгресса Коминтерна записано: «Там, где господствующий империализм нуждается в колонии в социальной опоре, он прежде всего объединяется с господствующими слоями прежнего социального строя, феодалами и торгово-ростовщической буржуазией против большинства народа. Везде империализм старается сохранить и увековечить все те докапиталистические формы эксплуатации (в особенности в деревне), которые являются основой существования ее реакционных союзников»[79].

Последовательное и целенаправленное восстание развилось там, где оно носило более выраженный классовый характер и было революционным по своему социальному содержанию.

Это в полной мере относится к Тургайскому восстанию, которому присущи были острая социальная направленность, большая организованность и упорство, что в значительной мере объясняется тем, что во главе повстанцев стоял талантливый руководитель, народный герой Амангельды Иманов.

Как отмечает член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана тов. Д. А. Кунаев,

---

[76] ЦГА КазССР, ф. XI, д. 530, л. 3.
[77] ЦГА УзССР, ф. 11, оп. 1, д. 1133, л. 7.
[78] ЦГИА СССР, ф. 1292, оп. 1, д. 1919, л. 211.
[79] Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна. Вып. IV. М.—Л., 1930, с. 128.

«охватившие в 1916 году казахскую степь народные восстания, особенно мощным и грозным среди которых было восстание, возглавленное Амангельды Имановым, явились проверкой революционной сознательности и классовой активности казахских трудящихся, смело и решительно поднявшихся против царского самодержавия и его колонизаторской политики в канун двух революций 1917 года. Освободительное движение 1916 года в Средней Азии и Казахстане сомкнулось с общероссийским революционным движением, открывшим новый этап в развитии пролетарского интернационализма»[80].

Справедливость этой оценки подтверждается историческими фактами. Восстание было настолько мощным, что царские власти, не желая допустить его дальнейшего расширения, совершили ряд маневренных мероприятий. В частности, они сократили число возрастных групп, подлежащих мобилизации, и кое-где перенесли ее срок. В Степном крае мобилизация повсеместно была отсрочена до 15 сентября 1916 г.[81] В то же время начались массовые аресты. Но эти меры не предотвратили грозные события. К октябрю 1916 г. в Тургайском уезде под командованием Амангельды Иманова действовало до 20 вооруженных отрядов, которые насчитывали около трех тысяч человек.

Кульминационным моментом восстания явилось наступление отрядов Амангельды на Тургай. Однако к вечеру 6 ноября 1916 г. под натиском превосходящих сил царских войск восставшие отступили в степь. Они были вынуждены перейти к методам партизанской борьбы.

Не полагаясь на военные силы, царские власти прибегли к испытанному методу разжигания национальной розни. Командующий военным округом Куропаткин предложил семиреченскому генерал-губернатору «вооружить огнестрельным и холодным оружием, включая и топоры, все русское население, способное носить оружие, организовать дружины, посадить часть поселенцев на лошадей, организовать казачье ополчение». «Примите меры,— писал Куропаткин,— воспользоваться родовою и племенною рознью киргизского населения области для борьбы с возмутившимися. Временно не стесняйте отко-

---

[80] *Кунаев Д. А.* В благотворной атмосфере ленинской дружбы народов.— «Коммунист», 1980, № 12, с. 11.

[81] ЦГА УзССР, ф. 1, д. 1140, л. 18; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов. М., 1960, с. 206.

чевок в китайские пределы, пока не справитесь с внутреннею смутою»[82].

Разрабатывая методы по «умиротворению края», совещание в Верном с участием Куропаткина в октябре 1916 г. постановило «выселить из Пржевальского уезда всех киргиз». Из Сарыбагышской и Атенинской волостей Пишпекского уезда было решено расселить по разным районам или «сместить в Прибалхашские тугаи и солончаки» около 2,5 тысячи хозяйств. В Пишпекском и Пржевальском уездах были созданы «особые уездные комиссии по выселению киргиз и возмещению убытков, причиненных мирному населению восстанием»[83].

Поражение восстания царская администрация, кулаки и казахское байство использовали для усиленного грабежа трудящихся казахов. Царские власти продолжали изъятие земель. В этом им помогали кулаки-переселенцы. Нещадно эксплуатировали и грабили бедняков свои баи. Один из участников восстания 1916 г. в Семиречье писал: «Ограбленные и разоренные вконец бедные скотоводы искали помощи у своих богатых родичей... Но богачи еще хуже эксплуатировали своих бедных общинников. Они не только не платили за труд беднякам, но требовали с них за прокорм, так что бедняки за то, что работали у бая, оставались ему должниками»[84].

В Пржевальском уезде из 34 509 кибиток осталось 8849. Казахское, киргизское и дунганское население Семиреченской области в 1916 г. уменьшилось на 273 205 человек, или на одну пятую.

Основной движущей силой восстания явились безземельные казахские массы. Они не только боролись против царизма и колонизаторского кулачества, но и стремились «покончить со своими вековыми паразитами, т. е. с баями»[85].

Восстание 1916 г. в Тургайской области под руководством Амангельды Иманова имело прогрессивный, революционно-освободительный характер. Хотя восстание было подавлено, оно вписало одну из самых ярких страниц в историю освободительной борьбы казахского народа.

Восстание разоблачило перед казахскими трудящимися массами действительное лицо баев и предательскую роль алашордынцев, как слуг царизма.

---

[82] ЦГА УзССР, ф. 1, д. 1140, л. 18.

[83] Стенограммы IV Думы «О событиях в Средней Азии». М., 1954, с. 266.

[84] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 63, л. 505.

[85] Там же, ф. 417, д. 15, л. 82.

Исчерпывающей характеристикой их деятельности являются следующие слова В. И. Ленина: «... буржуазия угнетенных наций *только* болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной *и против* своего народа...»[86].

Национально-освободительное движение 1916 г. в Казахстане сомкнулось с Февральской буржуазно-демократической революцией 1917 г. в России. Однако Февральская буржуазно-демократическая революция не дала никакого облегчения трудящимся казахам. Временное буржуазное правительство, продолжая войну, попрежнему осуществляло царскую колониальную политику. Во всех областях Казахстана оно поставило своими уполномоченными бывших царских чиновников и казахских буржуазных националистов.

Карательные отряды Временного правительства продолжали подавлять национально-освободительное движение трудящихся. Буржуазные националисты всячески препятствовали проникновению в народные массы большевистской пропаганды. Однако это им не удалось.

Идея о Советской власти все глубже и дальше проникала в казахские степи. Но переход политической власти к Советам как органам диктатуры пролетариата был совершен не сразу. Эсеры и меньшевики, различными путями пробираясь в Советы, старались захватить власть в свои руки. Борьба за Советы продолжалась с момента свержения царского правительства до Октябрьской социалистической революции, а затем на всем протяжении гражданской войны, до полного разгрома контрреволюции, поддерживаемой иностранными интервентами.

Во время борьбы за власть Советов в Казахстане народные массы выдвинули из своей среды таких испытанных руководителей, как А. Джангильдин, А. Иманов, П. Виноградов, А. Майкутов, М. Джанибеков, Т. Бокин, И. Дубынин, Я. Ушанов, А. Айтиев, С. Сейфуллин, К. Шугаев, Т. Утепов и другие.

Одним из важнейших завоеваний социалистической революции явилось разрешение национального вопроса, разработанного великим Лениным еще задолго до победы Октября и ставшего составной частью программы партии коммунистов. 26 августа 1920 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народ-

[86] *Ленин В. И.* Полн. собр, соч., т. 30, с. 113.

ных Комиссаров РСФСР за подписями В. И. Ленина и М. И. Калинина издали декрет «Об образовании Автономной Киргизской (Казахской) Социалистической Советской республики». День 4 октября 1920 г., когда I Всеказахстанский съезд Советов провозгласил Казахскую Автономную Советскую Социалистическую Республику, является величайшим историческим событием в жизни казахского народа. Впервые в своей многовековой истории казахский народ обрел закон, который открыто провозгласил создание подлинного национального государства.

Под руководством Коммунистической партии, при братской помощи великого русского народа, казахский народ за годы Советской власти сделал гигантский скачок вперед и, миновав капиталистическую стадию развития, построил социализм, а ныне строит коммунистическое общество. «Все, чего достиг Советский Казахстан,— говорил на торжественном заседании, посвященном 60-летию Казахской ССР и Коммунистической партии Казахстана, тов. Д. А. Кунаев, — есть результат практического утверждения принципов социалистического интернационализма, могучего содружества и братства народов нашей страны, спаянных единством цели и действия, результат претворения в жизнь заветов бессмертного Ленина, преобразующей деятельности созданной им партии»[87].

Одной из важнейших основ многонационального Советского социалистического государства и главным условием всех успехов братских советских республик является нерушимая дружба народов СССР. Вдохновитель этой дружбы свободных и равноправных народов — славная Коммунистическая партия Советского Союза.

Именно в нашей стране, где ликвидировано всякое угнетение человека человеком, стало реальностью невиданное в истории сближение и сплочение всех национальностей. Опыт народов СССР наглядно показывает всем народам Азии, Африки, Латинской Америки, что даже в течение жизни одного поколения они могут выйти из состояния нищеты, ликвидировать отсталость и подняться на уровень современной культуры. И в этом — главный итог добровольного присоединения Казахстана к России.

---

[87] *Кунаев Д. А.* Светлой дорогой Ленина. Доклад на торжественном заседании, посвященном 60-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана. 29 августа 1980 года. Алма-Ата, 1980, с. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Добровольное присоединение Казахстана к России, начавшееся 250 лет назад, знаменовало собой коренной поворот в его жизни и развитии, в его исторической судьбе. При оценке этого выдающегося события необходимо исходить из социально-экономического положения Казахстана накануне и в период его включения в состав Российского государства, из учета международной обстановки и внутриполитического положения.

Под таким углом зрения автор на основе фактического материала сделал попытку исследовать социально-политическую жизнь казахского народа и внешнеполитическое положение Казахстана накануне присоединения к России. В этот период основной формой хозяйственной деятельности казахов являлось экстенсивное кочевое скотоводство, во многом зависевшее от стихийных сил природы. Периодически бывали джуты — падеж скота от бескормицы. Ремесло еще не отделилось от скотоводства, земледелие было развито довольно слабо, да и то лишь в отдельных районах. Само хозяйство было натуральным, замкнутым.

Своеобразную, отсталую форму имели общественные отношения. По своему характеру они были патриархально-феодальными. Основная масса скота находилась в собственности полуфеодалов. Крестьяне-шаруа имели такое количество скота, которого, как правило, не хватало даже для полуголодного существования. Они были зависимы от ханов, султанов, баев, биев, мулл и подвергались жестокой эксплуатации. Все это приводило к обострению классовой борьбы в казахском ауле.

В этот период в политическом отношении Казахстан состоял из ряда феодальных владений, во главе которых стояли ханы, султаны и крупные батыры. Султаны считались и верховными судьями.

Крупные и мелкие казахские феодалы постоянно вели между собой борьбу за власть, пастбища, за монопольное право эксплуатации трудящихся. Междоусобные войны разрушали экономику, задерживали развитие производительных сил общества.

К этому следует добавить, что Казахстан систематически подвергался нападениям извне. Еще в конце XVII — начале XVIII века в восточные районы Среднего и Младшего жузов вторгались джунгарские феодалы, а западные районы Среднего жуза и южные районы Младшего жуза неоднократно разорялись Кокандским ханством. Тогда же Хивинское ханство бесчинствовало в низовьях Сырдарьи. Иго кокандских и хивинских феодалов было исключительно тяжелым. Восстания казахов против господства кокандских и хивинских ханов подавлялись с невиданной жестокостью.

В силу исторически сложившихся условий казахское общество не имело сильного, централизованного государства. Будучи слабым в экономическом и политическом отношении, постоянно страдая от межродовой борьбы и не имея материальной базы для защиты своей независимости от агрессивных поползновений извне, оно не было способно отстоять свое самостоятельное существование.

В этих условиях единственным выходом из создавшегося положения, т. е. путем избавления от вековой отсталости, разорительных феодальных войн и нападений извне, было объединение Казахстана с Россией.

Добровольное вхождение Казахстана в Россию, завершившееся во второй половине XIX века, имело огромное прогрессивное значение для исторических судеб казахского народа. Этот величайший акт, обусловленный глубокими экономическими и политическими причинами, все возрастающим сближением между русскими и казахскими трудящимися, был единственно верным и оправданным.

В результате вхождения Казахстана в Россию исчезла опасность политического расчленения края, опасность порабощения казахского народа отсталыми феодальными государствами: Хивой, Кокандом, Бухарой, за спиной которых стояли английские колонизаторы. Утихли вековые феодальные междоусобицы. Спокойствие, наступившее в степи, было воспринято казахским народом как благо, принесенное русскими.

Включение казахского хозяйства в экономический

организм Российского государства открыло широкие перспективы для развития более высоких форм хозяйствования, для перехода казахов от кочевания к оседлости, от экстенсивного скотоводства к земледелию. Под влиянием экономики России разрушается патриархально-феодальная замкнутость хозяйства. Активное проникновение русского торгово-промышленного капитала в Казахстан привело к росту торговли, развитию товарно-денежных отношений в казахском ауле, к разложению натурального хозяйства. В Казахстане возникает промышность, из представителей коренного населения начинает формироваться рабочий класс.

Вхождение Казахстана в состав России с единым централизованным управлением постепенно подрывало старые патриархально-феодальные правовые институты и местные средневековые порядки. Социально-экономические и административные преобразования, проведенные царским правительством в Казахстане, в известной мере оградили простых казахов от деспотического произвола казахской знати.

В Казахстан стала проникать передовая русская культура. Под ее благотворным воздействием формируется мировоззрение и определяется творчество выдающихся сынов казахского народа: Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева, призывавших казахский народ к сближению с Россией, изучению и освоению ее культуры и передовой общественной мысли.

Прогрессивность присоединения Казахстана к России, однако, не исключает того реакционного, что принес сюда царизм. Неоднократно казахское трудящееся крестьянство поднималось против жестокой политики царизма и его колониального аппарата. Такие крестьянские движения были прогрессивными, они вливались в общий поток освободительной борьбы в России, расшатывали устои самодержавия.

Вопреки разжигаемой царизмом межнациональной розни росли и крепли узы дружбы русского и казахского народов, имевшие глубокие исторические корни. «Социально-политические, экономические и культурные истоки взаимного сотрудничества и дружбы казахского народа с великим русским и другими братскими народами страны уходят в седую глубь столетий,— говорится в постановлении ЦК Компартии Казахстана «О 60-летии Казахской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Казахстана».—... Несмотря на

реакционную сущность политики царского самодержавия, вхождение Казахстана в состав России, представляющей собой, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса, «передовой отряд революционного движения в Европе», имело большое прогрессивное значение. Оно способствовало существенным положительным сдвигам в общественно-политической и хозяйственной жизни края, активно содействовало распространению демократической русской и мировой культуры, революционной мысли. Это вхождение решительно ломало национальную замкнутость, вело к сближению трудящихся различных национальностей»[1].

Самым главным следствием присоединения Казахстана к России явилось то, что под руководством Коммунистической партии, при помощи русского народа и других братских народов СССР, в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции казахский народ коренным образом изменил свою судьбу, завоевал свободу, построил социализм, а ныне строит коммунизм и вместе со всеми народами нашей страны представляет в мире самую могучую державу социалистического лагеря.

От степных кочевий до крупных целинных совхозов, от самодельных ткацких станков до мощной индустрии, от темноты и невежества до стремительного взлета искусства и всей самобытной духовной культуры — таков славный путь Советского Казахстана. «С первых лет Советской власти,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза,— наша экономическая и социальная политика строилась так, чтобы как можно быстрее поднять бывшие национальные окраины России до уровня развития ее центра. И эта задача была успешно решена. Важнейшую роль здесь сыграли тесное сотрудничество всех наций страны и прежде всего бескорыстная помощь русского народа. Отсталых национальных окраин, товарищи, ныне не существует!

Возьмите, например, Казахстан. Он переживает период настоящего расцвета экономики и культуры»[2].

---

[1] Великая сила братского единения. Сб. материалов о праздновании 60-летия Казахской ССР и Компартии Казахстана. Алма-Ата, 1980, с. 8—9.

[2] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 55.

Қазахская ССР вместе с другими братскими республиками страны являет собой убедительный пример братского содружества людей разных наций и народностей. Сегодня казахский народ, воодушевленный историческими решениями XXVI съезда КПСС, успешно трудится над выполнением заданий нового пятилетнего плана, открывающего перспективы дальнейшего экономического и культурного развития Қазахской ССР. Компартия Қазахстана — боевой отряд КПСС — последовательно проводит в жизнь экономическую и социальную программу партии, хранит нерушимое единство трудящихся всех национальностей, живущих в республике, воспитывает в духе советского патриотизма и дружбы народов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. 3

Глава 1. ПРЕДПОСЫЛКИ ВХОЖДЕНИЯ КАЗАХСТАНА В РОССИЮ 26

Глава 2. ПРИСОЕДИНЕНИЕ МЛАДШЕГО ЖУЗА К РОССИИ 46

Глава 3. ВХОЖДЕНИЕ СРЕДНЕГО ЖУЗА В РОССИЮ 61

Глава 4. ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ КАЗАХСТАНА В XVIII—XIX ВЕКАХ 71

Глава 5. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЗАХОВ СО СРЕДНЕАЗИАТСКИМИ ХАНСТВАМИ. ПРОДВИЖЕНИЕ РОССИИ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В КАЗАХСТАНЕ 92

Глава 6. КЛАССОВАЯ БОРЬБА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В ПЕРИОД ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ 120

Глава 7. ВХОЖДЕНИЕ СТАРШЕГО ЖУЗА. ЗАВЕРШЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ 166

Глава 8. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВХОЖДЕНИЯ КАЗАХСТАНА В РОССИЮ 190

Глава 9. ПРОГРЕССИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ПЕРЕДОВОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ 213

Глава 10. БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ КАЗАХСТАНА ПРОТИВ ЦАРИЗМА И ФЕОДАЛЬНО-БАЙСКОГО ГНЕТА 245

Заключение 274

- 11441 -

Тлеукажы Жанаевич Шоинбаев

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВХОЖДЕНИЕ КАЗАХСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВ РОССИИ

Редактор *Н. Н. Королева*
Художник *Л. И. Гурин*
Художественный редактор *Г. М. Горелов*
Технический редактор *Л. И. Шашкова*
Корректор *Р. И. Хусаинова*

ИБ № 1882

Сдано в набор 20.08.81. Подписано в печать 15.03.82. УГ 15040. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная, Высокая печать. Усл. печ. л. 14,70. Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 10 000 экз. Заказ № 2472. Цена 1 р. 20 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, *480124, г. Алма-Ата, проспект Абая, 143.*

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, *480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.*